№ 14. Іюль.

МОСКОВСКІЙ ТЕЛЕГРАФЪ.

ИСТОРІЯ РИМСКАГО ПРАВА

ВЪ СРЕДНІЯ ВРЕМЕНА.

(Окончаніе).

Продолжимъ наши замѣчанія. Есть множество доказательствъ, что Римское Право не истреблялось. У Визи-Готѳовъ Breviarium, Римскій сборникъ, не оставляетъ въ томъ ни малаго сомнѣнія; у Бургундцевъ, народный законъ былъ основанъ на дѣйствительности Римскаго Права, и впослѣдствіи Бургундцы сами допустили составленіе книги Римскаго Права; у Франковъ, существованіе Римскаго закона доказывается учрежденіемъ, обнародованнымъ въ 560 году Клотаріемъ. Черезъ сто лѣтъ послѣ сего (въ 660-мъ) основаніе законовъ личныхъ ясно вписано въ формулахъ Маркульфа. Наконецъ, Капитуляріи Карла Великаго и Людовика Простодушнаго признаютъ Римское Право. Въ Ломбардіи Луйтпрандъ не зналъ иныхъ законовъ, кромѣ Лонгобардскаго и

Римскаго (*); но съ господствомъ Карловинговъ, въ Италію перешла система законовъ личныхъ и разнообразныя ея отношенія.

(*) Lex romana, lex salica: въ какомъ именно смыслѣ должно понимать здѣсь слово: lex? Lex salica не значитъ, какъ многіе думаютъ, книгу, дошедшую до насъ, но означаетъ общность существующаго Права народнаго. Мы имѣемъ изъ онаго только небольшое извлеченіе, жалкій остатокъ сего, столь любопытнаго, Права. Слѣдственно lex означаетъ не тотъ или другой законъ, но самое Право. Такъ, по аналогіи, lex romana значитъ Римское Право и всегда соотвѣтствуетъ въ понятіи пишущаго сіи слова частному собранію Римскихъ законовъ, какое онъ зналъ. При семъ случаѣ весьма важно пояснить мнѣніе, опирающееся на уважительный авторитетъ Дюканжа, Бренкмана и Риттера, которые доказываютъ, что lex romana означаетъ исключительно breviarium. Конечно сіе собраніе чтили именемъ: breviarium, но не исключительно передъ всѣми другими; это доказываетъ *Папіанъ*, котораго Автору былъ неизвѣстенъ Breviarium, и въ которомъ lex romana всегда означаетъ не иное что, какъ вообще Римское Право. Прибавьте еще, что переписчики *Папіана* назвали сей кодексъ lex romana. Одна изъ капитулярій Карла Плѣшиваго, отъ 865 года, ссылается на распоряженія Римскаго Права, lex romana, находящіяся въ *новеллахъ*, а не въ breviarium. Наконецъ, въ заключеніе сихъ избранныхъ доказательствъ, скажемъ, что въ одномъ рѣшеніи Труаскаго Синода, отъ 878 года, право Юстиніаново названо leges romanæ.

Какъ примѣняли къ дѣлу Право личное, утвержденное повсюду (*)? Было поставлено правиломъ, чтобы всякій жилъ на основаніи права того народа, отъ котораго онъ происходилъ по отцѣ. Изъ сего правила исключались женщины, подвергавшіяся законамъ своихъ мужей, духовные, вмѣстѣ съ самою Церковію пользовавшіеся Римскимъ Правомъ, и наконецъ, у нѣкоторыхъ народовъ, вольноотпущенные. Въ Италіи, гдѣ, какъ мы видѣли, существовало величайшее разнообразіе въ правахъ лицъ, введено было въ обычай означать въ юридическихъ актахъ право тяжущихся и свидѣтелей. Впрочемъ мы находимъ сіи оглашенія (professiones) только въ Ломбардіи, но незнаемъ, какъ поступали при столкновеніи выгодъ между тяжущимися разныхъ народовъ. Однакожъ, по дошедшимъ до насъ документамъ, можемъ утвердительно сказать, что приговоры о преступленіяхъ составлялись по закону виновной стороны, что въ гражданскихъ дѣлахъ судъ бывалъ произносимъ по закону защищавшагося, и что въ юридическихъ актахъ, касательно при-

(*) Въ семъ случаѣ, Лупи, Итальянскій Авторъ, есть писатель истинно классическій. Онъ побѣдоносно опровергъ заблужденія своихъ предшественниковъ, и Г. Савиньи признается, что онъ почти исключительно пользовался его трудами, кой-гдѣ измѣняя оные.

сяги, договоровъ и завѣщаній, слѣдовали закону дѣлавшаго акпъ. Но Бургундцы писали завѣщанія и по Бургундскому и по Римскому закону.

Система законовъ личныхъ мало по малу пришла въ упадокъ и такимъ образомъ въ Италіи Германскіе законы уступили мѣсто Римскому Праву и статутамъ городовъ; но измѣненіе сіе произошло тамъ не скоро. Напротивъ у Франковъ, Право личное, и слѣдственно Право Римское, весьма рано потеряло свою власпь во многихъ мѣстахъ ихъ страны. Отъ чего произошло сіе столь быстрое измѣненіе? Извѣстно, что во время составленія гражданскаго уложенія, Сѣверная Франція руководствовалась правомъ основаннымъ на обычаѣ, а Южная правомъ писаннымъ. Происхожденіе сего различія весьма отдаленно. Въ одной декреталѣ 1220 года, говорится о семъ измѣненіи, какъ о дѣлѣ, съ давняго времени совершившемся: « In Francia et nonnullis provincis laici romanorum imperatorum legibus non utuntur. » Такое-же свидѣтельство находимъ въ упомянутомъ эдиктѣ Карла Плѣшиваго, 864 года, и мѣсто сіе особенно любопытно, какъ явное доказательство, что Римское Право никогда не было отмѣнено положительными законами: « Super illam legem (romanam) vel contra ipsam legem nec antecessores nostri quodcunque capitulum statuerunt, nec nos aliquid constituimus. » Но, въ тоже

время разность законодательства ясно означена: «In illa terra in qua judicia secundum legem romanam terminantur, secundum ipsam legem judicatur. Et in illa terra in qua judicia secundum legem romanam non judicantur, etc.»

«Отъ чего, спрашиваетъ Монтескьё (*), Пра«во Римское истребилось у Франковъ? Отъ то«го, что чрезвычайно выгодно было оставаться «Франкомъ, варваромъ, то есть жить подъ «управленіемъ Салійскаго закона. Всѣ старались «оставить Римское Право и быть подъ вѣдѣні«емъ закона Салійскаго.» Это изъясненіе неудовлетворительно, по мнѣнію Г-на Савиньи: во первыхъ, оно заставляетъ думать, что въ то время люди могли самовольно избирать для себя Право, а это несправедливо и противорѣчитъ достовѣрнымъ, яснымъ извѣстіямъ; сверхъ того, какъ растолковать себѣ, что въ южныхъ странахъ, Готѳы, Бургундцы и Римляне, жившіе подъ властію Франковъ, не слѣдовали примѣру жителей сѣверныхъ и не хотѣли раздѣлять выгодной перемѣны законодательства? Надобно далѣе искать причинъ сего измѣненія и открыть ихъ въ самое время водворенія варваровъ. На сѣверѣ Галліи, гдѣ произошло первое вторженіе, Франки ворвались съ многочисленнѣйшими орда-

(*) Esprit des lois, L. XXVIII, ch. 4.

ми, и оказывали туземцамъ множество насилій и тиранствъ. Когда, въ послѣдствіи, они распространили границы своего государства и пришли во вновь завоеванныя страны, число ихъ было уже не столь велико и характеръ менѣе жестокъ; потому-то Франки имѣли перевѣсъ на сѣверѣ, а Римляне на югѣ. Впрочемъ это не объясняетъ еще, отъ чего утвердились Право основанное на обычаѣ и Право писанное, потому что было-бы естественнѣе, въ тѣхъ странахъ, гдѣ находилось мало Римлянъ, оставишь имъ собственное ихъ законодательство и не жертвовать ими большему числу. Это было-бы согласно съ духомъ Германскимъ учрежденій. Но самыя учрежденія сіи исчезали вмѣстѣ съ древними племенами, и новые народы образовывались мало по малу изъ весьма многихъ, различныхъ, смѣшанныхъ элементовъ. Какъ-же могло тогда существовать Право личное, основывавшееся на различіи и силѣ поколѣній? Феодализмъ уничтожилъ льготы варваровъ, и подъ властью его люди принадлежали уже не къ тому или другому поколѣнію, но къ такому или другому лену. На Сѣверѣ, право феодальное возвысилось надъ правомъ Германскимъ, и Римское Право, не имѣвшее силъ защищать свободу частныхъ лицъ, истребилось. За то, судьба его была совсѣмъ не такова на Югѣ: тамъ Римское поколѣніе было многочисленно и поддерживало свою власть.

Другое различіе. На сѣверѣ Франціи не оставалось ни малѣйшаго воспоминанія о первобытномъ правѣ племенъ. Слѣдственно, даже имя Салійскаго закона не было тамъ произносимо и частные обычаи заступили мѣсто древняго Права. На югѣ, напротивъ, Римское Право всегда сохраняло свою древнюю форму и свое единство, хотя поколѣніе Римское, такъ-же какъ и поколѣніе Франковъ, исчезло въ новомъ народѣ. Вотъ причина сей противоположности: старинное Германское право, тѣсное въ своемъ первобытномъ объемѣ, грубое, ограниченное, не могло примѣниться къ какому либо перевороту и даже сдѣлать покушеніе поддѣлаться къ оному, тогда какъ Право Римское, богатое наукою и идеями, обширное и вмѣстѣ гибкое, безъ труда, величественно слѣдовало за движеніями общества и умѣло служить и удовлетворять ему.

Не приступая еще къ описанію судьбы Римскаго Права, которую мы уже постоянно будемъ объяснять, покажемъ, какія учрежденія принесли съ собою варвары и какъ производился у нихъ судъ. Многіе новые писатели, между прочимъ Г. Сисмонди, представляютъ намъ варваровъ разбойниками, думавшими только объ истребленіи Римской Имперіи, и до вторженія въ оную не имѣвшими ни отечества, ни народныхъ нравовъ, ни учрежденій. Этотъ легкій, поверхностный взглядъ не выдерживаетъ разбора. При-

знаемся однакожъ: намъ трудно узнать сіи учрежденія и нравы; первобытныхъ памятниковъ нѣтъ, и до насъ дошли только небольшія свѣдѣнія, много потерпѣвшія отъ понятій, невѣжества и предразсудковъ Римлянъ. Есть однакожъ средство собрать многія справедливыя извѣстія: надобно держаться достовѣрныхъ документовъ, непосредственно относящихся ко вторженію. Узнать, какія однообразныя учрежденія существовали у варваровъ, во время самаго ихъ водворенія въ различныхъ странахъ, значитъ собрать, по возможности, слѣды истиннаго правленія Германскаго и духа его, ибо духъ не могъ еще угаснуть въ то время, когда слѣды сохраняли свою независимость и первообразность.

У Германцевъ, народъ состоялъ изъ всѣхъ свободныхъ людей, которые одни имѣли всю власть и всѣ права. Политическій составъ основывался на томъ, что земля раздѣлена была на области или кантоны, называвшіеся gau. Въ каждомъ gau, свободные люди составляли мѣстное общество и имѣли надъ собою Графа, водившаго свободныхъ людей на войны народныя и предсѣдательствовавшаго на судилищахъ, безъ рѣшительнаго голоса. Рѣшеніе принадлежало всѣмъ свободнымъ людямъ, составлявшимъ gau. Они примѣняли Право и произносили судъ о предлагаемомъ дѣлѣ, иногда общимъ собраніемъ, иногда частно.

При Карлѣ Великомъ это измѣнилось. Избраннымъ изъ свободныхъ людей предоставляли право и вмѣняли въ обязанность судить, не исключая впрочемъ изъ сего и всѣхъ другихъ. Сихъ свободныхъ людей, назначенныхъ производить судъ, мы назовемъ *старшинами*; въ законахъ и документахъ имъ даютъ имя scabini.

Во всѣхъ Германскихъ племенахъ, свободные люди составляли основаніе общества и политическаго тѣла. Состояніе свободнаго человѣка хорошо выразилъ Мозеръ словомъ Ehre: это caput Римлянъ. Свободные люди имѣли также преимущественную собственность; это опять какъ-бы dominium ex jure quiritium Римлянъ. У Лонгобардовъ свободные люди назывались arimanni, у Франковъ rachimburgii, boni homines. Фризоны, Англы и Саксоны конечно имѣли также своихъ свободныхъ людей, но это извѣстно намъ очень мало.

Старшины, scabini, во время Карла Великаго были установлены вездѣ. Подъ предсѣдательствомъ Графа, его помощника, или одного изъ missi dominici, они занимались правосудіемъ. Почти достовѣрно, что у Германцевъ учрежденіе сіе не было ни древнее, ни первобытное; слово: scabini не встрѣчается нигдѣ прежде Карла Великаго, и можно почитать неоспоримымъ, что первоначально судили всѣ свободные люди. Но

когда Франки, управляемые и разбросанные въ обширной монархіи, потеряли основаніе и духъ своихъ варварскихъ нравовъ, то бывшее преимуществомъ могло уже казаться тягостью. Право: судить равныхъ себѣ, надлежало ввѣрить избраннымъ изъ свободныхъ людей, и для народа это сдѣлалось обязанностью и должностью. Старшины судили вмѣстѣ и дѣла и права; они должны были принадлежать къ одному съ тяжущимися народу, дабы судить ихъ по ихъ закону. Вотъ обязанности старшинъ, означенныя ясно. Не столь удачно можемъ мы объяснить *Сахибароновъ*. Были-ли это, какъ думаетъ Эйхгорнъ, сотоварищи старшинъ, утверждавшіе права, тогда какъ тѣ обсуживали дѣло (*)? Но въ документахъ и формулахъ Сахибароныникогда не именуются на ряду съ стар-

(*) См. Eichhorn, Deutsche Staats- und Rechtsgeschichte, т. 1, стр. 222, третьяго изданія. Впрочемъ, чтобы вполнѣ узнать учрежденія и права Германцевъ, превосходныя изысканія Г-на Савиньи еще неудовлетворительны: надобно соединить и сравнить многочисленные труды Нѣмцевъ о семъ предметѣ, и между прочимъ, во главу угла поставить сочиненія Мезера, Эйхгорна, Рогге и Гримма. На Французскомъ языкѣ есть Essais sur l'Histoire de France, соч. Гизо, гдѣ обсужены и изслѣдованы всѣ великіе историческіе вопросы, съ пятаго до десятаго столѣтія. Всякій, кто хочетъ надлежащимъ образомъ изучить

шинами. Достовѣрныя извѣстія должны дать другое направленіе нашимъ предположеніямъ. Законъ давалъ Сахибарону важность, одинаковую съ Графскою, и сужденія были произносимы при немъ, такъ-же какъ при Графѣ; не льзя-ли заключить изъ сего, что для противодѣйствія выбору народному и власти Графа, Короли учредили Сахибароновъ, коихъ краткое появленіе въ Исторіи также объясняется, ибо они должны были уничтожиться съ того времени, когда Короли сами могли назначать Графовъ?

Графы, какъ мы уже сказали, предсѣдательствовали при старшинахъ, во время судопроизводствъ, и водили свободныхъ людей на войны народныя. Въ началѣ они были назначаемы народомъ, но со времени завоеванія Римскихъ земель, упвердившаго за варварами Королевскую власть, они были непосредственные чиновники Короля, назначавшаго ихъ и ввѣрявшаго имъ гражданскую власть. Grafio было варварское имя ихъ у Франковъ; comes должно быть Римскій переводъ онаго. Помощникъ ихъ, судившій небольшія дѣла, назывался tunginus

---

муниципальныя учрежденія Римлянъ и варваровъ и ихъ вторженія, законы, нравы и племена, долженъ сравнить слѣдствія, выведенныя Г-мъ Гизо, въ превосходномъ его сочиненіи, съ мнѣніями Г-на Савиньи и другихъ писателей Нѣмецкихъ.

или centenarius; они имѣли еще другихъ, чрезвычайныхъ помощниковъ. Учрежденіе Графовъ было у варваровъ всеобщимъ. Вы найдете ихъ у Саксоновъ, у Баварцевъ, у Визи-Готѳовъ. Общій характеръ сего учрежденія у различныхъ племенъ есть соединеніе гражданскаго судопроизводства съ военнымъ начальствомъ. Оно было также у Англо-Саксоновъ и Лонгобардовъ, но съ измѣненіями и различіями, которыя должно изучать въ ихъ Исторіяхъ.

Что сдѣлалось съ Римскимъ Правомъ и Римскими учрежденіями во время завоеванія, когда они столкнулись съ учрежденіями варваровъ, и когда побѣдители смѣшались съ побѣжденными? Измѣненія особенно должны были постигнуть высшія власти. Такъ въ Галліи и въ Испаніи Правители Римскихъ областей были замѣнены Германскими Графами. По какому жребію подверглись муниципальныя учрежденія, съ ихъ Сенатомъ, ихъ дуумвирами или защитниками, и ихъ судопроизводствомъ? Доселѣ разно думаютъ о Франціи; касательно-же Испаніи, истребленіе оныхъ почитаютъ несомнѣннымъ. Не принимая ни одного изъ сихъ мнѣній, Г-нъ Савиньи говоритъ, что побѣда нигдѣ не уничтожила муниципальнаго управленія.

Повторяемъ, что Германцы никогда не думали ни истреблять Римлянъ, ни передѣлывать ихъ на свои нравы. Нужны-ли доказательства?

Господство Латинскаго языка въ новыхъ языкахъ, происшедшихъ изъ сего смѣшенія народовъ, и сохраненіе Гражданскаго Права Римскаго, представляютъ доказательства неопровержимыя. Но неистребимость Римскаго Права не показываетъ-ли въ свою очередь сохраненія, по крайней мѣрѣ нѣкоторой части судебныхъ учрежденій, ибо какъ-же-бы употребляли Римское Право безъ оныхъ? Впрочемъ, гражданское судопроизводство Римскихъ городовъ могло быть легко примѣнено къ государственному устройству Германіи. Duumvir и defensor съ одной стороны, и centenarius и sculletus съ другой стороны, имѣли нѣкоторое сходство; судейства низшія, занимавшіяся дѣлами побѣжденныхъ и побѣдителей, были подчинены власти Графа, управлявшаго и варварами и Римлянами. Декуріоны и Рахимбурги, нѣкоторымъ образомъ, сходствовали между собою, и даже, статься можетъ, что декуріонство Римское было не чуждо избиравшимся и постояннымъ scabinis, какъ-то мы видѣли у Франковъ. Наверное, Германцы, не любя городовъ, долго не имѣли ничего общаго съ муниципальнымъ управленіемъ, и слово habitator, часто встрѣчаемое въ хартіяхъ осьмаго и девятаго столѣтій, очень можетъ означать Германцевъ, случайно проживавшихъ въ городахъ. Сдѣлавшись многочисленнѣе, они образовали между собою сообщества, подобныя Римскимъ; впо-

слѣдствіи они соединились съ ними, и такъ побѣдители и побѣжденные образовали уже одно, большое сообщесшво, составленное изъ двухъ различныхъ элементовъ, подъ управленіемъ коллегій Германскихъ старшинъ и ordinis Римлянъ. Такъ произошло сіе смѣшеніе, долженствовавшее произвесши новые народы; такъ Германскія племена и Римскій народъ сблизились и слились; шаковы начало и зарожденіе новой Европы. Теперь поговоримъ о каждомъ изъ варварскихъ народовъ послѣдоваѣельно.

Мы знаемъ, какъ Бургундцы раздѣлили между собою земли, но о государственномъ устройсшвѣ ихъ не имѣемъ документовъ, современныхъ завоеванію. Въ Предисловіи къ Бургундскимъ законамъ говорится о Графахъ, но нѣшъ ни слова о муниципальномъ управленіи городовъ, хотя должно полагашь, что оно существовало, судя по сказанному нами выше сего, и по свидѣшельсшву Авитуса, Архіепископа Вѣнскаго, умершаго въ 525-мъ году. Сей духовный ясно говоришъ, что во время его предшесшвенника, *курія* Вѣнская состояла изъ великаго числа знамениѣыхъ людей.

Напротивъ Breviarium, Римскій кодексъ, сосшавленный въ 506-мъ году, черезъ сто лѣшъ по завоеваніи, свидѣшельсшвуешъ, что у Визи-Гошоовъ сохранились учрежденія побѣжденнаго наро-

да. Breviarium составляютъ двѣ части: выписки изъ самаго Римскаго Права и толкованіе. Римское Право въ ономъ мало служитъ къ поясненію государственнаго состава; напротивъ *толкованіе* озаряетъ все Римское Право, особенно удаляясь отъ текста и передавая духъ времени. Всѣ историческія, выше исчисленныя нами вѣроятности о существованіи учрежденій Римскихъ, подтверждаются симъ комментаріемъ. Тамъ находимъ муниципальное управленіе съ его судопроизводствомъ, декуріонами, и judex, слово, означающее иногда Графа у Готѳовъ, иногда duumvirum, иногда defensorem у Римлянъ. Впослѣдствіи, Короли Визи-Готѳскіе, желая совершенно соединить Римлянъ со своимъ народомъ, запретили употребленіе Римскаго Права. Однакожъ, и послѣ сего запрещенія находимъ въ народныхъ законахъ имена: judex и defensor.

О сохраненіи муниципальныхъ установленій у Франковъ есть множество доказательствъ. Объ этомъ надобно прочитать обстоятельное изложеніе Г-на Савиньи, ибо мы можемъ здѣсь означить только главнѣйшія его заключенія (*).

(*) Не забудемъ, что Дюбо, въ этомъ отношеніи довольно приблизился къ истинѣ. Г. Савиньи признаетъ это, но замѣчаетъ, что Графъ дю Бюа и Моро, писавшіе послѣ Дюбо, привели сію истину въ сомнѣніе своими увеличеніями и гипотезами. Важнѣйшій противникъ ихъ былъ Мабли.

Первое иго наложено было на Италію Одоакромъ и Герулами; но они только прошли по Италіи, и, такъ сказать, не имѣли времени управлять ею. Явились Остро-Готѳы, которыхъ владѣваніе было сильно и славно. Имя Ѳеодорика, такъ-же какъ имя Карла Великаго, было прославлено исторіею и поэзіею. Государственное управленіе Остро-Готѳовъ, отличающееся отъ управленія другихъ варваровъ, уважало Римскія учрежденія. Кассіодоръ ясно свидѣтельствуетъ о муниципальномъ управленіи. Онъ объясняетъ также судопроизводство. Тяжбы между Римлянами производились по древнимъ формамъ; тяжбы между Готѳами рѣшались въ судилищѣ ихъ Графа; наконецъ тяжбы Римлянъ съ Готѳами были судимы Графомъ, въ присутствіи Римскаго юрисконсульта.

Готѳы были изгнаны изъ Италіи Греками, которые, въ свою очередь, вытѣснены были Лонгобардами и сохранили только Равенну съ Экзархатомъ и Пентаполою, Римъ съ его Герцогствомъ и нѣкоторые участки Нижней Италіи. Около половины осьмаго вѣка они потеряли даже Римъ и Экзархатъ. При владычествѣ Грековъ внутреннее устройство Италіи поддерживалось, что доказывается раздѣленіемъ власти гражданской и военной. Оригинальныя хартіи, дошедшія до насъ отъ сего времени и изданныя ученымъ Марини, ясно показываютъ существованіе муниципальна-

го управленія и его судопроизводства; Письма Григорія Великаго еще болѣе подтверждаютъ сіе. Такимъ образомъ, въ седьмомъ вѣкѣ Италія была совершенно Римскою.

Но чѣмъ сдѣлалась она при владычествѣ Лонгобардовъ? Если учрежденія поддерживались, то прежде всего должно, чтобы побѣжденные жители были сохранены. Но о судьбѣ Римлянъ въ сіе время есть двѣ противоположныя системы. Маффеи утверждаетъ, что Лонгобарды входили въ ихъ землю только въ небольшомъ числѣ, и что Итальянское поколѣніе сохранилось до нашихъ дней, почти во всей своей чистотѣ. Лупи, напротивъ, думаетъ, что Лонгобарды истребили все, пощадивъ только чернь, и что нынѣшніе Римляне суть не иное что, какъ Лонгобарды. Здѣсь преувеличеніе съ обѣихъ сторонъ, но Маффеи ближе къ истинѣ. Если-бы и не было другихъ доказательствъ, то великое число Римскихъ признаковъ, видимыхъ въ Итальянскомъ языкѣ, обличило-бы систему Лупи въ несправедливости. Сверхъ сего, поступки Лонгобардовъ, подражавшихъ Остро-Готамъ въ системѣ раздѣленія земель, и такимъ образомъ оставившихъ побѣжденнымъ большую часть ихъ достоянія, совершенно опровергаютъ мнѣніе Лупи. Если вслѣдствіе побѣды земли были раздѣлены, и высшія власти Римскаго управленія уничтожены, то

можно положить за вѣрное, что управленіе муниципальное сохранилось (*). Свобода существовала и при Лонгобардахъ, хотя неславная, темная и какъ-бы предназначенная единственно предуготовить будущую судьбу поколѣній, болѣе смѣлыхъ. Она произвела тѣ свободныя учрежденія двѣнадцатаго вѣка, которыя столь совершенно сходствуютъ съ Римскими муниципалитетами, и коихъ появленія не льзя было-бы объяснить, не причисливъ ихъ къ древнимъ учрежденіямъ, затемненнымъ и передѣланнымъ временемъ, но не уничтоженнымъ.

Слѣдственно, Право Римское, со своими муниципальными и судебными учрежденіями, пережило завоеваніе; но было-ли оно въ сіи времена преподаваемо въ училищахъ, и сохранилась-ли такъ-же счастливо теорія онаго, какъ практика? Во время Улпіана, Право было особенно преподаваемо въ Римѣ, и преподаватели пользовались тамъ нѣкоторыми выгодами. Въ 425-мъ году въ Константинополѣ было основано публичное училище, состоявшее изъ тридцати одного

(*) Мы не можемъ слѣдовать здѣсь за Г-мъ Савиньи въ опроверженіи противоположныхъ мнѣній Сигонія, Маффеи, Фюмагалли, Лупи, Сисмонди и Шпиттлера, такъ-же какъ и въ его превосходномъ сближеніи доказательствъ, плодѣ удивительной учености.

преподавателя, изъ числа коихъ двадцать восемъ должны были обучать языку Римскому и Литературѣ, одинъ Философіи и двое наукѣ Права. Черезъ одинъ вѣкъ, въ 533-мъ году, Юстиніанъ обнародовалъ свою слазную Конституцію ad antecessores, которою онъ уничтожилъ всѣ училища Права, за исключеніемъ училищъ Берытскаго, и столичныхъ, то есть Римскаго и Константинопольскаго. И такъ, вотъ три училища для обширнѣйшей Имперіи. Преподаваніе конечно не было иногда единственнымъ средствомъ пріобрѣсти знаніе въ Римскомъ Правѣ: ему учились изъ практики. Въ городахъ Римскихъ, Сенаторы, такъ-же какъ старшины у Германцевъ, управляя дѣлами, поддерживали сіе знаніе и передавали его своимъ преемникамъ. Занятіе Нотаріусовъ было также средствомъ распространенія онаго: tabelliones и notarii собирали переданное имъ Юрисконсультами древняго Рима, имѣвшими всегда въ рукахъ своихъ акты свободнаго судопроизводства; они машинально переписывали формулы, для нихъ непонятныя, и такимъ образомъ передали намъ драгоцѣнныя свидѣтельства. Только не должно вѣрить, безъ справокъ, существенному и практическому примѣненію сихъ формулъ и идей, во многомъ не имѣвшихъ уже своего значенія и своей важности.

Наконецъ мы достигаемъ до источниковъ и самыхъ памятниковъ Римскаго Права, существо-

вавшихъ во времена завоеванія и водворенія варваровъ. Разсмотримъ и новыя уложенія, сосставленныя для побѣжденныхъ жителей, и законы побѣдителей.

У Бургундцевъ, Право Римское дѣйствовало положительно и съ большою силою. Законы Бургундскіе, собранные Гондебаудомъ и умноженные сыномъ его Сигизмундомъ, представляютъ намъ во многихъ мѣстахъ ученіе и духъ Римскаго Права: въ нихъ нѣтъ мѣстъ, буквально переписанныхъ, но можно видѣть, что составители оныхъ должны были имѣть передъ глазами Breviarium Визи-Готѳовъ, съ его толкованіемъ. Когда Франки завоевали Бургундію, законы сіи не погибли и всегда имѣли силу, какъ право личное. Въ девятомъ столѣтіи еще говорили о семъ, и Агобардъ писалъ къ Людовику Простодушному, что немногіе слѣдуютъ Бургундскому закону, что это Право сложно и трудно къ понятію. Онъ просилъ Императора уничтожить оное и подчинить Франкскимъ законамъ немногихъ, оспававшихся еще Бургундцевъ.

Около половины шестнадцатаго столѣтія Кюжасъ (*) издалъ небольшое сочиненіе, много разъ перепечатанное съ того времени и называемое,

(*) Несправедливо называемый у насъ *Куяціемъ*, или еще *Куяціусомъ*.—*Прим. Русск. Перев.*

во всѣхъ изданіяхъ, Papiani liber responsorum или Papiani responsum. Это небольшое сочиненіе есть кодексъ Римскій, въ 517-мъ году, въ предисловіи къ законамъ Бургундскимъ обѣщанный побѣжденнымъ. Достовѣрность сего доказывается неоспоримо согласіемъ, или сходствомъ отдѣловъ въ законѣ Бургундскомъ и Папіанѣ и почти буквальнымъ вписаніемъ нѣкоторыхъ отдѣловъ Папіана въ первое прибавленіе къ Бургундскимъ законамъ. Кюжасъ первый открылъ Бургундское происхожденіе Папіана; Линденброгъ ясно изложилъ сіе открытіе; Гейнекцій подтвердилъ оное основательными указаніями. Папіанъ (*), состоящій изъ сорока семи отдѣловъ, былъ сочиненъ по Breviario Визи-Готѳскому и по руководству самаго Права древняго; онъ драгоцѣненъ для исторіи законодательства,

(*) Не должно соединять никакого особеннаго смысла со словомъ *Папіанъ*, и особенно надлежитъ остерегаться приписывать сію книгу Классику Папиніану. Кюжасъ, будучи въ восторгѣ отъ своего открытія, впалъ сначала въ сію ошибку, но отказался отъ нея и приписалъ сей кодексъ одному позднѣйшему юрисконсульту, именемъ Папіану. Но сего Папіана никогда не бывало, и названіе сіе есть только искаженное имя Папиніана, изъ котораго было одно мѣсто въ концѣ полныхъ рукописей Breviarii. Г-нъ Савиньи предполагаетъ, съ нѣкоторымъ вѣроятіемъ, что это обстоятельство вовлекло Кюжаса въ двойную его ошибку.

но доселѣ имъ пользовались довольно поверхностно.

У Визи-Готѳовъ составленіе Римскаго кодекса предшествовало собранію Готѳскихъ законовъ. Аларикъ устроилъ Коллегію изъ Римскихъ Юрисконсультовъ, которые составили, въ 506-мъ году, въ городѣ Эрѣ, въ Гасконіи, Breviarium alarician um (*), представленный послѣ сего собранію Римлянъ, гдѣ находилась половина духовныхъ, половина свѣтскихъ людей: они одобрили его. Король послалъ къ каждому Графу копію, подписанную Аніаномъ, его референдаріемъ, и въ тоже время онъ отправилъ къ нимъ рескриптъ (commonitorium), дабы они точно блюли законъ Римскій, подъ опасеніемъ строжайшаго наказанія. Составители кодекса почерпали изъ двухъ обильныхъ источниковъ Римскаго Права постановленія Императоровъ (leges) и сочиненія юрисконсультовъ (jus). Они не слѣдовали методѣ списывальщиковъ Дигесты; сочиненія у нихъ не раздроблены и расположены въ слѣдующемъ порядкѣ:

1-е. Кодексъ Ѳеодосіевъ, 16-ть книгъ,

2-е. Новеллы { Ѳеодосія, Валентиніана, Марціана, Маіоріана, Севера,

(*) Такъ было названо сіе сочиненіе въ шестнадцатомъ столѣтіи.

3-е. Институціи Гаія,

4-е. Павелъ; Сентенціи, 5-ть книгъ;

5-е. Кодексъ Григоріанскій (*), 13-ть отдѣловъ,

6-е. Кодексъ Гермогеніанскій, 2 отдѣла,

7-е. Краткая выписка изъ Папиніана, Lib. 1, responsorum.

Составители Breviarii извлекли и объяснили всѣ сіи сочиненія, но не измѣнили самаго текста; только Гаій потерпѣлъ нѣсколько. Какъ жаль, что для своего труда, впрочемъ имѣющаго достоинство, они такъ худо избрали источники древняго Права: въ собраніи ихъ едва упоминается объ имени Папиніана; Ульпіанъ даже и не наименованъ; Гаій укороченъ чрезвычайно; одинъ Павелъ переданъ намъ вполнѣ, въ самомъ ничтожномъ своемъ, сочиненіи, и можетъ быть даже самомъ дурномъ изъ всей Римской Юриспруденціи.

До насъ дошло собраніе Визи-Готѳскихъ законовъ, составляющее сочиненіе въ двѣнадцати книгахъ. Въ немъ законы двухъ родовъ: припи-

---

(*) Кодексы: Григоріанскій и Гермогеніанскій поставлены въ разрядъ сочиненій юрисконсультовъ (jus), потому что они были составлены безъ соизволенія Императорской власти.

сываемые одному изъ Королей, *Хиндасвинду*, сыну его *Рецесвинду*, и законы неизвѣстнаго происхожденія, получившіе названіе antiqua. Эти законы важны для Исторіи Права Римскаго, потому что они заимствовали нѣчто изъ онаго, и потому что уничтожили оное. Breviarium былъ ихъ единственнымъ источникомъ; изъ него взяли они многія основанія буквально, или съ перемѣнами (*). Въ половинѣ семнадцатаго вѣка одни они господствовали и уничтожили Римское Право, безъ сомнѣнія спрашась его могущественнаго соперничества. Такъ погибло у Визи-Готѳовъ основаніе Права Личнаго, и Право Земское взяло надъ нимъ верхъ. Въ тринадцатомъ столѣтіи, Альфонсъ X-й снова привелъ въ силу книги Юстиніановы, уже распространившіяся изъ Болоньи по всей Европѣ. Онъ даже велѣлъ сочинить новый кодексъ (partidas), почти совершенно основанный на Римскомъ Правѣ, и покровительствовалъ преподаванію науки.

У Франковъ Право Римское не приняло новой формы, или особенной редакціи, что весьма есте-

---

(*) Думали, что при этомъ пользовались также и Юстиніановымъ законодательствомъ; но, кромѣ невѣроятности подобныхъ заимствованій, въ то время когда имѣли подъ рукою Breviarium, молчаніе Исидора, во всѣхъ его сочиненіяхъ, о Юстиніановомъ Правѣ, не есть-ли положительное доказательство противнаго?

ственно: законы, существовавшіе до вторженія, удовлетворяли настоящимъ потребностямъ; но мы находимъ достовѣрные слѣды Римскаго законодательства въ законахъ варваровъ, въ актахъ того времени, во многихъ свѣдѣніяхъ объ изученіи Римскаго Права и даже въ нѣкоторыхъ сочиненіяхъ о семъ предметѣ.

Законы Франковъ раздѣляются на законы одного народа, частно, и на капитуляріи. Законы Баварцевъ, Аллемановъ и Рипуеровъ запечатлѣны въ извѣстныхъ мѣстахъ Римскимъ духомъ. Капитуляріи, то есть законы Королей Франкскихъ, назначенные не для одного только народа, и дошедшіе до насъ иногда отдѣльно, иногда въ сборникахъ, показываютъ многія основанія Римскаго законодательства, особенно три книги, столь худо составленныя въ девятомъ вѣкѣ Веніаминомъ Левитомъ, которому служили пособіемъ Breviarium, Ѳеодосіевъ кодексъ, Юстиніановъ кодексъ и Юліановъ переводъ Новеллъ.

Акты частныхъ людей у Франковъ показываютъ, что Римское Право было у нихъ въ употребленіи; но сравнивая оные, должно различать области, въ коихъ составлены акты, и разсматривать различныя измѣненія, какимъ на дѣлѣ подвергалось законодательство побѣжденныхъ.

Для преподаванія Римскаго Права не было особенныхъ училищъ; но, вѣроятно, что оно пре-

подавалось въ училищахъ Грамматики. Современные Историки упоминаютъ о многихъ лицахъ, знатокахъ Юриспруденціи Римской; еще достовѣрнѣе доказываютъ это труды современныхъ писателей надъ Breviario Визи-Готѳовъ, и особенно формулы Маркульфовы и изданныя Сирмондомъ, Балюзомъ и Линденброгомъ, гдѣ замѣтно, что они часто имѣли руководствомъ Breviarium. Наконецъ, вотъ сочиненіе о самомъ Римскомъ Правѣ: Petri excerptiones legum romanarum (*), написанное, вѣроятно во Франціи, въ окрестностяхъ Валанса, около половины одиннадцатаго столѣтія, прежде Болоньской школы, ибо въ немъ совсѣмъ нѣтъ ни методы ея, ни взглядовъ. Это система Права, и въ особенности Римскаго Права, раздѣленная на четыре книги, изъ коихъ первая содержитъ въ себѣ Право Личное, вторая Договоры, третія Преступленія, четвертая Судопроизводство. Объ Авторѣ мы знаемъ только то, что онъ назывался *Петромъ*, но видимъ въ немъ глубокое знаніе источниковъ и удивительную независимость ума. Его сочиненіе гораздо выше первыхъ опытовъ Ирнерія и его школы. Онъ пользовался Институціями, Пандек-

(*) Въ средніе вѣки, exсerpio значило *извлеченіе*. Г нъ Савиньи приложилъ сіе сочиненіе къ концу втораго тома своей Исторіи.

нами, Кодексомъ и Лапинскимъ Юліановымъ переводомъ Новеллъ.

Когда въ Англіи пало Римское владычество, то остававшіеся нам слѣды Римскаго Права были столь слабы, что ихъ могли не замѣтить. Впрочемъ, разсматривая оные ближе, видимъ, что народные законы удержали изъ нихъ нѣчто, и если Римское Право не было употребляемо въ Англіи, то было почитаемо наукою, необходимою для образованія ума (*).

Въ 500-мъ году, въ Италіи, Ѳеодорикъ обнародовалъ Эдиктъ, составленный имъ для Готѳовъ и Римлянъ: онъ хотѣлъ соединить два предмета, оставивъ варварамъ военное преимущество и разливъ на всю свою Имперію образованность Римскую. Онъ во многомъ измѣнилъ прежнее Право Готѳовъ, но не уничтожилъ онаго. Источники его Эдикта совершенно Римскіе; раздѣленіе такое-же, какъ и въ Breviarium; большая часть Эдикта заимствована изъ Сентенцій Павла, бывшихъ въ свое время ручною практическою книгою. Редакцію онаго похвалить не льзя; источники смѣшаны и часто искажены. Однакожъ, въ то время Право изучали и понимали: доказательствомъ сего служитъ Боэцій, употребляющій въ

(*) Объ Исторіи Права въ Англіи, времени среднихъ вѣковъ, всего болѣе должно справляться съ Диссертаціею Сельдена ad Fletam.

сочиненіяхъ своихъ и понимающій Классическихъ Юрисконсультовъ. Но иногда не умѣли приводить въ порядокъ идей, дѣлать ихъ всеобщими, составлять изъ нихъ систему, кодексъ. Въ 554-мъ году Юстиніанъ, повелитель Италіи, подчинилъ ее своему законодательству, и Эдиктъ Ѳеодорика былъ иногда забытъ и предоставленъ оставшимся побѣжденнымъ жителямъ. Отъ сего времени къ намъ дошли нѣкоторыя юридическія сочиненія, сколіи о Новеллахъ Юліана, Dictatum de Consilariis, Collectio de Rectoribus. Римъ, Равенна и Экзархатъ, остававшіеся нѣсколько времени у Грековъ, во время владычества Лонгобардовъ, сохраняли Римское Право.

Лонгобарды, такъ-же какъ и Франки, не сочиняли новаго кодекса для своихъ Римскихъ подданныхъ: книги Юстиніановы были столь все объемлющи, что избавляли ихъ отъ сего труда. Историку остается выбирать изъ народныхъ законовъ, документовъ, актовъ и писателей, свидѣтельства о существованіи Римскаго Права. Есть два собранія Лонгобардскихъ законовъ: одно хронологическое, другое систематическое, называемое *Лонгобардія*; содержаніе ихъ одинаково, только методы разны. Сіи законы утвердили продолжительность Римскаго Права и заняли отъ него многія основанія. Здѣсь, болѣе нежели гдѣ-либо, есть множество документовъ и актовъ, свидѣтельствующихъ о положительной силѣ Рим-

скихъ законовъ. Не останавливаясь на этомъ, перейдемъ къ сочиненіямъ о Римскомъ Правѣ, написаннымъ въ Королевствѣ Лонгобардскомъ. Въ 900-мъ году Breviarium былъ вновь изданъ, въ видѣ болѣе удобномъ для Римлянъ-Лонгобардовъ, и получилъ названія Lex Romana utinensis. Сей новый трудъ весьма дуренъ. За нимъ слѣдуютъ Quæstiones ac monita, изданныя Мураторіемъ и написанныя въ 100-мъ году: онѣ показываютъ совершенное познаніе всѣхъ частей Права Юстиніанова. Толкованіе на Лонгобардскіе законы, принадлежащіе къ означенному году, также подтверждаетъ сіе; наконецъ мы имѣемъ того-же времени сочиненіе, много вѣковъ извѣстное подъ именемъ Brachylogus, сочиненное въ Ломбардійской Италіи. Оно новѣе нежели Кодексъ utinensis и Quæstiones ac monita, но лучше ихъ, хотя само по себѣ неважно. Объ истинномъ времени составленія его думали весьма различно: иногда возводили его къ временамъ Юстиніана, иногда низводили къ шестнадцатому вѣку; но есть положительное доказательство, что оно не древнѣе Людовика Простодушнаго, и если оно было написано въ началѣ двѣнадцатаго вѣка, то можетъ быть Ирнерій есть сочинитель его. Это систематическое изложеніе Римскаго Права, не искусно составленное по книгамъ Юстиніановымъ, но истинно драгоцѣнное для Исторіи Права. Такимъ образомъ, Право Юстиніаново все-

гда существовало у Лонгобардовъ. Если со времени Карла Великаго Breviarium проникъ въ Ломбардію и испыталъ извѣстное намъ превращеніе, то другіе источники Права не менѣе сохраняли свою силу, и Короли не думали уничтожать оныхъ.

Доселѣ мы не упоминали о Церкви, потому что служители ея, во всей Европѣ, были особеннымъ сословіемъ, общимъ и частнымъ, и столь глубоко отличались отъ другихъ сословій, что могли существовать отдѣльно, посредствомъ духа своего господствуя во всей Европѣ. Посему, общій первообразъ Церкви всегда возносится надъ мѣстнымъ характеромъ и здѣсь особенно не нужно отыскивать различія странъ и племенъ. Церковь вездѣ принимала Римское Право и руководствовалась его основаніями. Доказательствомъ сего для насъ служатъ отдѣльныя свидѣтельства, каковы письма Григорія Великаго, рукопись Агобарда, письма Папы Іоанна VIII-го, сочиненія Епископа Гинкмара, и другіе документы; наконецъ, сборники о Церковномъ Правѣ.

Здѣсь оканчивается первая, важнѣйшая часть книги Г-на Савиньи. Мы видѣли ясныя доказательства, что Право Римское существовало и во время и послѣ завоеваній варваровъ; что, не погибнувъ, оно сдѣлалось одною изъ стихій нашего новаго міра, и что соединившись съ установленіями варваровъ и Христіанства, оно, по-

добно имъ, было однимъ изъ основаній нашей политической и законодательной конституціи. Таковъ общій выводъ изъ многочисленныхъ доказательствъ, собранныхъ Г-мъ Савиньи, за которымъ мы не будемъ слѣдовать въ дальнѣйшемъ развитіи сей великой мысли, и въ Литтературной Исторіи Римскаго Права.

Съ Французскаго.

СТИХОТВОРЕНІЯ.

Въ Альбомъ.

Подъ ревомъ бури, одинокъ,
Я въ твой альбомъ пишу листокъ,
И, сквозь окно, ея порывъ,
Листки летучіе раскрывъ,
Какъ призракъ шепчетъ думы мнѣ,
И сердца къ темной глубинѣ
Тѣснится вновь видѣній рой,
Воздушно-легкій, огневой.
Быть можетъ, нѣкогда и ты,
Въ минуту бѣглую мечты,
Когда двурогая луна
По небу синему одна
Плыветъ, и льетъ дрожащій лучъ,
Сквозь перелетный сумракъ тучь
На запустѣлые брега,
Дубравы спящіе, луга,
И на кристаллѣ зыбкихъ водъ
То потемнѣетъ, то блеснётъ —

Въ то время, можетъ быть, и ты,
Раскрывъ завѣтные листы,
Безъ мысли, встрѣтишь въ нихъ и сей
Печальный бредъ души моей!
И пусть забытый мой листокъ,
Какъ надъ могилою цвѣтокъ,
Хотя минуту надъ собой
Удержитъ взоръ летучій твой!

Колачевскій.

Звѣзда.

Ты вѣрно счастлива, лучистая звѣзда!
Тамъ, за далёкими, святыми небесами:
Столѣтія прошли, но всё ты молода,
И старый міръ тебя всё съ тѣми-жь зрѣлъ красами!...
Увы! и намъ была такая-же чреда:
Но мы не устояли сами.

Ѳ. Глинка.

Зависть.

Огонщъ задумалъ домъ сосѣдній сжечь,
И разложилъ огонь въ своемъ.... и вспыхнулъ пламень...
Сосѣдній домъ успѣли уберечь,
А у него — остался голый камень.
Вотъ зависть!.. Ближняго желая погубить,
Ея огонь въ себѣ разводимъ:
Но ближнему всегда-ль успѣемъ повредить?
Себя-жь и въ гробъ не рѣдко ею сводимъ...

Ѳ. Глинка.

КИРГИЗЪ-КАЙСАКЪ.

(Вторая глава романа).

На Руси существуетъ, если не старинная, то по крайней мѣрѣ не новѣйшая поговорка: любопытство хотя и не порокъ, но смѣху достойно. Это изрѣченіе вовсе несправедливо. Правда, что любопытство не рѣдко влечетъ за собою смѣшныя послѣдствія, но древняя басня о коробкѣ Пандоры, кажется, вѣрнѣе изображаетъ плоды онаго. Со всѣмъ тѣмъ оно, по Всевышней волѣ, свойственно всѣмъ смертнымъ, и будучи удержано въ надлежащихъ предѣлахъ, бываетъ источникомъ полезныхъ и благодѣтельныхъ открытій. Изъ сего слѣдуетъ, что это желаніе не только простительно, но даже и дозволительно всему роду человѣческому. Ученый бываетъ мучимъ демономъ любопытства, открыть тайны природы. Что-же отъ сего происходитъ? Изысканія ученаго никогда не доводятъ до желаемой цѣли, но въ замѣнъ того, сколько новыхъ предметовъ, достойныхъ вниманія, обрѣтаетъ онъ на пути? И за сіе обогащеніе области наукъ всѣ благодарятъ ученаго. По-

чему-же не простить молодой, невинной дѣвушкѣ, у которой сердце только что начинаетъ кое что поговаривать, безвреднаго любопытства узнать, кто таковъ мужчина, который избралъ ее изъ толикаго множества подобныхъ ей, или, употребляя коренное и святое Русское слово: кто таковъ ея *суженый*? Да, конечно, суженый! Не дѣвушка выбираетъ жениха, а мужчина ищетъ невѣсты. Таковъ уже законъ и природы и условныхъ приличій. Наши сельскія красавицы прибѣгаютъ въ подобномъ случаѣ къ чарамъ гаданія, столь прелестно и вѣрно описаннымъ Жуковскимъ въ его прекрасной Балладѣ. Но что дѣлать Княжнѣ Софіи? Какимъ образомъ ей удовлетворить любопытству не только простительному, но даже весьма естественному? Этому поможетъ сама природа, даровавшая прекрасному полу догадливость, которой вовсе не имѣютъ гордые мужчины. Кто писалъ это таинственное посланіе? Кто таковъ этотъ невѣдомый рыцарь, объявившій себя чтителемъ красоты прелестной Софіи? Неизвѣстно! Однако по нѣкоторымъ признакамъ, хотя и маловажнымъ, можно кое что угадать. Яблоко, упавшее съ дерева, открыло Ньютону законы притяженія, а три листа собственноручнаго писанія, важнѣе сотни падающихъ яблоковъ. И такъ, поищемъ! Не мудрено угадать, что письмо было писано въ Іюлѣ 1826 года, слѣдовательно назадъ тому

восемь мѣсяцовъ. Сочинитель онаго военный. Это хорошо! Софія любитъ военныхъ, и не слишкомъ жалуетъ *фрачниковъ*. Эти господа такъ смѣшны! Носятъ густые бакенбарды, какъ обезьяны, и на прищипливанье своихъ галстуховъ и манишекъ употребляютъ столько-же булавокъ, сколько женщины на свой туалетъ! Прекрасное оружіе для мужчины! булавки! fi donc!.. Толи дѣло военный. Никогда не слѣдуетъ модѣ, одѣвается по формѣ, и оружіе свое носитъ на лѣвомъ боку, какъ-бы въ доказательство, что оно столь-же близко къ его сердцу, сколько и особы, которыхъ онъ готовъ защищать. Таинственнаго рыцаря зовутъ Викторомъ. Имя прекрасное и даже романическое; а письмо его такъ похоже на первую главу романа!... Этотъ Викторъ носитъ аксельбанты. Слѣдовательно, онъ или Адъютантъ, или офицеръ по Квартирмейстерской части. Вѣроятнѣе что онъ Адъютантъ, и это очень хорошо. Въ Адъютанты выбираютъ людей образованныхъ, дѣловыхъ и надежныхъ. Правда, Софія видала такихъ, которые получали сіе званіе по родственнымъ связямъ и не оказывали большаго ума. Но на счетъ Господина Виктора, она готова поручиться, что онъ точно уменъ и образованъ. Это видно изъ его письма. Онъ описалъ Москву такъ вѣрно и живо, пробывши въ ней не болѣе двухъ мѣсяцевъ, что и служитъ неоспоримымъ дока-

зательствомъ наблюдательнаго ума. *Онъ* по видимому находится здѣсь, въ Петербургѣ. Это всего лучше: но какъ его узнать? Неужели присматриваться ко всѣмъ Адъютантамъ, имѣющимъ Азіятскія физіономіи, и дознаваться, который изъ нихъ называется Викпоромъ, и чья фамилія начинается съ буквы С.? Какъ можно! Надобно развѣдывать полегоньку и распрашивать поискуснѣе... Только по всѣмъ этимъ распросамъ, не возъимѣла-бы подозрѣнія наша проницательная тетушка? Не можетъ быть! Надобно будетъ всѣ изысканія основывать на предметахъ, ускользнувшихъ отъ вниманія Графини. Она сама призналась, что едва разобрала это мѣлкое письмо. Софія видѣла, что она очень скоро перевертывала страницы, слѣдовательно читала безъ вниманія, а послѣдній листокъ былъ подмоченъ и чернила нѣсколько слились. Близорукая Графиня видѣла только имя своей племянницы и похвалы ея красотѣ. Что-же за бѣда? Мужчина, въ дружеской перепискѣ можетъ похвалить хорошенькую дѣвушку; это не новость. Въ добавокъ къ тому, Софія объявила своей тетушкѣ, что она изорвала письмо и не намѣрена знать, кто писалъ оное. Графиня, по видимому, ей повѣрила, и не мучила дальнѣйшими распросами. Но точно-ли письмо было изорвано? О! въ мѣлчайшіе кусочки, которые горничная вымела: это всѣ видѣли.... (Двоюродный братъ Княжны, стар-

шій сынъ Графа, недавно былъ произведенъ въ офицеры Гвардіи, изъ камеръ-пажей. На послѣднемъ экзаменѣ, въ Корпусѣ, удостоился онъ полученія приза, состоявшаго изъ шкатулки, весьма замысловато отдѣланной, со множествомъ потаенныхъ ящиковъ. Это первое награжденіе своихъ успѣховъ молодой Графъ подарилъ своей кузинѣ, и показывая всѣ секреты красивой бездѣлки, сказалъ: Клади сюда любовныя письма. Разумѣется, что за эти пажескіе комплименты мы побранили милаго братца, объявивши, что никогда не получаемъ любовныхъ писемъ и не намѣрены ихъ получать. Со всѣмъ тѣмъ потаенный ящикъ не остался безъ употребленія. Мы положили туда письма задушевной пріятельницы Аделаиды, и наклеили на верхней дощечкѣ бумажку, съ надписью: Lettres de mon Adèle. Въ это собраніе попалъ и послѣдній листъ занимательнаго письма, а два первые, въ коихъ не упоминалось о красотѣ Софіи Павловны, дѣйствительно были изорваны)... Будемъ продолжать повѣствованіе о догадкахъ юной Княжны.

Графъ Рѣшимовъ, по тяжелымъ ранамъ обязанный оставить военную службу, занималъ должность, въ исправленіи коей соблюдалъ точность и порядокъ лагернаго быта. Вмѣстѣ съ симъ не измѣнилъ онъ и привычекъ военной жизни. Будучи командиромъ полка, и въ послѣдствіи времени начальникомъ дивизіи, онъ любилъ раздѣ-

лять свою трапезу не только съ приближенными, но и съ посторонними. Время обѣда было для него годиною дружеской, непринужденной бесѣды. Это обыкновеніе сохранилъ онъ и въ резиденціи, гдѣ въ слѣдствіе благоразумной экономіи и прихотливости паразитовъ, должно отказываться отъ стариннаго хлѣбосольства. Но Графиня была очень богата, и во всемъ покорна своему супругу. Графъ имѣлъ также большое состояніе, слѣдовательно издержки на обѣды не устрашали хозяевъ, и двадцать приборовъ ежедневно поставленныхъ, не причиняли излишнихъ расходовъ. Сидя за столомъ, Графъ ежедневно бесѣдовалъ съ своими коротkими знакомыми. Всѣ принимали участіе въ разговорѣ бѣгломъ, безсвязномъ и не касающемся важныхъ предметовъ. Каждый изъ присутствующихъ могъ или разсказывать или распрашивать, и Графъ, удовлетворяя вниманіемъ разскащикамъ и отвѣтами вопросителямъ, находилъ средство ко всему приплести воспоминанія о своей прошедшей жизни. Княжна основала на семъ обыкновеніи первый опытъ своихъ распросовъ. Въ письмѣ было упомянуто о какой-то Софіи Павловнѣ и двухъ мужчинахъ, ей неизвѣстныхъ. Почему знать? Можетъ быть эти господа знакомы ея всезнающему дядюшкѣ? «Не знаете-ли, кто таковъ Чацкій?» спросила она за обѣдомъ у Графа. — Чацкій? Я его очень коротко зналъ, когда съ

полкомъ стоялъ на Волыни. Это былъ человѣкъ очень ученый, старикъ, Кавалеръ Бѣлаго Орла. Училище въ Кременцѣ есть памятникъ его любви къ наукамъ.—И оборотившись къ сосѣду, Графъ началъ разсказывать о преданіяхъ, сохранившихся въ той странѣ о Польской Королевѣ Бонѣ. «Это не то!» подумала Софія, и выждавши удобную минуту, спросила у одного изъ присутствующихъ: «Есть-ли въ Россіи фамилія *Молчалиныхъ*?»—Развѣ Молчановыхъ!» возразилъ Графъ. Но вопрошаемый, догадавшись въ чемъ дѣло, сказалъ: «Княжна говоритъ о двухъ дѣйствующихъ лицахъ Комедіи: *Горе отъ ума.*»—Ну, почему-же я знаю—отвѣчалъ Графъ, и продолжалъ начатый имъ разсказъ объ Итальянской кампаніи. Княжна скрыла свое замѣшательство и позабавившись съ сидѣвшею подлѣ нея пріятельницею о мистификаціи, заданной любезному дядюшкѣ, стала допытываться, что за Комедія: *Горе отъ ума?* Ловкій кавалеръ, объяснившій загадку, предложилъ ей доставить эту пьесу на прочтеніе, что и было принято съ радостію, и съ увѣреніемъ, что давно уже хотѣлось ознакомиться съ этимъ хваленымъ произведеніемъ, о коемъ она до сихъ поръ не слыхивала. Какъ быть! Если Чацкіе и Молчалины не помогутъ узнать, кто таковъ *онъ*, то по крайней мѣрѣ мы увидимъ, какимъ Чацкимъ хотѣлъ онъ быть въ отношеніи къ намъ.

Рукописная Комедія, въ богатомъ сафьянномъ переплетѣ, доставлена на другой день со слугою. «Благодари!» сказала Княжна, и развернула книгу... «Боже мой! это его рука, это *онъ* писалъ! Теперь конецъ всѣмъ изысканіямъ, и приславшій пьесу сей часъ скажетъ, какъ зовутъ *его*.» Комедія прочитана съ восхищеніемъ. Ахъ, Чацкій, Чацкій! Какъ пламенно любилъ онъ Софію Павловну, такъ жестоко съ нимъ поступившую! Что, если-бы... Ничего! Это совсѣмъ другое дѣло!... Только мосье Чацкій самъ виноватъ. Характеръ его слишкомъ тяжелъ. Онъ такъ заносчивъ, такъ нетерпѣливъ, такъ желченъ, словомъ: это мизантропъ XIX столѣтія, столько-же несносный сколько и Альцестъ. Нѣтъ! *нашъ* Чацкій не таковъ. Онъ любезенъ, веселъ, учтивъ, снисходителенъ, готовъ всѣхъ любить. На это было у насъ письменное доказательство. Этого Чацкаго Софья Павловна не промѣняла-бы на сотню Молчалиныхъ. Наконецъ пожаловалъ и учтивый кавалеръ, приславшій пьесу и, между нами будь сказано, съ большимъ нетерпѣніемъ ожиданный. Послѣ обыкновенныхъ изъявленій благодарности и похвалъ прекрасному произведенію, Софія сказала: «Какимъ прекраснымъ почеркомъ это написано! Такъ чепко и вѣрно... Кто это вамъ переписывалъ?» Увы! отвѣтъ былъ: — Не знаю: эту рукопись оставилъ мнѣ пріятель, уѣхавшій въ Грузію! — И такъ рушились всѣ на-

дежды на скорое открытіе важной тайны!... Какъ досадно! За то впередъ наука. Когда танцуешь съ кѣмъ нибудь на балѣ, непремѣнно должно узнать, какъ зовутъ кавалера. А теперь ломай себѣ голову. Балы у Сардинскаго Посланника бывали каждый четвергъ. Можно-ли упомнить всѣхъ Адъютантовъ, съ которыми вальсируешь въ кошильонѣ? Но къ чему отчаяваться? Мы еще найдемъ средства.

Развалившись въ Вольтеровскихъ креслахъ, Графъ курилъ трубку въ своемъ кабинетѣ, куда никого кромѣ домашнихъ не допускали въ часы отдохновенія, послѣ обѣда. «Скажите, mon oncle!» спросила Княжна: «какъ надписываются пакеты и письма къ фрейлинамъ, которыя не *Сіятельства*?»—Ея Превосходительству. Да на что тебѣ это? — «Какъ на что? Случится писать, а у меня такъ много знакомыхъ при Дворѣ. Вотъ недавно еще я подружилась съ Княжною***. Вы, я думаю, знали ея отца?» — Можетъ быть. Какъ ее зовутъ?—«Ее зовутъ... Опять забыла! Ахъ, Боже мой! какая у меня дурная память на собственныя имена. Позвольте мнѣ взять на время вашъ Адресъ-Календарь. Я перепишу имена всѣхъ фрейлинъ.» —Пожалуй возми. – И Софія схватила толстую книгу.—Постой, мой другъ! Чтобы избавить тебя отъ труда переписки, я выдеру два листочка, на которыхъ напечатаны...—и съ сими словами Графъ хотѣлъ взять обратно книгу.

«Нѣтъ! нѣтъ! нѣтъ!» закричала Софія, ухватившись обѣими руками за придворный мѣсяцословъ, съ такимъ жаромъ, съ какимъ записной библіоманъ хватается за драгоцѣнное изданіе Альдовъ или Манучи. «Нѣтъ! не рвите ради Бога!»—Да что за бѣда?—сказалъ Графъ.—Вѣдь это прошлогодній Календарь.—«Все равно! я не могу видѣть, когда рвутъ книги.»—О если такъ, то я дарю тебѣ эту драгоцѣнность: перечитывай въ ней, если хочешь, имена всѣхъ Губернскихъ Секретарей и Протоколистовъ. — Княжна поцѣловала своего дядю, и готова была бѣжать въ свою комнату съ любезнымъ Календаремъ, но... осторожность заставила ее отложить книгу въ сторону и посвятить еще полчаса бесѣдѣ съ Графомъ.

Наконецъ она свободна, и, запершись въ комнатѣ, принялась разсматривать мѣсяцословъ. Придворный Штатъ со всѣми Штатсъ-Дамами и фрейлинами былъ пропущенъ безъ вниманія, и Княжна остановилась на спискѣ Гвардейскаго Корпуса. Можетъ статься, что *онъ* гвардесцъ! И, съ сими мыслями, любопытная Софія переверцывала листы, устремляя взоры на напечатанныя курсивомъ слова: Адъютантомъ при... Вотъ онъ! точно! Викторъ Ипполитовичъ Славинъ. Но почему знать? Можетъ быть опять неудача? Мало-ли въ Россіи Викторовъ. Какъ-бы развѣдать?... Что-же! не мудрено. Въ этомъ

самомъ полку служитъ двоюродный брашецъ, который подарилъ шкатулку. Мы его распросимъ.

Молодой Графъ пріѣхалъ послѣ развода. Не трудно было заманить его къ себѣ въ комнату и завести разговоръ о парадахъ, ученьяхъ и прочемъ. «Да, кстати, милостивый государь,» прибавила Софія, «вы еще не давно офицеромъ. Знаете-ли вы всѣхъ вашихъ товарищей?»—Какъ не знать, отвѣчалъ юный воинъ, съ самодовольною улыбкою.—«Посмотримъ, посмотримъ!» и раскрывши Адресъ-Календарь, Княжна прочитала нѣсколько именъ, при каждомъ спрашивая: Этотъ въ какомъ чинѣ? Отвѣты были удовлетворительны, и даже съ подробностями, напримѣръ, чѣмъ командуетъ, какіе знаки отличія имѣетъ, въ казармахъ или на собственной квартирѣ живетъ, и проч. Наконецъ выговорено любезное имечко, очень протяжно и съ сильнымъ біеніемъ сердца. «Славинъ?» отвѣчалъ Графъ: «Этотъ не находится при полку, однако я и его знаю. Дѣти его Генерала до сихъ поръ въ Пажескомъ Корпусѣ. Онъ часто къ нимъ ѣзжалъ.» Не знаю что̀ чувствовалъ Колумбъ, когда достигъ цѣли своихъ изысканій, но едва-ли онъ такъ обрадовался, какъ милая Княжна, по-видимому нашедшая ключъ къ открытію важной для нея тайны. «Славинъ!... Славинъ...» повторила она, поднявши вверхъ головку, и какъ будто припоми-

ная что-то. «Мнѣ кажется, я видѣла его въ Москвѣ. У него лицо какъ будто Азіятское?»— Именно. — «Онъ... калмыковатъ?» — О напротивъ! У Славина лицо длинное и лобъ высокій. Онъ смугловатъ и имѣетъ черные волосы. Этимъ и похожъ на Азіятца. Впрочемъ, такъ стаженъ и хорошъ! Пламенные, огненные глаза и прекрасные зубы.—О! какъ обрадовалась Софія! Она терпѣть не можетъ узкихъ лбовъ и плоскихъ носовъ. «Скажи мнѣ, mon ami, онъ... хорошо воспитанъ?» — Какъ не льзя лучше. Иностранные языки знаетъ въ совершенствѣ, начитанъ, чуть-чуть не ученый, и въ добавокъ къ тому отличный музыкантъ.—«А на какомъ инструментѣ онъ играетъ?» спросила съ невольною живостью Софія, страстная охотница до музыки. — На фортепьяно, на скрипкѣ, на флейтѣ и еще на чемъ-то. Да что все это значитъ? Не влюбилась-ли ты въ нашего друга Славина.— «Вотъ прекрасно! влюбилась! когда я и въ глаза его не знаю. Помнится мнѣ, что на балѣ у Сардинскаго Посланника я съ нимъ танцовала, и мнѣ сказывали, что... очень хорошій... офицеръ.» — Тебѣ сказали правду. Славинъ не только хорошій офицеръ, но и человѣкъ достойный уваженія, всѣми любимый, умный, образованный, съ благородными чувствами и рѣдкій товарищъ. — Женщины очень искусно скрываютъ сердечныя ощущенія и это умѣнье внушено имъ

самою природою. Однако иаже самая природа иногда заставляетъ ихъ покоряться необходимости. Послѣ сказаннаго молодымъ Графомъ, личико Софіи мгновенно разгорѣлось. Хорошо еще, что она стояла спиною къ окну и держала предъ глазами толстую книгу. Что было причиною сего смятенія? По физіологическимъ наблюденіямъ женскаго сердца, оказывается, что это произошло отъ радости. Но чему-же было радоваться, когда всѣ вышеписанныя похвалы относились къ человѣку незнакомому и до сихъ поръ еще не любимому? Какъ чему! Этотъ неизвѣстный и нелюбимый, замѣшилъ ее одну, среди тысячи ей подобныхъ, этотъ всѣми уважаемый и хвалимый человѣкъ хотѣлъ, чтобъ *она*, а не другая, была способна любить пламенно, вѣроятно такъ-же какъ самъ онъ можетъ любить! Слѣдовательно, есть надежда быть любимою достойнымъ человѣкомъ и тѣмъ достигнуть высочайшаго блага жизни. Всѣ эти мысли родились мгновенно не въ головѣ, а въ сердцѣ юной Княжны. Сердце женщины въ одну секунду сочиняетъ болѣе нежели сотня профессорскихъ головъ въ цѣлыя сутки!... Отъ сего невольно разыгралась кровь, безпрестанно изливаемая симъ фокусомъ страстей, и орумянила зеркало душевныхъ ощущеній. Но и присутствіе духа не теряется въ подобныхъ случаяхъ. Княжна съ веселымъ видомъ начала продолжать экзаменъ, и назвала еще до

десятка офицеровъ, распрашивая съ видимымъ любопытствомъ о умѣ и образованіи тѣхъ, которые были ей нѣсколько извѣстны. Самъ Графъ наконецъ избавилъ ее отъ насильнаго и ненужнаго труда, сказавши: «Я знаю почти весь Гвардейскій Корпусъ. Какъ можно разсказать тебѣ подробно о всѣхъ моихъ знакомыхъ?...» Съ сими словами онъ всталъ и вышелъ изъ комнаты.

Поздно возвратилась Графиня съ своею племянницею изъ концерта. Но Софіи не хотѣлось спать. Этотъ день былъ однимъ изъ лучшихъ въ ея жизни. Необычайная веселость, которую она оказывала, какъ будто подѣйствовала на степенную тетушку, которая съ удовольствіемъ до третьяго часа утра толковала съ Княжною объ оперичныхъ виртуозахъ, ими слышанныхъ. Софія завела даже разговоръ о преимуществѣ инструментовъ, и рѣшительно опредѣлила, что скрипка и флейта болѣе другихъ способны выражать чувства. Будучи сама искусною фортопіанисткою, она сознавалась, что этотъ инструментъ не имѣетъ души и что бѣглость пальцевъ составляетъ все искусство играющаго на ономъ. «Игру на фортопіано,» говорила она, «можно уподобить свѣтскимъ разговорамъ, въ которыхъ много легкости, много остроты и очень мало чувства. Это совершенно женскій инструментъ. Но какая выразительность, какая

душа бываетъ въ инструментахъ, коими пользуются мужчины! Мнѣ кажется, ma tante, прибавила она, что и въ самыхъ разговорахъ мужчины имѣютъ болѣе чувства нежели мы?»—Что съ тобою сдѣлалось?—сказала протяжно и зѣвая Графиня.—Ты черезъ чуръ зафилософствовалась. Прощай, ma bonne amie, пора спать. — Онѣ разстались, а Княжна удивлялась тому, что теперь ей пришла охота почивать. Софьѣ хотѣлось-бы, чтобы солнце скорѣе показалось и пробудило всю природу, для встрѣчи радостнаго дня, услажденнаго воспоминаніями о вчерашнемъ успѣхѣ. Опустивши горничную и лежа на мягкой постелѣ, Софія начала мечтать.

Славинъ!.. прекрасное прозваніе для военнаго. Оно происходитъ отъ славы, равно какъ и наименованіе Славянскаго племени. Но точно-ли это онъ? Нѣтъ-ли и тутъ ошибки? Невозможно! Это онъ, это долженъ быть онъ. И такъ любопытство Княжны удовлетворено скорѣе нежели она воображала. Этотъ умный, этотъ благородный человѣкъ находится здѣсь въ Петербургѣ и даже знакомъ съ ея ближайшимъ родственникомъ. Но что въ этомъ прибыли, если сердце Софіи къ нему не расположено? Да и можетъ-ли она заниматься мужчиною, который ей не знакомъ? Не только можетъ, но и должна. Онъ назвалъ глупыми всѣхъ Московскихъ барышенъ. Какъ это не учтиво! Правда, въ письмѣ

къ своему пріятелю, а не во всенародное извѣстіе. Это извиняетъ его, по видимому, но въ сущности онъ согрѣшилъ предъ всѣми дѣвицами древней столицы. Положимъ, что не предъ всѣми, потому что онъ исключилъ *одну*; но развѣ это его оправдываетъ? А обидное предпочтеніе, оказанное Полькамъ? И за что? Единственно за то, что онѣ кокетки, между тѣмъ какъ осмѣянныя Московскія барышни благоразумны и степенны! Вотъ каковы мужчины! А вся бѣда происходитъ отъ того, что эти господа посѣщаютъ Варшаву, настоящій островъ Калипсы для Русскихъ Телемаковъ. Побываютъ тамъ, и ничто не нравится имъ на родинѣ. Строжайшій бы запретитъ имъ эти поѣздки въ Польшу. Тамъ ихъ завлекаютъ кокетки . . . полно правда-ли? Неужели всѣ Польки такія кокетки? Онѣ прелестны, ловки: въ этомъ виновна сама природа. А въ чемъ-же состоитъ ихъ кокетство? Въ умѣньи нравиться мужчинамъ. Но это самое умѣніе сопряжено-ли съ искуствомъ, съ разсчетами? По видимому, нѣтъ! Княжна никогда не бывала въ Польшѣ, однако могла расчесть, что дѣвушка, не умѣющая писать порядочно по Французски, и посылающая къ своему обожателю смѣшныя записки, вѣрно мало заботилась о прельщеніи своего рыцаря умомъ и воспитаніемъ. Умильные глазки, страстные разговоры и тому подобное, могутъ завлечь мужчину только на

время. Когда-же онъ увидитъ, что его красавица глупа и не образована, тогда исчезнетъ очарованіе, и бѣдная Дидона будетъ оставлена своимъ Энеемъ!.. Но Славинъ, умный, *ученый* Славинъ плѣняется нелѣпыми записочками красавицъ береговъ Вислы. Слѣдовательно онѣ обладаютъ искуствомъ нравиться!

А вы, бѣдныя подружки и сестрицы! Вы Московскія барышни, доселѣ полагавшія, что образованіе и таланты могутъ привлечь къ вамъ этихъ гордецовъ, этихъ скитающихся поклонниковъ чужеземныхъ красотъ! Какъ вы обижены! Вотъ какъ судятъ о васъ мнимые цари, мужчины! О прихотливые тираны!... Нѣтъ! Надобно отмстить за это оскорбленіе прекраснаго пола. Московскія *барышни*, по мнѣнію Господина Славина, очень глупы отъ того, что слишкомъ умны! Онъ хочетъ, чтобъ онѣ были такія-же невѣжды, какъ хваленыя ваши Польки? Онъ требуетъ, чтобъ онѣ не умѣли ни рисовать, ни писать порядочно? За ихъ образованіе онъ называетъ ихъ дурами? Посмотримъ, милостивый государь! точно-ли онѣ таковы. И такъ какъ вы изъ числа глупыхъ исключили Княжну Софію, то она вмѣняетъ себѣ въ обязанность, вступиться за честь своихъ подругъ, и доказать вамъ, что дерзкія сужденія мужчины легко могутъ быть наказаны. Вы живете здѣсь, въ Петербургѣ; увидѣть васъ

не мудрено, и предпочтенная вами Софія приметъ свои мѣры. Не бывавши никогда въ Польшѣ, она заставитъ васъ признаться, что и въ Россіи дѣвушки могутъ нравиться взыскательнымъ умникамъ. Женщины изобрѣтательны: не шутите съ ними!... И когда вы, мсьё Викторъ, падете на колѣна предъ вашею побѣдительницею, тогда она съ торжествующимъ видомъ скажетъ: Что, господинъ насмѣшникъ! глупы-ли Московскія барышни? Смиритесь, государь мой, и покайтесь въ своемъ опрометчивомъ сужденіи. Вы полагали, что узнавши въ короткое время наружный видъ Москвы, вы угадали и свойства ея жительницъ? Ошиблись!... Въ какомъ отчаяніи будетъ тогда этотъ надменный сатирикъ, и какъ пріятно подобное мщеніе. Но что-же будетъ послѣ онаго?... Послѣ?... послѣ... Софія заснула и не мечтала о послѣдствіяхъ.

В. У.

ЗАМѢЧАНІЯ

на статью о стихотвореніяхъ Барона Дельвига.

Вполнѣ соглашаясь съ основною мыслію Г. Критика, помѣстившаго въ 11-мъ N° Моск. Тел. (1829) свой разборъ Стихотвореній Барона Дельвига, смѣемъ однакожь думать, что не слишкомъ-ли далеко распространилъ онъ неумолимый законъ остракизма на подражателей и переводчиковъ древнихъ? Совершенно не можемъ мы постигать духа древнихъ, но вполнѣ-ли мы можемъ родниться съ образомъ мыслей и современныхъ намъ Европейцовъ, изъ коихъ каждый имѣетъ свою физіономію? А запрещеніе Г-на Критика простирается и на переводы съ новыхъ языковъ: что-жь намъ остается дѣлать? Учиться языкамъ? согласенъ; но всякій-ли имѣетъ столько досуга и возможности? Притомъ и А. Шлегель, который такъ строго судилъ о Фоссѣ, самъ перевелъ Шекспира. Дѣло въ томъ, мнѣ кажется, что Г-ну Критику должно было говорить съ нѣкоторыми ограниченіями: ничего не льзя разсматривать безотносительно. Совершенства нѣтъ на землѣ, но все, *больше или меньше*, приближается къ нашему идеалу, созданному по первообразу идеаловъ. И можно-ли сравнивать подражанія и переводы Французовъ, съ подражаніями Гёте, автора Римскихъ элегій и эпиграммъ (въ значеніи древнихъ), поэта, который обрисовалъ намъ

эѳирными чертами Миньону и изваялъ пластическіе характеры Ифигеніи, Ореста, Пилада? Такой отзывъ дышитъ какою-то неблагодарностью къ единственному генію временъ новѣйшихъ. Кто сказалъ Г-ну Критику, чтобы Гёте мало уважалъ своими подражаніями въ древнемъ духѣ? Напротивъ того, въ стихотворномъ своемъ Предисловіи къ Герману и Доротеѣ онъ именно говоритъ:

Doch Homeride zu ſeyn auch nur als letzter, iſt ſchön (*).

Если мы удивляемся Гётевымъ подражаніямъ древнимъ, почему не отдать справедливости и необыкновенному таланту Барона Дельвига? Конечно, не льзя *сказать* себѣ: «буду Байрономъ—» но въ тоже время можно *чувствовать*, что для меня доступенъ его образъ воззрѣнія, что я самъ такъ-же смотрю на предметы: не то, горе-бы было Тальмамъ и Щепкинымъ, жалкіе-бы они были актеры, если-бы не могли переселяться душою въ положеніе и образъ мыслей представляемыхъ ими лицъ. Баронъ Дельвигъ чувствовалъ, что онъ понимаетъ духъ древнихъ. И не грѣшно-ли его сравнивать съ Херасковымъ и подобными сему стихотворцами: у нихъ встрѣчаешь только имена древнихъ боговъ и богинь, которыя удивляются, очутившись въ тяжеломъ, жесткомъ и безконечно-длинномъ шестистопномъ ямбическомъ стихѣ. Какія данныя имѣетъ Г-нъ

(*) Т. е. быть Гомеридомъ, даже послѣднимъ, прекрасно.

Критикъ, утверждая, что идиллiи Барона Дельвига лишены духа, и что въ нихъ сохранена только одна форма стопосложенiя древнихъ? Любопытно-бы было видѣть чисто романтическiя понятiя нашего времени, выраженныя гекзаметромъ, напр. характеры Фауста, Маргариты, Онѣгина, Алеко: это были-бы каррикатуры. Если что и можно сказать, то развѣ только то, что въ наше время можетъ быть свой Классицизмъ Романтическiй. Если для Классицизма древнихъ необходимы были политеизмъ и свободная, какъ и одежда ихъ, жизнь республиканская, то и мы, Европейцы, не имѣемъли своихъ героевъ Христiанства въ легендахъ Западной церкви и феодализмѣ (удѣльной системѣ въ древней Россiи), который есть какой-то отголосокъ республиканскаго правленiя? Греки имѣли свои воспоминанiя о духовной созерцательной жизни подъ небомъ Востока, и это нѣкоторымъ образомъ умѣряло ихъ матерiялизмъ, а мы имѣемъ свои воспоминанiя о противоборствiи первыхъ подвижниковъ Христiанства съ богами Рима и язычествомъ Германскихъ народовъ, что и наводитъ тѣнь матерiализма на духовность нашего стремленiя. Въ этомъ мы совпадаемъ вообще со всѣми Европейцами. Но развѣ у насъ нѣтъ собственныхъ преданiй *доброй старины*, которая, съ своими предразсудками, повѣрьями, набожностью, любезною простотою образа мыслей и матерiяльнымъ стремленiемъ, имѣющимъ цѣлiю довольство внѣшней жизни, развѣ не представляетъ обильнаго источника для нашихъ стихотворныхъ сказанiй? Германъ и Дорошея Гёте потому имѣла столь великiй успѣхъ.

А въ эпиграммахъ его развѣ не видно стремленія открыть Классицизмъ въ нашемъ Христіанскомъ мірѣ, напр. въ этой:

Wie dem hohen Apoſtel ein Tuch voll Thiere gezeigt ward,
Rein und unrein, zeigt, Lieber, das Büchlein ſich dir.

Напрасно Баронъ Дельвигъ не испытаетъ силъ своихъ во второмъ семъ родѣ: это еще не тронутый рудникъ; такого рода преданія могутъ, кажется мнѣ, съ успѣхомъ быть выражены въ волнообразномъ гекзаметрѣ.

Разбирая Стихотворенія Барона Дельвига, къ удивленію моему, я принужденъ хвалить многія изъ эпиграммъ, которыя не нравятся вышеозначенному Г-ну Критику, напр. *Смерть*.

«Мы не смерти боимся, но съ тѣломъ разстаться намъ жалко:
«Такъ не съ охотою мы старый смѣняемъ халатъ.»

Здѣсь скрыта мысль истинная и глубокая, и выражена со всею простотою и безпечностію древняго, который о смерти думалъ какъ о законѣ необходимости, и любя свѣтскую жизнь, не страшился темнаго царства смерти. — Или напр. эта эпитафія:

«Жизнью земною играла она, какъ младенецъ игрушкой.
«Скоро разбила ее: вѣрно утѣшилась тамъ.»

Снова таже простота въ сравненіи. Впрочемъ, осмѣлимся замѣтить Г-ну Дельвигу, что Грекъ не сказалъ-бы *тамъ*: это что-то навѣваетъ раздумь-

емъ Романтизма; древній выразился-бы образнѣе. Далѣе Г-нъ Критикъ, приводя въ примѣръ слѣдующую древнюю эпиграмму :

« Эвной воздвигнулъ здѣсь ликъ Надежды съ Нéмесой рядомъ.
« Что знаменуютъ ? . . . « Желай ! . . » Скроменъ въ желаніяхъ будь ! »

говоритъ, что такъ писали древніе; и мы согласны, что живой подлинникъ всегда похожѣе своего портрета ; но касательно выраженія: «здѣсь символъ, » мы должны замѣтить нешочность : это *аллегорія*, ибо *символъ* есть просто знакъ, самъ по себѣ ничего не выражающій, но условно означающій какой-либо фактъ въ духовномъ или вещественномъ мірѣ : догматы христіанства названы Символомъ вѣры, а иносказанія язычниковъ суть аллегоріи.—*Титиръ и Зоя*, идиллія, въ которой Г-нъ Критикъ не находитъ «никакого складу», намъ кажется превосходнѣйшею. И почему Нимфы деревъ должны быть Гамадріадами, а не Дріадами? Ужь не для того-ли, чтобы вывесть изъ этого невозможность имъ обитать въ платанахъ? Мысль, выраженная въ послѣднихъ стихахъ :

« . . . пни ихъ, другъ къ другу склонясь, именами срослися.
« Нимфы деревъ сихъ, тайною силой именъ сочетавшись,
« Нынѣ въ древѣ двойномъ вожделеньемъ на путника вѣютъ, »

намъ кажется истинно-классически облеченною :

Нимфы, покровительницы сихъ плашановъ—«*въ древѣ двойномъ вожделеньемъ* на путника вѣютъ.»

Здѣсь, кажется, объясненіе не нужно. Это превосходно.

Изъ мѣлкихъ пьесъ, по моему мнѣнію, лучшія: *На смерть В—ва, Утѣшеніе, На смерть собачки Амики,* что̀ Авторъ назвалъ шуткою; но дай Богъ, чтобы наши поэты дарили насъ такими шутками! Посмотрите, какое описаніе:

« — — Она была краше, игривѣе
« Рѣзвыхъ псовъ звѣроловицы Делiи.
« Съ ея шерстью пуховой и вьющейся,
« Лучшiй шелкъ Индостана и Персiи
« Не равнялся ни лоскомъ, ни мягкостью.
— — — — — — — — — — — —
— — — — — — — — — — — —
« Ужь Амика ушла за Меркуріемъ,
« За Коцитъ и за Лету печальную,
« Невозвратно въ обитель Лидову,
« Въ тѣ сады, гдѣ воробушекъ Лесбiи
« На рукахъ у Катулла чиликаетъ.»

Здѣсь образъ мыслей древнихъ, которые ничѣмъ не презирали, взирая на природу какъ на разбитое въ куски зеркало, въ которомъ обломокъ отражалъ, хотя и не вполнѣ, вѣчную идею идей. — Кстати о Гермесѣ: *Надпись на статую Флорентiйскаго Меркурiя* также превосходна:

« Перстъ указуетъ на даль, на главѣ развiлися крылья,
« Дышитъ свободою грудь, съ легкостью дивною онъ

« Въ землю ударя крылатой ногой, кидается въ воздухъ. . .
« Мигъ—и умчится! Таковъ полный восторга пѣвецъ. »

У Барона Дельвига есть еще свой родъ стихотвореній, *смѣшанный:* таково Посланіе къ Пушкину, гдѣ онъ, воспѣвая современнаго намъ Поэта, украшаетъ его пышными розами Эллады. Во всемъ этомъ стихотвореніи видна какая-то возвышенная красота:

« Пушкинъ! Онъ въ лѣсахъ не укроется;
« Лира выдастъ его громкимъ пѣніемъ,
« И отъ смертныхъ восхититъ безсмертнаго
« Аполлонъ, на Олимпѣ торжествующій. »

Иные, слышали мы, укоряютъ его за то, что онъ сказалъ:

« Флотъ, съ несчетнымъ богатствомъ *Америки*, « и т. д.

Но это замѣчаніе мнѣ кажется неосновательнымъ: въ смѣшанномъ родѣ это позволительно; притомъ для насъ Америка тоже, что Колхида для древнихъ, что Офиръ для Евреевъ. — Упомянемъ также о его прекрасномъ романсѣ: *Друзья, друзья, я Несторъ между вами*, и т. д., и весьма оригинальномъ его стихотвореніи: *Сонъ*. Русское сердце радуется, читая его:

« — Обманчивъ сонъ, не вѣщій онъ!
« По гробъ грустить мнѣ молодцу!
« Не Волгой плыть, а слезы лить!
« По Волгѣ бродъ—саженный ледъ,

« По берегу-жъ за-Волжскому
« Мятетъ, гудетъ мятелица! »

Изъ Романтическихъ пьесъ мнѣ болѣе прочихъ нравится Сонетъ: *Въ Испаніи Амуръ не чужестранецъ*, и Сельская Элегія на смерть ***, въ которыхъ видна эстетическая душа Поэта. Въ его пьесѣ: *Домикъ*, очень примѣтно вліяніе Гётевой Meine Göttin. Но зачѣмъ было помѣщать стихотвореніе *Къ птичкѣ, выпущенной на волю*, и *Романсъ*: « Вчера Вакхическихъ друзей » — это очень нескромный отголосокъ Пушкина! Зачѣмъ это? Пусть лучше:

« Съ благоговѣйною душой
« Поэтъ, упавши на колѣна,
« И ѳиміамомъ и мольбой
« Васъ призываетъ, о Камены! »

Вы, безсмертныя, услышите его — и услышали! Ему не нужны чужія перья.

Еще слово объ идилліяхъ. Читая заглавіе одной изъ нихъ, а именно *Купальницы*, думалъ я: не хочетъ-ли насъ Поэтъ подарить описаніемъ простонароднаго празднества въ Малороссіи въ день Св. Іоанна (который тамъ и называется Купальничимъ), какъ ночью молодые люди, увѣнчанные цвѣтами, перепрыгиваютъ черезъ огонь, но обманулся, хотя и юныя Купальницы Барона Дельвига прекрасны, и не по одному сюпосложенію, но по истинѣ поэтической. Впрочемъ, *Конецъ золотаго вѣка* я уважаю болѣе. Предметъ ея очень простъ: пастухъ разсказываетъ путешественнику о концѣ золотаго вѣка, тѣмъ болѣе ему знакомаго, что,

« — — — — — — старецъ, пастухъ сей печальный
« Былъ на проводахъ гостя.

Онъ поетъ ему пѣсню, которую

« — — Амарилла прекрасная пѣла.
— — — — — — — —
« Пышноволосая, стройная, счастье родителей старыхъ. »

Вотъ ея содержаніе: пастушка полюбила Мелетія, который

« Сладкорѣчивый, какъ Эрмій, былъ Фебу красою подобенъ,
« Голосомъ Пана искуснѣй. »

Всѣ радовалися юною четою.

« Даже думали, глядя на нихъ: » Вотъ Арей и Киприда
« Ходятъ по нашимъ полямъ и холмамъ; онъ въ шлемѣ блестящемъ,
« Въ мантіи пурпурной, длинной, небрежно спустившейся сзади,
« Сжатой камнемъ драгимъ на плечѣ бѣлоснѣжномъ. Она-же,
« Въ легкой одеждѣ пастушки простой, но не кровь, а безсмертье
« Видно не менѣе въ ней протекаетъ по членамъ нетлѣннымъ. »

Мелетій клялся въ любви Амариллѣ, и пастухъ говоритъ самъ о себѣ:

« Я былъ младенцемъ тогда. Бывало, обнявши руками
« Бѣлыя, нѣжныя ноги Мелетія, смирно сижу я. »

Это напоминаетъ Гётеву Ифигенію, гдѣ Орестъ говоритъ :

Wie oft, wenn still Elektra meine Schweſter
Am Feuer in der tiefen Halle ſaß,
Drängt' ich beklommen mich an ihren Schoos,
Und ſtarrte, wie ſie bitter weinte, ſie
Mit großen Augen an.

(Второе дѣйств. I-е явл.) (*).

Мелетій, приходившій изъ города къ Амариллѣ ежедневно, не является къ ней и день, и другой, и третій; пастушка сама идетъ въ городъ, и что-же ?

« — — — Видимъ: толпой передъ нами
« Стройныя жены проходятъ въ бѣлыхъ, какъ снѣгъ, покрывалахъ.
« Зеркало, чаши златыя, ларцы изъ кости слоновой
« Женщины чинно за ними несутъ. А младыя рабыни

(*) Я это перевелъ слѣдующимъ образомъ :

« Какъ часто я, когда сестра Элекгра,
« Въ концѣ чертога дальнемъ, у огня
« Сидѣла съ сжатымъ сердцемъ, припадая
« На лоно къ ней, глаза свои большія
« На горько-плачущей вперялъ недвижно. »

« Рѣзвыя, громкоголосыя, съ персей по поясъ нагія,
« Около блещутъ очами лукавыми въ пляскѣ веселой,
« Скачутъ, кто съ бубномъ, кто съ тирсомъ, одна-жь головою кудрявой
« Длинную вазу несетъ и подъ пѣсню тарелками плещетъ.
« — — — — — — — — —
« Стройныя жены вели изъ купальни младую супругу
« Злаго Мелетія. — — — — —
« Долго въ толпу Амарилла смотрѣла, и вдругъ зашатавшись,
« Пала. Холодъ въ рукахъ и ногахъ и грудь безъ дыханья ! »

Потомъ слѣдуетъ описаніе ея безумія: Поэтъ признается, что онъ заимствовалъ у Шекспира предметъ—согласенъ я, но форма описанія его:

« Зевсъ милосердый ! съ визгомъ какимъ и съ какою улыбкой
« Въ рощѣ сей пѣсню она выводила ? сколько съ корнями
« Разныхъ цвѣтовъ вѣ цвѣтникѣ нарвала, и какъ быстро плела ихъ !
« Скоро странный нарядъ изготовила. Цѣлыя вѣтви,
« Розами пышно облитыя, словно роги торчали
« Дико изъ вязей вѣнка многоцвѣтнаго, чудно-большаго ;
« Плющъ-же широкій, цѣпями съ вѣнка по плечамъ и по персямъ
« Длинный спадалъ, и шумя по землѣ волочился за нею.

Родители ея, отъ скорби —

« — — — — тихо склоняся другъ къ другу,
« Сномъ послѣднимъ заснули. »

Наконецъ утопаніе Амариллы довершаетъ сію послѣднюю группу —

« — — — Нимфы-ли водъ, красоту сожалѣя
« Юной пастушки, спасти ее думали, платье-ль сухое,
« Кругомъ широкимъ поверхность воды обхвативъ, не давало
« Ей утонуть? Не знаю, но долго, подобно Наядѣ,
« Зримая только по грудь, Амарилла стремленьемъ неслася,
« Пѣсню свою распѣвая, не чувствуя гибели близкой,
« Словно во влагѣ рожденная древнимъ отцемъ Океаномъ. »

Что-же сказать о его Русскихъ пѣсняхъ? Всеобщее одобреніе публики говоритъ краснорѣчивѣе моей похвалы. Но если между задумчивыми аккордами Русскихъ пѣсенъ, изрѣдка Поэту вздумается пропѣть намъ рапсодію въ древнемъ духѣ, мы можемъ только благодарить его, удивляясь оригинальности его таланта, и радоваться, что онъ не увлекся примѣромъ другихъ, и не подражалъ вкось и впрямь Пушкину, но шелъ *своею* дорогой.

М. Л—нъ.

Сельскій Субботній вечеръ въ Шотландіи. Вольное подражаніе Р. Борнсу И. Козлова. СПб. 1829. въ ш. Деп. Народн. Просв. 37 стр. in 16.

Имя Борнса доселѣ было неизвѣстно въ нашей Литтературѣ. Г. Козловъ первый знакомитъ Русскую публику съ симъ замѣчательнымъ поэтомъ. Прежде нежели скажемъ свое мнѣніе о семъ новомъ переводѣ нашего Пѣвца, постараемся Познакомить читателей нашихъ съ сельскимъ Поэтомъ Шотландіи, однимъ изъ тѣхъ феноменовъ, которыхъ явленіе можно уподобить молніи на вершинахъ пустынныхъ горъ.

Робертъ Борнсъ (Burns), сынъ бѣднаго мызника, родился въ Эрскомъ округѣ, 25 Января 1759 года, на берегахъ Дуна въ Шотландіи. Отецъ его, раззорившись отъ неурожаевъ и пожаровъ, употребилъ остатки своего имѣнія на воспитаніе двухъ сыновей своихъ, Роберта и Гильберта. Но чѣмъ ограничилось сіе воспитаніе? Одинъ учитель, какой-то Мюрдокъ, научилъ ихъ Французскому языку, Англійской Грамматикѣ и стихосложенію. При этомъ поверхностномъ ученіи, юные дѣти мызника вели самую грубую сельскую жизнь: послѣ книгъ, они брались за серпъ или соху старая, слѣпая тетка, сидя въ углу сельскаго домика ихъ, по вечерамъ разсказывала имъ длинныя лѣтописи Шотландскихъ суевѣрій. Она перебирала всѣхъ невидимыхъ проказниковъ, въ незапамятныя времена

являвшихся въ пещерахъ, долинахъ, рѣкахъ, прудахъ и кустарникахъ тамошней стороны. Робертъ, слыша разсказы о страшныхъ Шотландскихъ лѣшихъ, домовыхъ, подземныхъ и рѣчныхъ привидѣніяхъ, пугался и творилъ молитвы; Гильбертъ, болѣе разсудительный, и впослѣдствіи меньше славный и болѣе счастливый чѣмъ братъ его, слушалъ свою тетку и смѣялся надъ братомъ. Иногда учитель Мюрдокъ приносилъ имъ книгъ, и доброе семейство бывало въ восхищеніи отъ сего драгоцѣннаго подарка; въ зимніе вечера онъ даже самъ читывалъ съ ними нѣкоторыя изъ драмъ Шекспира. Тутъ Робертъ, слушая однажды *Тита Андроника*, пьесу, почитаемую многими не Шекспировою, клялся, по одному собственному чувству, что эта пьеса дурна, и наконецъ, когда во второмъ явленіи пятаго дѣйствія стражи приводятъ на сцену Лавинію, героиню пьесы, и у Лавиніи уже отрѣзаны руки и языкъ, а тиранъ спрашиваетъ у нее насмѣшливо: Не угодно-ли ей воды, умыть руки? девятилѣтній Борнсъ вскричалъ, что если учитель оставитъ у нихъ книгу, то онъ сожжетъ ее. Эта простодушная критика показывала въ ребенкѣ Робертѣ такой вкусъ и такую разборчивость, которой недоставало у знаменитаго Малоны, и Стивенса и Джонсона, другихъ критиковъ Шекспира.

Но несчастіе тяготѣло надъ семействомъ Роберта Борнса. Неурожайный годъ и немилосердый хозяинъ мызы довели отца его и все семейство до ужаснѣйшей бѣдности. «Три года, говоритъ Гильбертъ Борнсъ въ письмѣ о жизни своего брата,

три года мы не видали въ нашей хижинѣ ни одного куска свѣжаго мяса. »

Бѣдное семейство боролось съ судьбою столь великодушно, что, казалось, оно было-бы достойно лучшей участи. Робертъ Борнсъ, самый могучій изъ всѣхъ юношей своего округа, работалъ съ утра до вечера, напѣвая старинныя Шотландскія пѣсни. Борнсу было шестнадцать лѣтъ, когда на сельскихъ работахъ онъ сыскалъ себѣ подругу. Надобно знать, что въ Шотландіи есть обычай, по которому молодые крестьяне и крестьянки соединяются парами для работъ въ полѣ и облегчаютъ взаимные труды. Подруга Борнса была, какъ онъ самъ говоритъ, тихая и самая скромная изъ всѣхъ дѣвушекъ Шотландскихъ: a bonie, sweet, sonsie lass. Эти прелестныя, простыя слова можно перевести по Русски такимъ образомъ: *пригожая, ласковая, миленькая дѣвушка.* Она была для Борнса первымъ вдохновеніемъ любви и стиховъ. Балладу его, или признаніе въ любви, повторяли всѣ окрестные поселяне: поэтическое призваніе Борнса было рѣшено.

Послѣ продолжительныхъ и безполезныхъ усилій возстановить свое маленькое благосостояніе, почтенный отецъ Борнса, преслѣдуемый исполнителями закона, долженъ былъ вскорѣ выдать заимодавцамъ весь свой домашній скарбъ, когда смерть, ускоренная горестью, вырвала его изъ объятій дѣтей. Они послѣдовали въ терпѣніи примѣру, показанному имъ отцомъ, и не были счастливѣе его. Покупка худыхъ хлѣбныхъ сѣменъ и пожаръ

увеличили ихъ бѣдствіе. Къ довершенію несчастія, предметъ первой любви Роберта Борнса, прелестная Марія, умерла. Молодой поэтъ, въ отчаяніи посвятилъ памяти ея стихи (To Mary in Heaven), по силѣ, чувству и страсти принадлежащіе къ высокой поэзіи.

Раззоренные братья заняли у одного богатаго сосѣда значительную сумму денегъ и сняли аренду въ другомъ мѣстѣ. Робертъ, таская плугъ, училъ наизусть народныя пѣсни, и исправлялъ старый слогъ ихъ, или сочинялъ новыя слова на древніе напѣвы. Одинъ годъ прошелъ послѣ смерти *прекрасной дѣвы горъ* (Highland Mary). Непостоянная, пламенная чувствительность снѣдала Поэта втайнѣ, и вскорѣ Jeannie Armour, дочь одного изъ окрестныхъ мызниковъ, сдѣлалась предметомъ страсти Борнса, и улыбнулась его любви.

Шотландскіе поселяне представляютъ собою странное явленіе: это народъ дѣятельный, нравственный, трудолюбивый, извлекающій изъ неблагодарной почвы немногія произведенія, грубый обычаями и романическій своими склонностями. Уставши отъ дневныхъ трудовъ, земледѣлецъ Шотландскій идетъ къ хижинѣ той, которую онъ любитъ; дерзкой любви его не устрашаетъ ничто: ни всѣ ужасы сѣверной зимы, ни снѣгъ, падающій большими хлопками, ни вѣтръ, дующій бурными порывами, ни продолжительность дороги, ни ужасы ночи. Онъ робко стучится у дверей своей красавицы и ея вѣжливость или непреклонность составляетъ его счастіе или приводитъ его въ отчаяніе. Такъ пре-

лестная сцена *Ромео и Юлія*, вошедшая въ народный обычай Шотландскихъ пастуховъ, безпрестанно повторяется въ этомъ холодномъ климатѣ, у этого народа, который мы называемъ варварами. «Для насъ, бѣдныхъ крестьянъ, говоритъ Р. «Борнсъ въ письмѣ къ Доктору Муру, любовь есть «важнѣйшее дѣло въ жизни. Надежда, увидѣть на «одну минуту свою возлюбленную, тайное свида«ніе, сладостное *прости*, нѣжная улыбка: вотъ «единственныя радости въ нашемъ бѣдномъ суще«ствованіи.» Этотъ обычай сельскихъ любовниковъ былъ для Борнса предметомъ многихъ небольшихъ поэмъ, прелестныхъ откровенною простотою и деревенскою истиною; въ нихъ между прочимъ изображалъ онъ и свою Дженни, которая, долго бывъ къ нему жестокою, наконецъ впала въ заблужденіе. Строгая Кальвинистская церковь заставила ее въ продолженіе трехъ воскресеній слушать выговоры и увѣщанія пастора. Робертъ Борнсъ требовалъ руки Дженни, но отецъ не хотѣлъ, чтобы дочь его вышла за бѣдняка. Несчастный Борнсъ, растерзанный въ нѣжнѣйшихъ своихъ чувствахъ, готовъ былъ на дѣло отчаянное. Онъ записался на корабль, готовившійся къ отъѣзду въ Ямайку, и, для издержекъ, которыхъ требовали приготовленія къ отъѣзду, рѣшился издать свои многочисленныя баллады и поэмы на Шотландскомъ языкѣ, восхищавшія поселянъ.

Едва изданы были сіи стихотворенія, какъ во всей Шотландіи заговорили о необыкновенномъ Поэтѣ. Сила, прелесть, чувствительность оживляли

его простые стихи, писанные на родномъ языкѣ Шотландцевъ. Удивлялись, какъ бѣдный поселянинъ умѣлъ извлечь изъ самыхъ простыхъ ощущеній сердца столь трогательную поэзію. Эта живая, полная, разнообразная веселость, эти сильные, возвышенные порывы, заимствованные изъ самыхъ простыхъ сценъ, сообщающіе прелесть всѣмъ движеніямъ ритма свободнаго, сельскаго, восхитили Эдинбургскихъ ученыхъ. Меккензи, Дюгальдъ Стюартъ, Биттн, Рамзей, люди высокаго достоинства и строгаго вкуса, распространили извѣстіе о семъ чудѣ въ Литтературѣ. По приглашенію Доктора Блеклока, Борнсъ пріѣхалъ въ Эдинбургъ. Онъ былъ принятъ искренно, и лучшее общество города, совершенно литтературнаго, Аѳинъ Великобританіи, давало праздники поселянину—поэту, который, развязностью, природнымъ благородствомъ своего обращенія, огнемъ и остротою своихъ разговоровъ, увеличилъ блескъ своего успѣха. Второе изданіе сочиненій его, умноженное новыми стихотвореніями, было тотчасъ раскуплено. Изъ пяти сотъ фунтовъ стерлинговъ, вырученныхъ Борнсомъ, онъ послалъ двѣсти фунтовъ своей старой матери, и снова предложилъ руку свою Дженни. Въ чемъ отказали бѣдному земледѣльцу, на то согласились для знаменитаго поэта.

Соединившись съ избранною имъ особою, Борнсъ купилъ мызу и началъ заботиться о хозяйствѣ; но воспоминаніе о городѣ и непобѣдимое стремленіе къ Поэзіи, которая прославила его и доставила ему руку Дженни, вскорѣ отвратили Поэта отъ

сельскихъ занятій. Мыза его пришла въ упадокъ и Борнсъ былъ принужденъ занять мѣсто чиновника при таможнѣ: эта обязанность, несообразная съ его природными склонностями, имѣла самое пагубное вліяніе на остальную жизнь его.

Онъ хотѣлъ обмануть себя, буйными удовольствіями и шумною радостью заглушая грусть своего положенія. Здоровье его разстроилось и, 15 Іюля 1796 года, онъ умеръ, тридцати осьми лѣтъ отъ роду, оставивъ бѣдную вдову, родившую сына въ самый день погребенія ея мужа. Сограждане Борнса изъявили печаль свою, сдѣлавъ ему великолѣпныя похороны, и берега Эра, прославленные Борнсомъ, покрылись безчисленнымъ множествомъ людей всѣхъ классовъ, пришедшихъ съ горъ и долинъ, проводить гробъ Шотландскаго Поэта.

Не льзя безъ горестнаго чувства вспомнить о заблужденіяхъ, до коихъ унизился Борнсъ въ послѣднее время своей жизни. Дарованіе его еще цвѣло. Какъ-же могъ возвышенный Поэтъ забыть себя для грубыхъ радостей? Причину сего явленія можно открыть въ тайной борьбѣ его общественнаго положенія съ силами души, его пламенныхъ желаній съ безсиліемъ исполнить оныя. Онъ былъ чувствителенъ, неукротимъ, уступалъ своимъ страстямъ какъ волѣ судьбы, и дорого купилъ счастіе двигать сердцами людей и умереть славнымъ. Онъ видѣлъ свои заблужденія, укорялъ себя въ слабости, жалѣлъ о судьбѣ своей и не могъ ни возвыситься до степени, достойной его, ни бросить грубыя наслажденія, смущавшія его раз-

судокъ и усыплявшія въ немъ чувство горести. Онъ ввѣрилъ тайну своихъ угрызеній и своихъ печалей собственной своей эпитафіи. Ее можно было-бы написать на гробницѣ большей части людей съ дарованіемъ, у коихъ способность чувствовать, любить и страдать берешъ верхъ надъ силою дѣятельности и постоянствомъ воли. Вотъ смыслъ сей эпитафіи:

Эпитафія пѣвцу.

«Если буйство воли увлекаетъ тебя и воображеніе одерживаетъ надъ тобою побѣду; если небо создало тебя столь пылкимъ, что ты не можешь размышлять, столь пламеннымъ, что ты не можешь носить цѣпей; если ты чувствуешь себя непокорнымъ и гордымъ, и не можешь ни ползать, ни молить: приближься, вотъ урокъ тебѣ! Это могила одного изъ твоихъ братьевъ, столь-же ничтожнаго, столь-же безумнаго, какъ и ты. Приближься, невольникъ своихъ помысловъ! приближься, гляди и плачь!

«Ты родился поэтомъ и Муза твоя дика?... Ты страшишься толпы и въ пустынѣ повторяешь стихи, слагаемые тобою для собственнаго наслажденія?... Я, бѣдный пѣвецъ, молю тебя: не проходи мимо, не почтивъ меня сердечнымъ вздохомъ! Я жилъ, такъ-же какъ и ты. Я былъ поэтъ, и жизнь моя была продолжительное мученіе.

«Хочу, чтобы ты остановился на этомъ дернѣ; хочу, чтобы примѣръ мой устрашилъ тебя. И я, какъ ты, давалъ благіе совѣты; я руководилъ дру-

гихъ, и заблуждался самъ. Я пробѣжалъ поприще жизни какъ упоенный: стремленіе моря не столь быстро, пламя не столь пожирающе! Дѣятельный умъ, строгая разборчивость, легкая чувствительность, все нѣжное дружбы, все огненное любви, все влекло меня къ одной гибели. Я палъ подъ ударами своихъ заблужденій: я обезславилъ свою славу.

«Ты не безъ чувства слышишь голосъ поэта, уже не существующаго, ты, читающій сіи стихи: взоръ твой смущается, читая ихъ. Узнай послѣдній выводъ опытности человѣческой: кто не властелинъ своей души, тотъ будетъ невольникомъ судьбы. Корень добродѣтели одинъ: это благоразуміе въ жизни, это сила воли.»

Привыкнувъ судить о различныхъ классахъ общества человѣческаго по примѣрамъ, находящимся передъ нашими глазами, мы готовы сомнѣваться въ существованіи Поэта, который, родившись подъ соломенною кровлею и бывши почти всю жизнь свою мызникомъ, заставлялъ, раскаяваясь, говорить Музу свою голосомъ нравственности, столь торжественной, убѣдительной и чистой. Но Шотландскіе нравы представляютъ картину еще болѣе изумительную. Это весь пылъ южныхъ страстей, привыкшихъ къ суровому небу! Страстная дружба, живая, глубокая ненависть, необузданная любовь, поэтическій и музыкальный инстинктъ, общественные привычки Провансальскихъ крестьянъ даже въ быстрой пляскѣ: все это встрѣчаете у жителей горъ и долинъ, на сѣверъ отъ

свѣтлой Твиди. Въ нихъ узнаете людей Галлійскаго и Цельтическаго поколѣній, давнихъ утѣснителей сихъ пустынныхъ странъ, навсегда отдѣленныхъ силою битвъ и могуществомъ нравовъ отъ Германскаго поколѣнія, населившаго Англію. Если характеръ сей видѣнъ сильнѣе въ дикихъ нравахъ Горцевъ, Highlanders, то онъ сохранился не въ столь разительныхъ, но болѣе прелестныхъ оттѣнкахъ жителей долинъ, или Low-landers.

Сіи послѣдніе украсили деревенскій бытъ свой всѣми прелестями усовершенствованнаго просвѣщенія Приходскія училища, учрежденныя въ 1646 году Шотландскимъ Парламентомъ, уничтоженныя Карломъ II-мъ, и возстановленныя въ 1696 году, доставляютъ всякому отцу семейства средство, дать первоначальное, не дорогое воспитаніе своимъ дѣтямъ: за шесть шиллинговъ въ годъ, учитель обучаетъ каждаго изъ воспитанниковъ Англійскому языку; за десять шиллинговъ Латинскому языку и Ариѳметикѣ. Строгій Кальвинизмъ, заставляя каждаго отца семейства быть духовнымъ наставникомъ своего семейства, придалъ нравамъ какую-то силу и оттѣнокъ Пуританства. Стѣсненные узы семейственные усиливаютъ у нихъ любовь къ родной странѣ. Продолжительныя междоусобныя войны Шотландскія, кровавыя, ужасныя, но безкорыстныя; далекая тѣнь народной, отдѣльной независимости, всегда драгоцѣнной для нихъ, если не какъ надежда, то какъ воспоминаніе; уваженіе къ женщинамъ, сдѣлавшимся для Шотландцевъ предметомъ романическаго обожанія; древняя склонность къ музыкѣ и танцамъ, тщетно угнетаемая

Пресбитеріанскою церковью ; любовь къ своей сторонѣ, оживляемая и соединеніемъ идей, плѣняющихъ сердце, и старинною мелодіею народныхъ балладъ, повторяемыхъ дикимъ эхо, и магическими именами Валласа и Брюса ; наконецъ, живописное очарованіе страны, разнообразной, обильной событіями, развалинами и воспоминаніями: все это, столь живо отражающееся въ прелестныхъ стихотвореніяхъ Борнса, смѣшанно находится въ нравахъ его соотечественниковъ. Видя въ хижинѣ своего отца самый трогательный примѣръ патріархальной жизни, Робертъ Борнсъ изобразилъ его въ небольшой поэмѣ, исполненной красотъ совершенно оригинальныхъ : это *Субботній вечеръ сельскаго жителя* (The Cotter's saturday Night), переведенный нынѣ Г-мъ Козловымъ, подъ заглавіемъ, означеннымъ въ началѣ сей статьи. Подлинникъ сего сочиненія написанъ равными строфами, элегическимъ риѳмомъ, который ввелъ въ употребленіе Спенсеръ и которымъ столь счастливо пользовался Лордъ Байронъ. Чтобы надлежащимъ образомъ судить о переводѣ Г-на Козлова, вспомнимъ, что Борнсъ былъ Поэтъ возвышенный, пламенный, падшій наконецъ подъ ударами судьбы, бросившей его не въ то состояніе, къ которому онъ принадлежалъ умомъ, душою и воображеніемъ. Онъ на всю жизнь остался человѣкомъ бѣднымъ, это правда ; онъ не могъ перейдти въ достойное его общество, не имѣлъ силъ поддержать маленькое хозяйство свое, когда Муза его подарила ему нѣсколько сотъ фунтовъ стерлинговъ ; но онъ понималъ всѣ нѣжнѣйшія ощущенія, чувствовалъ какъ поэтъ, а званіе поэта

не терпитъ Аристократства. Если вообще не нужно быть Лордомъ или Коллежскимъ Ассесоромъ, для того чтобы возвышаться духомъ надъ окружающими насъ, большею частію мѣлкими, ничтожными современниками, то для поэта еще менѣе нужны общественные классы. Сила генія находится въ немъ самомъ, а не въ почетномъ блескѣ, окружающемъ его вещественность. Кажется, Г. Козловъ упустилъ изъ виду это различіе, и почелъ Борнса простымъ крестьяниномъ, который *между прочимъ* напѣваетъ на поэтической свирѣлкѣ. Это почитаемъ мы главною ошибкою Русскаго перевода, ибо онъ напоминаетъ намъ не пламеннаго Пѣвца Шотландіи, сгорѣвшаго въ огнѣ страстей, а простаго поселянина, очень мило разсказывающаго о своемъ сельскомъ бытѣ. Можно даже предположить, что Г. Козловъ, переводя Борнса, помнилъ о нашемъ Слѣпушкинѣ и подъ напѣвы сего послѣдняго хотѣлъ передать намъ глубокія чувствомъ пѣснопѣнія Шотландскаго поселянина. При всемъ уваженіи нашемъ къ таланту Г-на Слѣпушкина, мы никакъ не рѣшимся сравнивать съ нимъ Борнса, даже потому, что одинъ изъ нихъ былъ крестьянинъ Шотландскій, а другой Русскій. Читатели видѣли выше сего изображеніе быта Шотландскихъ крестьянъ, и могутъ судить о различіи онаго съ бытомъ крестьянъ нашихъ. Они знаютъ жизнь Слѣпушкина и читали выше сего описаніе жизни Борнса. Есть-ли хоть малѣйшее сходство между сими двумя поэтами? Не забудемъ, что поэтъ выражаетъ себя и въ жизни, такъ-же какъ въ сочиненіяхъ. Не понявъ характера Борнса, Г. Козловъ предста-

вилъ его намъ въ превратномъ видѣ. Послушаемъ Г-на Переводчика:

Ноябрь шумитъ; въ полахъ метель и вьюга;
Ненастный день сталъ меркнуть за горой;
Ужь отпряженъ усталый быкъ отъ плуга
И, весь въ пыли, онъ тащится домой.
Поселянинъ скорѣй спѣшитъ съ работы;
Съ недѣлею окончаны заботы;
Его соха, и ломъ, и борона,
И сбруя вся въ порядкѣ убрана;
Онъ веселитъ свое воображенье,
Что радостно начнется воскресенье;
И чрезъ лѣсокъ, въ уютный домикъ свой,
Идетъ къ семьѣ, на отдыхъ и покой.

Стихи гладки; но по прочтеніи ихъ, ничего не остается въ душѣ. Читателя поражаетъ только несообразность: какимъ образомъ, *въ Ноябрѣ*, когда *въ полахъ метель и вьюга — быкъ въ пыли?*.. Это произошло отъ того, что Переводчикъ не близко держался подлинника, гдѣ не только нѣтъ сей несообразности, но, напротивъ, въ цѣлой строфѣ блещетъ высокая, пламенная поэзія. Мы страшимся исказить прелестные стихи Борнса прозаическимъ переводомъ, но, чтобы оправдать и его, и свои слова, передаемъ читателямъ смыслъ вышеприведенной строфы:

«Слышу гнѣвный стонъ ледянаго Ноябрьскаго «вѣтра. Ночь. Она спѣшитъ и оканчиваетъ слиш- «комъ краткіе часы зимняго дня. Быки, *покрытые «потомъ*, запачканные своею работою, идутъ «отъ плуга. Въ воздухѣ, вороны поднимаются чер-

«ными рядами, темнящъ небо и на старыхъ ду-
«бахъ ищутъ сна. Приближается бѣдный мызникъ:
«недѣля кончилась для него; утомительная рабо-
«та дастъ ему успокоиться одинъ день; какое сча-
«стіе! Завтра онъ будетъ наслаждаться отды-
«хомъ. Онъ собираетъ земледѣльческія орудія, бо-
«роны, заступы, желѣза сохи: эта тяжесть лег-
«ка; завтра онъ надѣется провести спокойное
«утро, и, радостный, хотя и утомленный, про-
«ходитъ черезъ открытыя поля, попираетъ нога-
«ми кустарникъ и направляетъ шаги свои къ дыму
«своей хижины.»

Картина совсѣмъ не та!... Даже, осмѣливаемся сказать, въ прозаическомъ переводѣ видѣнъ другой характеръ стихотворенія, болѣе похожій на характеръ подлинника.

Намъ могутъ возразить, что Г. Козловъ не хотѣлъ близко подражать подлиннику и оградилъ себя словами: *вольное подражаніе.* Но съ этимъ не льзя согласиться. Какъ-бы ни называлъ нашъ Поэтъ переводъ свой, онъ остается въ равной отвѣтственности передъ читателемъ, ибо обязался передать ему Борнса. Мы не привязываемся къ словамъ, хотя изъ приведеннаго мѣста читатели видятъ, что въ Русскомъ переводѣ есть пропуски и перепначиванья; мы говоримъ только что онъ не передалъ намъ *характера* Борисовой поэзіи, а этого мы столько-же въ правѣ требовать отъ подражанія, какъ и отъ ближайшаго перевода. Скажемъ болѣе: мы почитаемъ ошибкою тотъ способъ перевода, который называютъ у

насъ подражаніемъ: или пишите свое, или точно передавайте избранный вами подлинникъ; иначе, я не узнаю ни васъ, ни чужеземнаго поэта. Вотъ почему мы почитаемъ себя въ правѣ судить о стихотворномъ подражаніи какъ о переводѣ, и вотъ почему мы не совершенно довольны переводомъ Г-на Козлова.

За *Субботнимъ вечеромъ*, въ книжечкѣ Г-на Козлова напечатанъ переводъ другаго стихотворенія Шотландскаго поселянина: *Къ полевой маргариткѣ, которую Робертъ Борнсъ, обработывая свое поле, нечаянно срѣзалъ желѣзомъ сохи, съ Апрѣлѣ* 1786. Это прелестное стихотвореніе болѣе сохранило въ Русскомъ переводѣ свою первобытную свѣжесть и красоту. Въ немъ Борнсъ виднѣе и понятнѣе для Русскаго читателя, чѣмъ въ переводѣ предъидущей пьесы.

Поэзія Борнса весьма разнообразна. Въ нѣкоторыхъ стихотвореніяхъ его господствуетъ неподражаемый *юморъ* Шотландскихъ поселянъ; таковы: *Молитва лицемѣра* (Holy Willie's prayer), *Посланіе къ дьяволу* (Address to the De'il), и проч. Въ другихъ онъ возносится до высокой, строгой поэзіи, гдѣ звучность стиховъ соотвѣтствуетъ силѣ мыслей. Одно изъ замѣчательнѣйшихъ стихотвореній его въ семъ родѣ есть: *Сѣтованіе Маріи Стюартъ при возвращеніи весны.*

Искренно благодаря Г-на Козлова за его желаніе познакомить насъ съ однимъ изъ поэтовъ Великобританіи, скажемъ, что въ изданной имъ нынѣ книжкѣ, мы всего болѣе были услаждены Послані-

емъ къ Ал. Ан. В... к-вой. Поэтъ пишетъ къ ней, и вдругъ узнаетъ, что она уже не существуетъ для здѣшняго міра. Это посланіе напечатано впереди обоихъ упомянутыхъ стихотвореній. Вотъ оно:

Была пора, лучъ ясный въ ней сіялъ,
Я сердцемъ жилъ, я радостью дышалъ,
И жизнь моя играючи летѣла.
Тѣ дни прошли; одѣта черной мглой,
Въ моихъ очахъ природа потемнѣла;
Кругомъ гроза; но ты была со мной,
Моя судьба душой твоей свѣтлѣла!
Мнѣ замѣнилъ твой дружескій привѣтъ
Обманъ надеждъ и блескъ веселыхъ лѣтъ.
Забылось все. Какъ плѣнники въ неволѣ,
Привыкнулъ я къ моей угрюмой долѣ;
Она (скажу-ль?) мнѣ сдѣлалась мила:
Меня съ тобой она, мой другъ, свела,
И, можетъ быть, не даромъ мы узнали,
Какъ много есть прекраснаго въ печали!
Теперь съ тобой надолго разлученъ;
Но дружбою, но памятью твоею
Какъ воздухомъ душистымъ окруженъ,
Я чувствовать и думать не умѣю,
Чтобъ чувствъ и думъ съ тобой не раздѣлять.
Стѣсненъ-ли духъ отъ мрачныхъ впечатлѣній,
Горитъ-ли онъ въ порывахъ вдохновеній,
Могу-ль тебя, могу-ль не вспоминать?
Въ умѣ моемъ ты мыслію высокой,
Ты въ нѣжности и тайной и глубокой
Душевныхъ чувствъ, и ты-жь въ моихъ очахъ,
Какъ яркая звѣзда на темныхъ небесахъ.

Я ждалъ ее, я мчался къ ней душою,
Я для нея сквозь слезы пѣсни пѣлъ,
Я пѣлъ — она была ужь не земною,
Звукъ томныхъ струнъ, онъ къ ней не долетѣлъ!
Тиха ея далекая могила,
Душа свѣтла въ надзвѣздной сторонѣ:
Но сердце тѣхъ, кого она любила...
Святая тѣнь! молися обо мнѣ...

Такіе стихи трогаютъ душу, и долго остаются въ ней какъ символы прекраснаго, не земнаго!...

N. N.

СОВРЕМЕННАЯ БИБЛІОГРАФІЯ.

Книги 1829 года.

— Les quatre Saisons de l'année, ou la Botanique, la Zoologie, l'Astronomie et la Physique, mises à la portée de l'Adolescence (*Четыре времени года*, или Ботаника, Зоологія, Астрономія и Физика, изложенныя сообразно понятіямъ дѣтей). ч. 3-я и 4-я, М. 1829. въ т. А. Семена. 139, VIII, 278 и VII стр. въ 3-й, и 108, 393 и VIII стр. въ 4-й ч.

О первыхъ двухъ томахъ сей назидательной книги, мы сказали свое мнѣніе въ прошедшемъ году (М. Т. XXIV, 88). Нынѣ вышедшіе два тома подтверждаютъ прежнее мнѣніе наше. Въ нихъ изложены *Астрономія* и *Физика*. Почтенный Авторъ и здѣсь держался той-же методы, которой

слѣдовалъ онъ при изложеніи *Ботаники* и *Зоологіи*. Послѣ яснаго, легкаго введенія, онъ предлагаетъ важнѣйшія истины науки и восходитъ до самыхъ строгихъ выводовъ оной. Это дѣйствительно ручная дѣтская книга, изъ которой можно легко научиться описываемымъ въ ней предметамъ, научиться, для дѣтскаго возраста весьма основательно. Рекомендуя сіе учебное пособіе родителямъ и наставникамъ, желаемъ, чтобы какой нибудь знатокъ Естествознанія сдѣлалъ разборъ сей книги, и, показавъ достоинства ея, замѣтилъ и неисправности, какія можетъ быть встрѣтятся въ ней.

— *Описаніе водяныхъ сообщеній между Санктпетербургомъ и разными Россійскими губерніями.* Съ гидрографическою картою. Сочиненіе Д. Кафтырева. СПб. въ т. А. Смирдина. 1829. 45 стр. in 8. (*).

« Рѣки, озера и каналы, составляющіе систему путей сообщенія между СПбургомъ и разными Россійскими губерніями, распространяются въ двадцати четырехъ губерніяхъ, расположенныхъ между 2° западной и 32° восточной долготы, по С.Петербургскому меридіану, и между 45° и 65° сѣверной широты. Они соединяются въ Европѣ съ заливомъ Финскимъ, въ Азіи съ моремъ Каспійскимъ,

---

(*) Въ М. Телеграфѣ было уже извѣстіе о сей книгѣ. Печатаемъ о ней другую, *присланную* къ намъ статью. О хорошемъ пріятно поговорить и два раза. *Пр. Из.*

лежащими на разстояніи двухъ тысячь верстъ по прямой линіи и болѣе трехъ тысячь пяти сотъ верстъ, слѣдуя водянымъ путемъ.»

Вотъ предметъ сей небольшой, но весьма важной книжки. Прежде всего Авторъ описываетъ *воды, составляющія пути сообщенія*. «Система водъ путей сообщенія между С.Петербургомъ и разными Россійскими губерніями раздѣляется: на систему водъ Невскихъ, состоящую изъ рѣки Невы, всѣхъ рѣкъ и озеръ, естественно съ нею соединяющихся, и каналовъ, устроенныхъ для обхода озеръ; на систему водъ Волжскихъ, состоящую изъ рѣки Волги, и всѣхъ рѣкъ и озеръ, естественно съ нею соединяющихся; наконецъ на каналы, соединяющіе обѣ системы.»

Послѣ сего слѣдуютъ: *наименованія, соединеніе и мѣстоположеніе водъ*, Невской и Волжской системъ.

Вотъ *длина главныхъ рѣкъ, входящихъ въ составъ путей*:

Рѣки Невской системы.

Мста —	— 387 верстъ,	Тихвинка	159 верстъ.
Волховъ	— 206 —	Нева	58 —
Свирь —	— 188 —		

Рѣки Волжской системы.

Волга, болѣе	3000 верстъ,	Чусовая —	400 верстъ.
Ока	— 1300 —	Молога —	370 —
Кама	— 1200 —	Цна —	350 —
Вятка	— 750 —	Кострома	300 —

Бѣлая —	700 верстъ,	Ловать —	300 верстъ.
Вешлуга —	500 —	Свіяга —	250 —
Клязьма —	450 —	Упа —	250 —
Мокша —	450 —	Москва —	200 —
Сура —	450 —	Тверца —	200 —
Шексна —	420 —	Угра —	200 —
Самара —	400 —	Гжать —	150 —
Унжа —	400 —	Жиздра —	150 —
Уфа —	400 —		

За симъ означены пристани, съ раздѣленіемъ ихъ на верхнія и низовыя. Верхними именуются находящіяся между С.Петербургомъ и Рыбинскомъ, низовыми находящіяся между Рыбинскомъ и моремъ Каспійскимъ. Авторъ присовокупляетъ подробности о времени отправленія судовъ съ пристаней, о времени, потребномъ для доставленія оныхъ въ С.Петербургъ, исчисляетъ губерніи, изъ которыхъ производится главное отправленіе мѣстныхъ произведеній, наконецъ описываетъ мѣстное положеніе замѣчательнѣйшихъ мѣстъ при путяхъ: Нижняго-Новагорода, Рыбинска, Моршанска и Гжатска, вездѣ присовокупляя важнѣйшія для его предмета подробности.

Глава II-я заключаетъ въ себѣ *подробное описаніе водяныхъ путей между С.Петербургомъ и Рыбинскомъ*, гдѣ между прочимъ означены *причины устроенія каналовъ между системами водъ Невы и Волги*, *число, наименованія, мѣстоположеніе и длина путей*, *пристани и пороги*, *находящіеся на путяхъ*; въ статьѣ: *каналы*, описаны раздѣленіе, различіе и наименованія оныхъ. Каналы раз-

дѣляются на устроенные для соединенія системъ водъ, и устроенные для обхода озеръ. Первыхъ три: Маріинскій, Тихвинскій и Вышневолоцкій, вторыхъ четыре: Ладожскій, Сязьскій, Свирскій, Новгородскій. Всѣ каналы устроены на счетъ казны, кромѣ Новогородскаго, устроеннаго на счетъ торговцевъ, провозящихъ Вышневолоцкимъ путемъ товары, и согласившихся платить на устроеніе онаго по десяти рублей съ каждаго проходящаго судна. За симъ описаны каналы каждый отдѣльно. Въ заключеніе излагается: *ходъ судовъ чрезъ каналы, съ одной системы водъ на другую*, и *положеніе путей*, Маріинскаго, Тихвинскаго и Вышневолоцкаго.

Изъ легкаго очерка сей книжки, читатели видятъ всю важность оной. Мы должны прибавить, что Авторъ изложилъ свой предметъ ясно, кратко и вразумительно. Со вниманіемъ разсмотрѣвъ его сочиненіе, получаете полное понятіе объ одной изъ важнѣйшихъ частей Русской Статистики. Для вящшаго уразумѣнія, въ концѣ книжки приложена прекрасная *Гидрографическая карта части Россійской Имперіи между Балтійскимъ и Каспійскимъ морями.*

Вотъ одна изъ тѣхъ книгъ, которыхъ появленію не льзя не радоваться, и за которыя всякій благомыслящій читатель остается благодаренъ трудящимся въ сочиненіи оныхъ! — 1, 3.

— *Словарь жемчужный*, или описаніе мѣстъ и водъ, на пространствѣ Россіи находящихся, въ коихъ ловится жемчугъ. Издалъ Степанъ Руссовъ. СПб. въ т. Деп. Народн. Просв. 1829. 36 стр. in 12.

Взглянувъ на первое названіе сей брошюрки, всякій подумаетъ, что Авторъ предлагаетъ намъ книгу юмористическую; но выходитъ совсѣмъ противное. Желая пользы своимъ соотечественникамъ, Г. Руссовъ описываетъ, по азбучному порядку, всѣ Россійскія воды, въ коихъ ловится жемчугъ, и въ заключеніе показываетъ средства узнавать жемчужныя раковины, вынимать жемчужины, мыть или очищать попорченый жемчугъ. Въ концѣ книжки его приложена *сравнительная цѣна жемчуга, относительно различной крупности онаго.*

Долгомъ почитаемъ выписать изъ предисловія почтеннаго Автора слѣдующія слова: «Авторъ «проситъ всѣхъ, кому удастся найдти гдѣ либо «жемчугъ, объ открытіяхъ своихъ увѣдомлять че«резъ газеты или журналы, чтобы книжка сія со «временемъ могла усовершенствоваться.» Думаемъ, что никто не откажется споспѣшествовать Автору въ полезномъ его предпріятіи.

— *Искуство играть въ бостонъ*, или подробное наставленіе опытнаго игрока, узнать игру сію въ совершенствѣ, во всѣхъ ея измѣненіяхъ; съ показаніемъ на таблицахъ всѣхъ картъ у играющихъ и различныхъ съ оныхъ выходовъ, съ приложеніемъ таблицы расчетовъ, употребляемой при разыгрываніи каждой игры бостона. СПб. въ т. Ив. Глазунова. 1829. 88 стр. in 12.

Г. Опытный игрокъ такъ подробно изъяснилъ, на заглавномъ листкѣ, содержаніе своего сочиненія, что намъ не нужно прибавлять, о чемъ идетъ дѣло. Въ предисловіи онъ самъ шутитъ надъ сво-

имъ *искуствомъ* и доказываетъ, что играть въ бостонъ полезнѣе, нежели не дѣлать ничего. Съ этимъ не льзя согласиться безусловно; но мы также думаемъ, что игра въ вистъ, въ бостонъ, можетъ быть иногда весьма кстати запѣяна. Вообразите, что къ вамъ пожаловало нѣсколько человѣкъ на вечеръ, и вы не знаете, чѣмъ занять ихъ, не находя съ ними предмета для разговора. Тутъ карты будутъ для васъ самымъ благодѣтельнымъ прошпвуядіемъ отъ грусти и скуки, или лучше сказать маленькимъ пріемомъ яда, истребляющимъ болѣзнь, которая есть *сама скука.*

— *Путеводитель въ Москвѣ.* Изданный Сергѣемъ Глинкою, сообразно Французскому подлиннику Г-на Лекоента де Лаво, съ нѣкоторыми пересочиненными и дополненными статьями. *Изданіе второе, вновь дополненное.* М. Въ т. А. Семена. 1829. 402 стр. in 8.

Второе изданіе сей книги показываетъ, что она требуется, что ее читаютъ. И какъ-же быть иначе! При многихъ недостаткахъ своихъ, это почти единственное руководство къ познанію древней, знаменитой нашей столицы. Въ 1824 и 1825 годахъ, при появленіи въ свѣтъ подлинника и перваго изданія перевода сей книги, мы замѣчали многое, касательно недостатковъ оной. Но не видавъ послѣ сего ни одного порядочнаго сочиненія о Москвѣ, соглашаемся, что Г. Делаво оказалъ большую услугу своимъ *Путеводителемъ*, а Г. Глинка переводомъ и пересочиненіемъ нѣкоторыхъ статей сей книги. Къ нынѣшнему изданію

приложены тѣ-же картинки, которыя были и при первомъ.

— *Сѣверная Звѣзда.* 1829. Издана Бестужевымъ-Рюминымъ. СПб. въ тип. Х. Гинца. 1829. X и 308 стр. in 16.

Прочитавъ сію книжку, мы невольно пародировали начало Руссова Эмиля: «Все прекрасно въ «рукахъ писателя искуснаго, все плохо попавшись «въ когти писателю бездарному!» По праву береговому, кулачному, или по какому-бы то ни было праву, Издатель Сѣверной Звѣзды навербовалъ себѣ довольно пьесъ весьма хорошихъ; но онъ обставилъ ихъ такъ дурно, что названіе сей книжки совсѣмъ не соотвѣтствуетъ ея достоинству, и Сѣверная печатная Звѣзда едва-ли будетъ звѣздою незаходимою. Отрывки изъ сочиненій фонъ-Визина хороши вездѣ: это правда; но они не новы, извѣстны всѣмъ, и только къ досадѣ читателя напоминаютъ, что у насъ до сихъ поръ нѣтъ полнаго собранія сочиненій сего остроумнаго Писателя. Современные Литтераторы подарили Издателю Звѣзды нѣкоторыя весьма хорошія стихотворенія, но такихъ немного; напротивъ балласту слишкомъ изобильно въ его легонькомъ свѣтилѣ, и мы думаемъ, что сія-то несоразмѣрная тяжесть увлечетъ Сѣверную Звѣзду за горизонтъ литературный. Кромѣ статей фонъ-Визина: *Выборъ учителя — Слѣдствія комедіи: Недоросль — Письмо Тараса Скотинина къ родной его сестрѣ, Гжѣ Простаковой — Придворная Грамматика*, проза сего Альманаха не представляетъ ничего замѣчательнаго. Стараничка Ѳ. Н. Глинки, стараничка, названная

Картиною на берегахъ Оби, пять страничекъ Г-на Карлгофа, *Мысли о богатствѣ и бѣдности*, даже по краткости своей не стоили помѣщенія въ альманахѣ. И въ Нѣмецкихъ книжкахъ сего рода скучно встрѣчать по нѣскольку строчекъ Жанъ-Поля или Маріи Вебера, напечатанныхъ потому только, что ихъ написала рука необыкновеннаго человѣка. Но отъ чего такое уваженіе къ упомянутымъ статьямъ въ Сѣверной Звѣздѣ? Развѣ это отрывки изъ Алкорана, котораго каждую строчку Магометанинъ цѣнитъ дороже нитки крупнаго жемчугу? — *Исторію булавки*, Г-на Илличевскаго, можно было-бы похвалить, если-бъ мысль сей статьи была поновѣе. Сочиненія самого Издателя: *Могильная роза* и *О Веневитиновѣ и его сочиненіяхъ*, довольно посредственны; о послѣднемъ изъ нихъ можно замѣтить развѣ только то, что оно перепечатано изъ Сѣверной Пчелы. Но утѣшили насъ и заставили посмѣяться двѣ статьи: *Нѣчто объ альманахахъ*, и *Мысли и замѣчанія Литтературнаго наблюдателя*. Онѣ принадлежатъ какому-то грозному Псевдониму *Аристарху Завѣтному*. Онъ даетъ множество совѣтовъ Русскимъ Литтераторамъ, многихъ изъ нихъ громитъ безпощадно, замѣчаетъ то и то, но жаль, что ни въ чемъ не достигаетъ своей цѣли и безпрестанно противорѣчитъ себѣ. Напримѣръ, онъ упрекаетъ издателей нашихъ альманаховъ въ подражаніи первому Русскому альманаху, а самъ пишетъ для Сѣверной Звѣзды; совѣтуетъ роскошно издавать книжки сего рода, а Сѣверная Звѣзда наряжена слишкомъ по домашнему; наконецъ заботится о Русскомъ слогѣ слѣ-

дующею фразою: «Слогъ сей долженъ быть весьма «простъ, но весьма и ясенъ.» Въ *мысляхъ и замѣчаніяхъ* своихъ Г-нъ Завѣтный жестоко нападаетъ на литтературное достоинство Г-дъ Плетнева и Барона Дельвига. Все остальное въ сей статьѣ не стоитъ упоминанія; но неумѣстная смѣлость Г-на Завѣтнаго противъ упомянутыхъ Литтераторовъ, едва-ли не безпримѣрна, и потому должна быть замѣчена. Изъ стихотвореній сего Альманаха упомянемъ о нѣсколькихъ пьесахъ, подписанныхъ буквами *Ап.* Въ нихъ узнаемъ мы одного изъ знаменитѣйшихъ поэтовъ нашихъ, но не думаемъ, чтобы Издатель имѣлъ позволеніе напечатать сіи стихотворенія. Это сочиненія юныхъ лѣтъ узнаваемаго поэта, или случайныя пьесы, которыя не были назначены къ печати. Впрочемъ, не наше дѣло судить о правахъ Г-на Издателя: мы рады встрѣчать въ его книжкахъ даже и первые опыты поэта,

Чьей лиры гордые обломки
Переживутъ вѣнки льстецовъ!

Мы не можемъ исчислить всѣхъ стихотвореній сего Альманаха, потому что ихъ очень много, а именно 64. Подъ нѣкоторыми встрѣчаются имена Г-дъ Баратынскаго, Ѳ. Н. Глинки, Карлгофа, Ободовскаго, Загорскаго, Туманскаго, Илличевскаго, Вельтмана, но всѣ сіи поэты какъ будто скупились и не охотно вступали на поприще Сѣверной Звѣзды; отъ того, можетъ быть, какъ-то скучаешь, находясь даже въ ихъ пріятномъ, блестящемъ обществѣ.

NB. Пересмотрѣвъ нашу статью, видимъ, что мы ничего не сказали о прозаическомъ отрывкѣ, напечатанномъ въ семъ Альманахѣ подъ заглавіемъ: *О духѣ нынѣшней критики.* Sit ei terra levis!

— *Лара.* Повѣсть въ стихахъ, сочиненіе Лорда Байрона, переводъ Александра Носкова. М. въ т. Селивановскаго. 1829. 74 стр., in 8.

Борьба съ Лордомъ Байрономъ требуетъ богатырей, почти баснословныхъ для нашего времени. Гармоническій Поэтъ нашъ, Г-нъ Козловъ, не удовлетворилъ всѣмъ требованіямъ критики переводомъ Абидосской Невѣсты. Послѣ сего надобно было имѣть много отважности, для перевода Лары, одной изъ сильнѣйшихъ, по выраженію, поэмъ Байрона. Г-нъ Носковъ, какъ видно, не зналъ всей великости своего предпріятія, и потому единственно выдалъ въ свѣтъ сей переводъ, дающій весьма сбивчивое понятіе о подлинникѣ. Изъ него узнаете только содержаніе Лары, и болѣе ничего: гармонія стиховъ, сила выраженія, *Поэзія* Байронова остались въ Англійской почвѣ. Впрочемъ, въ Русскомъ переводѣ (если только не сличать его съ Байрономъ) есть мѣста хорошія, и вообще Г-нъ Носковъ пишетъ стихи съ чувствомъ; напримѣръ:

Спустилась ночь: ни вѣтерка
Надъ темно-синими струями!
И сводъ небесный, и рѣка
Блистаютъ свѣтлыми звѣздами.
Вода чуть движется волной,
Но непримѣтно утекаетъ
Какъ радость жизни молодой!
Коверъ зеленый разстилаетъ

Свой влажный шелкъ по берегамъ,
И къ тихимъ наклонясь водамъ,
Подъемлетъ къ небу дубъ маститый
Во мракѣ ночи мракъ вѣтвей. . .
И нѣжная краса полей,
Цвѣтетъ при немъ цвѣтокъ душистый,
И тихо все въ прозрачной мглѣ,
И въ небесахъ и на землѣ.

Или, вотъ описаніе ночныхъ бесѣдъ Лары:

Гнетомъ душевною тоскою,
Отрады въ книгахъ онъ искалъ;
Дни, ночи, часто провождалъ
Въ бесѣдѣ съ мертвой головою.
Тогда по храминѣ пустой,
Гдѣ лики прадѣдовъ мелькали,
Рабы его, средь тмы ночной,
Шаги поспѣшные слыхали.

Желая дальнѣйшихъ успѣховъ Г-ну Переводчику, замѣтимъ, что въ нѣкоторыхъ мѣстахъ у него смѣшаны рифмы и не изглажены рифмы бѣдныя. Этотъ небольшой недостатокъ легко можетъ быть исправленъ.

— *Пертская Красавица,* или праздникъ св. Валентина. Историческій романъ Сира Валтера Скотта. Перевелъ съ Французскаго Михаилъ Воскресенскій (4 части). М. въ т. Селивановскаго. 1829. 224, 245, 243 и 233 стр., in 12.

— *Морской Разбойникъ.* Сочиненіе Сира Валтера Скотта. Перевелъ съ Французскаго Михаилъ Воскресенскій (4 части). М. въ т. Селивановскаго. 1829. 252, 233, 226 и 274 стр., in 12.

— *Приключенія Нигеля.* Сочиненіе Сира Валтера Скотта. Переводъ съ Англійскаго. Въ четырехъ частяхъ. М. въ т. Н. Степанова. 1829. 202, 263, 282 и 268 стр., in 12.

— *Вудстокъ*, или Кавалеръ. Исторія временъ Кромвеля 1651 года. Сира Валтера Скотта. Переводъ съ Французскаго А. Герасимова. Съ портретомъ Кромвеля (4 части). М. въ т. Селивановскаго. 1829. XVIII, 323, 345, 323 и 383 стр., in 12.

При множествѣ другихъ Литературныхъ явленій, мы до сихъ поръ не могли извѣстить читателей нашихъ о выходѣ въ свѣтъ четырехъ романовъ Валтера Скотта въ Русскихъ переводахъ. Въ подлинникѣ, сіи книги пользуются славою, къ которой хвала наша ничего не можетъ прибавить; въ Русскихъ переводахъ ихъ невозможно читать: таковы сіи переводы! Мы не одинъ разъ жаловались на Г-дъ поставщиковъ Русскихъ, переводящихъ романы знаменитаго Шотландскаго Баронета; нынѣ вновь подаемъ аппеляцію публикѣ на переводчиковъ *Пертской Красавицы*, *Морскаго Разбойника*, *Нигеля* и *Вудстока*. Можно-ли такъ безжалостно уродовать изящныя произведенія! Не знаемъ, кто изъ вышеписанныхъ Господъ ужаснѣе для Валтера Скотта, но думаемъ, что Г-нъ Герасимовъ, въ переводѣ *Вудстока*, чуть-ли не перещеголялъ всѣхъ, бывшихъ и будущихъ Переводчиковъ В. Скотта. Онъ терзалъ Вудстокъ, переводя съ Французскаго. Мы сличили нѣкоторыя мѣста его перевода съ Французскимъ, и нашли смѣшныя недоразумѣнія и невѣроятное незнаніе. Подтвердимъ это примѣрами.

«Въ припадкѣ безумія, Король Леаръ принялъ Ед-«монда за философа *Фебейскаго* и вопрошалъ *этаго* «ученаго *Фебіанца* о высокихъ *разрѣшеніяхъ* метафи-«зическихъ (*Кингъ-Леаръ*, статья III).» Просимъ читателей нашихъ угадать, что это за *Фебейскій Фебіанецъ*, о которомъ идетъ рѣчь? Какая въ *Кингѣ* Леарѣ *статья* III? Это намъ сей часъ покажетъ Французскій текстъ. Вотъ онъ: «Dans un de ses accès de folie le roi Lear prend Edmond pour un philosophe de *Thèbes*, et veut interroger ce savant *Thébain* sur de hautes questions métaphysiques. *King Lear*, acte III.» То есть: «Въ припадкѣ безумія, Король Лиръ почитаетъ Эдмонда *Ѳивскимъ* философомъ и хочетъ требовать у сего ученаго *Ѳивянина* разрѣшенія высшихъ метафизическихъ вопросовъ.— *Король Лиръ* (то есть Шекспирова трагедія сего имени), *дѣйствіе* III.» Можетъ быть читатели подумаютъ, что мы невѣрно списали переводъ Г-на Герасимова? Просимъ ихъ взглянуть на 10-ю стран. 1-й части сего перевода. На стран. 74-й 2-го тома, Г-нъ Переводчикъ объясняетъ слова FiBbet и BiBbet слѣдующимъ образомъ: «терминъ *Аргота* — также терминъ *Аргота*.» Это прелестно!... Вообще Французскій языкъ знаетъ онъ столь плохо, что рѣдко гдѣ понимаетъ смыслъ подлинника, и отъ того пишетъ совсѣмъ не то, что хочетъ выразить Авторъ. О Русскомъ слогѣ Г-на Герасимова и говорить нечего: это большею частію безсмыслица и вездѣ нескладица. Въ примѣръ первой, выпишемъ слѣдующее: «И такъ извѣстимъ мы читателей нашихъ, что сѣтованія коммисаровъ, изгнанныхъ изъ рая, который чаяли

они обрѣсти въ Вудстокѣ, не Херувимомъ, но истинѣ, но, какъ они думали, духами другаго рода, удерживали ихъ еще въ окрестностяхъ онаго.» Ч. 4-я, стр. 61-я. Отъ точки до точки не льзя понять ни слова!...

Утѣшимся тѣмъ, что у насъ есть другой переводъ Вудстока, Г-на де Шаплета, переводъ прекрасный, достойный подлинника. Не уже-ли при семъ переводѣ, кто-нибудь изъ Русскихъ читателей станетъ искать уродливаго искаженія, изданнаго съ именемъ Г-на Герасимова?

Пертская Красавица, *Морской Разбойникъ* и *Приключенія Нигеля* переведены сноснѣе, хотя и то очень плохо. Мы весьма сомнѣваемся, чтобы *Нигель* былъ переведенъ съ Англійскаго. На это намекаютъ собственныя имена и разныя Англійскія слова, коихъ произношенія Г-нъ Переводчикъ не знаетъ. Напримѣръ: *Рихардъ*, и проч.

— *Моя исповѣдь.* 1829 года Мая 30 дня, стихотвореніе Графа Хвостова, съ Нѣмецкимъ переводомъ. СПб. въ т. Академіи Наукъ. 1829. 9 стр., in 4.

Графъ Хвостовъ печатаетъ нынѣ *Полное Собраніе Стихотвореній* своихъ, коихъ два первые тома уже вышли изъ печати. Сождавъ слѣдующіе томы сего Собранія, мы скажемъ свое мнѣніе о сочиненіяхъ почтеннаго Старца-Поэта. Оставивъ всѣ мистификаціи, мы будемъ съ нимъ откровенны.

СМѢСЬ.

Письма съ береговъ Лены.

Письмо II-е. До Киренска считается отъ Иркутска около 1000 верстъ. Помня тамошнюю хлѣбъ-соль, я затрудняюсь сказать истину на счетъ Архитектуры и самаго расположенія этого старинаго населенія завоевателей Сибири. Одна каменная церковь, впрочемъ не отстроенная, есть предметъ, на которомъ останавливается взоръ путешественника, послѣ тщетныхъ напряженій увидѣть что нибудь городское. Причиною неблагообразія сего есть недостатокъ промышленности: хлѣбъ родится не каждый годъ, промыслы звѣриные плохи, а въ рѣкѣ очень мало рыбы. Бѣдность есть удѣлъ всего Киренскаго уѣзда; но за то жители отличаются простотою нравовъ: между 9000 оныхъ цѣлый годъ не было ни одного уголовнаго преступленія; воровства чрезвычайно рѣдки, и если бываютъ иногда грабежи и убійства, то преступленія сіи совершаются каторжными, находящимися на соловаренномъ Усть-Кудскомъ заводѣ, которые лѣтомъ обыкновенно бѣгаютъ отъ работы. Отправляющіеся на звѣриные промыслы не могутъ запасаться съ излишкомъ съѣстными припасами, и домашніе ихъ, положивъ хлѣба въ мѣшокъ, кладутъ въ извѣстномъ мѣстѣ на дорогѣ, а чтобъ удобнѣе было отыскать его въ снѣгу, втыкаютъ надъ

нимъ палку; мѣшокъ сей недѣли по двѣ лежитъ неприкосновеннымъ, и никто, кромѣ хозяина, не смѣетъ приступить къ нему. Причиною простоты нравовъ есть конечно то, что въ уѣздѣ семъ нѣтъ ссылочныхъ посельщиковъ, этихъ людей, которые, вынося съ собою изъ Россіи пороки и преступленія, разсѣяваютъ ихъ между жителями Сибири.

До сихъ поръ мы немного страдали отъ морозовъ, но по отъѣздѣ изъ Киренска встрѣтили ихъ въ полномъ могуществѣ. Никакая шуба не въ состояніи защитить отъ нихъ; какъ-бы тепло ни были одѣты ноги, но часа черезъ два непремѣнно замерзнутъ; болѣе всего достается носу, для сохраненія котораго обыкновенно около шеи обвертывается шаль, закрывающая лицо до самыхъ глазъ, но отъ дыханія по краямъ шали и шапки намерзаетъ куржевина, растаявающая отъ прикосновенія къ тѣлу, отъ чего по лицу течетъ безпрестанно мокрота. Въ каждую щелку кибитки дуетъ пронзительный холодъ, который какъ-бы буравчикомъ вертитъ тѣло. У лошадей безпрестанно замерзаетъ въ ноздряхъ. Ямщикъ то сидитъ на козлахъ, то бѣжитъ подлѣ повозки, то вскочитъ верхомъ на одну изъ лошадей, которыя обыкновенно запрягаются гусемъ, по причинѣ тѣсной дороги, безпрестанно переметаемой снѣгомъ. Лошади бѣгутъ медленно; къ концу станціи почти шагомъ. Прибавьте къ сему совершенное одиночество: ни встрѣчнаго, ни поперечнаго, только горы, небо, лѣсъ и снѣгъ. Все это, взятое вмѣстѣ, дѣлаетъ путешествіе по Ленѣ зимою чрезвычайно несноснымъ. Надобно удивляться привычкѣ здѣшнихъ жителей къ

морозамъ. Голыми руками запрягаютъ они лошадей, и одѣты весьма легко.

Въ морозы обыкновенно начинаетъ подниматься отъ рѣки и земли туманъ, который увеличивается съ пониженіемъ температуры, и наконецъ доходитъ до такой степени, что на 20-ть саженъ впередъ ничего не видно, кромѣ какой-то сѣроватости.

За Киренскомъ слѣдуетъ упраздненный городъ Витимскъ, состоящій изъ 40 домовъ, расположенныхъ по лѣвому, высокому берегу Лены, противъ устья рѣки Витима. Сія рѣка примѣчательна тѣмъ, что на вершинѣ ея ловятся хорошіе соболи, а по впадающей на нее рѣкѣ Мачѣ ломается лучшая бѣлая слюда, которой пріиски начали уже истощаться. Въ прежнія времена находили пласты слюды аршина въ два длиною. Слюда идетъ въ Китай, и для флота. Здѣсь мы нашли Экспедицію Норвежскаго Профессора Ганштеена, путешествующую по сѣвернымъ странамъ для изслѣдованія свойствъ магнитной стрѣлки. Экспедиція сія провела въ Витимскѣ нѣсколько дней, наблюдая Сѣверныя сіянія, которыя здѣсь бываютъ почти каждодневно, и по два вдругъ, одно на Сѣверѣ, а другое на Юго-Западѣ. Это были первые и послѣдніе путешественники, встрѣтившіеся съ нами на столь длинномъ пути. Рѣка Лена, имѣвшая до сихъ поръ направленіе на Сѣверъ, у станціи Мукшукуевской круто поворачиваетъ на Востокъ, и течетъ по сему направленію до Якутска, гдѣ опять склоняется на Сѣверъ, и въ семъ направленіи течетъ уже до Ледовитаго моря.

За 200 верстъ до Олекминска начинаются кочевья Якутовъ. Этотъ народъ, о которомъ впослѣдствіи поговорю пространнѣе, происхожденія Татарскаго, но имѣетъ въ языкѣ своемъ много словъ Монгольскихъ; ростомъ вообще малъ; лицемъ не черенъ, но сильно калмыковатъ; сложенія крѣпкаго и одаренъ необыкновенною переимчивостію; обитаетъ, подобно Буряшамъ, въ четвероугольныхъ, продолговатыхъ деревянныхъ юртахъ (съ ледяными зимою окнами) раздѣленныхъ внутри на двѣ половины, изъ коихъ въ одной помѣщается корова, а другую занимаетъ хозяинъ съ семействомъ. Посреди юрты дѣлается камелекъ, въ который дрова кладутся къ стѣнѣ вертикально, и когда бываютъ зажжены, то производятъ большое пламя, которое въ нѣсколько минутъ нагрѣваетъ юрту. Такіе камельки устроены на каждой станціи отъ Витимска до Якутска, и чрезвычайно полезны для путешественниковъ: подлѣ нихъ скоро можно согрѣться и просушить мокрое отъ куржевины платье.

Якуты суть звѣроловы и пастухи; земледѣліемъ же совсѣмъ не занимаются. Скотъ ихъ всю зиму ходитъ на поляхъ, и разгребая ногами снѣгъ, питается сухою травою. Лошади здѣшнія не столь малорослы, какъ у Русскихъ крестьянъ, толсты, чрезвычайно горячи и крѣпки. Кромѣ лошадей и коровъ, Якуты никакого скота не держатъ. Кочевья ихъ расположены по лугамъ и островамъ чрезвычайно растянуто. Всѣ Якуты исповѣдуютъ Христіанскую вѣру, но въ случаяхъ небыкновенныхъ прибѣгаютъ къ Шаманамъ; впрочемъ, худо

исполняютъ они обязанности нашей вѣры, и пристрастны къ прежнимъ своимъ обыкновеніямъ.

Н. Щ.

Г-ну РАИЧУ-АМФИТЕАТРОВУ.

М. Г.!

Я не хотѣлъ отвѣчать вамъ печатно на непристойныя ваши выходки; но теперь вижу, что для усмиренія васъ долженъ я заготовить особенный отвѣтъ, а для уличенія написать нижеслѣдующее. Вы не напечатали моего перваго къ вамъ письма и не хотите печатать. Почему?

По возвращеніи моемъ въ Москву, я крайне былъ удивленъ, что въ Журналѣ вашемъ призываете вы меня въ свидѣтели клеветы и неправды, а потому доставилъ я Г-ну Полевому письмо, съ намѣреніемъ: прекратить тяжебное дѣло за нѣсколько стихотворныхъ строкъ, напечатанныхъ уже полгода тому назадъ. Я думалъ своимъ письмомъ окончить продолжительный споръ, избавить отъ скуки публику, думалъ образумить васъ, напомнить вамъ законы приличія, напомнить ваши обязанности къ публикѣ, которую вы такъ мало уважаете, что изъ всѣхъ статей, печатаемыхъ въ вашемъ Журналѣ, можно указать только на брани, и то потому, что онѣ своимъ безстыдствомъ невольно обращаютъ на себя вниманіе.

Но вышеозначенное письмо, по несчастію моему,

вызвало и меня на журнальное поприще, и я долженъ состязаться съ вами. Вы, предвидя себѣ щелчекъ, явились ко мнѣ, на Молчановку, въ домъ Г-на Щелина, въ 9-ть часовъ утра, долго мялись, заговаривая о погодѣ, потомъ сами предложили напечатать, для устраненія моего имени, *все, что мнѣ угодно будетъ*, только съ условіемъ, чтобъ у Г-на Полеваго не являлась на васъ улика. Я отвѣчалъ вамъ, что вы опоздали, что письмо мое уже у Издателя Телеграфа, и я не знаю, можно-ли будетъ исполнить вашу просьбу. Потомъ изъявилъ я желаніе, чтобъ вы были въ Журналѣ вашемъ на мой счетъ откровеннѣе и договорили то, чего съ намѣреніемъ не досказали прежде. Вы, Семенъ Егоровичъ Раичъ, объявили мнѣ въ отвѣтъ, что въ критикѣ Галатеи умолчаны многія обстоятельства потому, что *вы не видали статьи до напечатанія оной*. Я понялъ васъ тогда, а читатели поймутъ *теперь*. Наконецъ, вы сѣли за письменной столикъ (помните: за ширмами?), взяли перо; я положилъ передъ вами бумагу, и вы хотѣли писать для Галатеи статью въ мою справедливую защиту, но, страннымъ образомъ, за неумѣньемъ, стали просить меня тутъ-же сочинить статейку отъ вашего лица, въ такомъ видѣ, въ какомъ я хочу. Вы встали; я сѣлъ, написалъ и отдалъ вамъ. Она была написана по вашему убѣжденію отъ вашего лица. Вы тогда показались мнѣ такъ жалки, что не знаю, у кого-бы въ ту минуту поднялось противъ васъ перо. Каковы мѣры: явиться съ видомъ униженнымъ, обо всемъ покорно просить, и потомъ поступить такъ, какъ поступили вы! Но, Г-нъ Издатель

Галатеи! Вы человѣкъ смирный, добрый, не предпріимчивый, вы въ Литтературѣ овечка Виргиліева, вы барашекъ Геснера, вы рыбакъ Ѳеокрита, или лучше сказать, вы ни рыба, ни мясо: должно оправдать васъ! Въ полимическихъ статьяхъ Галатеи не виноваты вы ни душою, ни тѣломъ. Если вы у меня не умѣли написать пяти строкъ прозы, то повѣрю-ли я, чтобъ у васъ не былъ человѣкъ, сочиняющій всѣ ваши рецензіи. Не хороша въ этомъ случаѣ роль ваша! О ролѣ *товарища-невидимки*, не скажу ничего: онъ поставилъ васъ передъ собою, мечетъ полемическою дрянью во всѣхъ, и занимаетъ свое мѣсто...

Кончу статью мою совѣтомъ, не вамъ, а союзнику вашему (если онъ у васъ есть), что въ сраженіи не должно прятаться за пень, предавая невиннаго брата своего на жертву раздраженнаго непріятеля; не должно кусать прохожихъ изъ-за подворотни, подобно злой дворняшкѣ; не должно безпрестанно говорить про свою честь, ибо смѣлый языкъ праваго напомнитъ такому невидимкѣ удачные стихи Комедіи:

Кто все про честь твердитъ, въ томъ чести
очень мало,
Въ тебѣ-же, милый мой, и во все не бывало.

А. Ротчевъ.

Русскій Театръ.

Коварство и любовь, трагедія въ 5-ти дѣйствіяхъ; *Зефиръ, или вѣтренникъ, сдѣлавшійся постояннымъ*, балетъ въ 1-мъ дѣйствіи. (Бенефисъ Г-на и Г-жи Ивановыхъ, 10-го Іюля).

Не прошло еще двадцати лѣтъ съ тѣхъ поръ, какъ образованное сословіе Россіянъ слѣпо вѣрило, что Французская Словесность есть единая безгрѣшная и изящная, и что геніяльныя произведенія другихъ народовъ суть только жалкія, безвкусныя попытки. Безъ зазрѣнія называли въ то время Шекспира — уродливымъ (monstrueux), Шиллера — ничтожнымъ ученикомъ... Мы хотѣли было продолжать исчисленіе сихъ нѣжныхъ эпитетовъ, даваемыхъ великимъ писателямъ, но полагаемъ, что уже довольно двухъ вышеприведенныхъ именъ для показанія разницы, существующей между сужденіями того и настоящаго времени. Въ тѣ годы, большая часть образованныхъ молодыхъ людей знала Нѣмецкій языкъ несравненно лучше нынѣшнихъ скороспѣлокъ-ученыхъ, въ переводахъ своихъ уродующихъ Шиллера и Гёте (зри нѣкоторые новѣйшіе переводы сихъ знаменитыхъ трагиковъ). Со всѣмъ тѣмъ, предубѣжденіе противъ всего уклонявшагося отъ скучныхъ формъ Французскихъ классиковъ, предубѣжденіе, съ малолѣтства насажденное въ умы, заставляло совершенно пренебрегать Германскою Музою. Если-бы въ то время Россіянинъ, свободно

и чисто говорящій по Нѣмецки, былъ вопрошенъ о Нѣмецкой Литтературѣ, то онъ отозвался-бы съ похвалою о Готшедовой Грамматикѣ, по которой учился, о басняхъ Геллерта, стихотвореніяхъ Рамлера и Козегартена и о Клейстовой Веснѣ, которыя заставлялъ его читать учитель. Можетъ быть упомянулъ-бы онъ о извѣстной ему по слухамъ Клопштоковой Мессіядѣ, а на вопросъ о Шиллерѣ, отвѣчалъ-бы только, что Шиллеръ сочинилъ ужасную драму Разбойники, въ которой нѣтъ ни правдоподобія, ни соблюденія трехъ единствъ и другихъ условій, предписанныхъ непогрѣшительнымъ Буало. Да не подумаютъ читатели, что я, желая превознести новѣйшія времена, стараюсь насмѣшливыми выдумками унизить прошедшія. Доказательствомъ противнаго можетъ служить то, что я самъ принадлежу къ упоминаемому мною поколѣнію, и что все вышесказанное есть смиренное mea culpa, или говоря по Русски, мое признаніе въ собственныхъ грѣхахъ. Молодые люди нашего времени были совершенно невиноваты въ семъ невѣжествѣ. Нѣмецкому языку обучали ихъ, по большой части, давнишніе выходцы изъ Германіи, которые окончили курсъ наукъ въ шестидесяшыхъ и семидесяшыхъ годахъ, а Германская Литтература быстрый свой полетъ должна считать въ концѣ протекшаго столѣтія. Журнальныя сообщенія новостей были въ то время не такъ многочисленны, какъ въ настоящее: Гамбургскій Корреспонденшъ, составлявши единственное чтеніе Нѣмцевъ въ Россіи, хотя и извѣщалъ о поступившихъ въ продажу новыхъ книгахъ, но молчалъ и доселѣ

молчитъ объ успѣхахъ Германской Словесности. Петербургскій Нѣмецкій Театръ затмевался блестящею Французскою труппою, и драмы Коцебу составляли главную часть его репертуара. Сверхъ того, въ обществахъ и доселѣ не говорятъ по Нѣмецки; мудрено-ли, что мои современники имѣли такое-же понятіе о Германской Литературѣ, какое мы нынѣ имѣемъ о Восточной, то есть, самое не полное, по разсказамъ.

Когда наконецъ успѣхи нашего оружія привели насъ на берега Одера и Эльбы, тогда новый, неизвѣстный міръ открылся предъ нами. Тогда мы сами узрѣли, на какой степени образованности стоитъ отечество Виланда и Гёте, и сокровищница Нѣмецкой Литературы изумила насъ дотолѣ неизвѣстными богатствами. Мы были такъ-же удивлены, какъ Французы при появленіи въ свѣтъ извѣстнаго сочиненія Г-жи Сталь, въ коемъ знаменитая писательница ознакомила своихъ соотечественниковъ съ чуждою имъ Музою. Вся разница въ томъ, что мы были изумлены пріятнымъ образомъ, а Французы бѣсились и досадовали на то, что за Рейномъ смѣютъ писать хорошо!... Въ бытность нашу въ то время въ Нѣмецкихъ театрахъ, мы наслаждались первыми для насъ представленіями изящнѣйшихъ произведеній великихъ писателей. Казалось, что Лессингъ, Шиллеръ, Гёте и Вернеръ дебютировали предъ нами, показывая множество своихъ дотолѣ неизвѣстныхъ произведеній. — Первая Шиллерова трагедія, видѣнная мною на Нѣмецкомъ театрѣ, была: Коварство и любовь, представленная актерами тогдашней знаменитой

Берлинской труппы. Кто подобно мнѣ смотрѣлъ на Иффланда и Маттауша, Г-жъ Бешманъ и Флекъ въ вышеупомянутой трагедіи, тотъ смѣло можетъ сказать, что онъ никогда не увидитъ оной въ лучшемъ видѣ. Надѣюсь, что читатели не поскучаютъ моими воспоминаніями о семъ зрѣлищѣ, и съ терпѣніемъ прочитаютъ небольшой отчетъ о наслажденіи, мнѣ онымъ доставленномъ. Разборъ цѣлой пьесы и описаніе искусной игры всѣхъ артистовъ, были-бы слишкомъ длинны; ограничимся двумя главными ролями, которыя, по мнѣнію нашему, суть роли: Леди Мильфортъ и Луизы.

Въ Луизѣ, Шиллеръ изобразилъ одну изъ тѣхъ прелестныхъ мечтательницъ, которыя не рѣдко встрѣчаются въ Германіи и совершенно чужды нашему отечеству. Луиза Миллеръ, дочь небогатыхъ родителей, просшаго званія, тѣмъ не менѣе довольно образована, что въ Германіи совсѣмъ не диковина. Это прелестное существо любитъ, не Графа, не сына перваго вельможи въ государствѣ, а просто Фердинанда. Блаженство невинной любви Луизы можно уподобить блаженству серафимовъ. Этотъ ангелъ, долженствующій содѣлаться жертвою гнуснѣйшихъ интригъ, противупоставленъ женщинѣ пламенной, пылкой, гордой, со всѣхъ сторонъ окруженной дарами фортуны, женщинѣ, презрѣвшей стыдъ своего пола и являющей позорный примѣръ предъ лицомъ всего народа. Но и эта женщина, несчастная среди самаго счастія, презрѣнія достойная въ толпѣ низкопоклонниковъ, ее обожающихъ, эта женщина также любитъ, со всею силою пламенной души, и пред-

метъ ея любви есть тотъ-же самый Фердинандъ, идеалъ непорочной Лунзы! На этой мастерской противоположности основана вся завязка пьесы, а посему и выполненіе сихъ двухъ ролей требуетъ величайшаго искуства. Если актрисы, ихъ занимающія, будутъ коверкаться, стонать, визжать на одинъ напѣвъ, то онѣ никакъ не оттѣнятъ двухъ различныхъ родовъ страсти, а будутъ только напоминать старинную пѣсенку: Marion pleure, Marion crie, Marion veut qu'on la marie. Не такъ выполнили свои роли двѣ знаменитыя вышепоименованныя актрисы. Луиза (Г-жа Флекъ) являлась въ первомъ дѣйствіи въ простомъ и опрятномъ платьицѣ, съ цвѣточкомъ на груди. Голосъ ея былъ нѣженъ, произношеніе нѣсколько протяжно; прелестная физіономія милой актрисы совершенно выражала блаженное состояніе ея души, удовлетворенной въ главнѣйшей потребности, въ потребности любить и быть любимою. Она смотрѣла на всѣхъ съ тою очаровательною улыбкою, съ коею Корреджіевы ангелы взираютъ на Спасителя—младенца. По всему видно было, что она принадлежитъ другому міру, гдѣ вполнѣ наслаждаются бытіемъ, гдѣ любовь и счастіе совершенно отчуждены заботъ и бѣдствій юдольной жизни. Въ разговорѣ ея, ровномъ и спокойномъ, не было замѣтно сильныхъ душевныхъ ощущеній. Только при словахъ: мой Фердинандъ! голосъ ея дѣлался еще нѣжнѣе. Это былъ совершенный идеалъ той Лунзы, которую долженъ былъ полюбить сынъ гордаго Министра, презрѣвшій знатность и богатство, и полною чашею вкушающій блаженство въ бесѣдѣ съ своимъ анге-

ломъ. Искуство Автора и актрисы ознакомило съ предметомъ любви пылкаго Фердинанда. Во второмъ дѣйствіи, явилась и та особа, которая должна разстроить взаимное блаженство двухъ любящихся. Г-жа Бешманъ (бывшая Унцельманъ, о коей упомянуто въ Письмахъ Русскаго Путешественника) занимала роль Леди Мильфортъ. Въ бѣломъ, щеголеватомъ капотѣ, съ богатою шалью, накинутою на плеча, ожидаетъ прибытія своего избраннаго, женщина величественнаго роста, съ пламенными глазами и съ выразительною, хотя и гордою, физіономіею. Наконецъ онъ пришелъ, тотъ, чьего появленія такъ страшится надменная фаворитка; тотъ, о которомъ съ такимъ смятеніемъ говорила она своей наперсницѣ. Леди Мильфортъ мгновенно перемѣнила физіономію и съ привѣтливою улыбкою встрѣтила Фердинанда. Въ нарядѣ и во всѣхъ пріемахъ ловкой фаворитки было замѣтно кокетство знатной дамы, желающей нравиться и ожидающей предложенія, отъ коего зависитъ вся будущая судьба ея. Но когда вмѣсто изъясненія въ любви, она услышала горькія истины, тогда лицо актрисы показало удивленіе, сопряженное съ негодованіемъ. Глаза ея засверкали, и, казалось, что она готова обратить на дерзкаго порицателя громъ своего могущества, но... любовь все превозмогла, и послѣ разительнаго упрека въ томъ, что она причиною всѣхъ бѣдствій государства, гордая фаворитка, съ спокойнымъ и благороднымъ видомъ, твердымъ и выразительнымъ голосомъ начала высказывать свое оправданіе и исторію несчастныхъ обстоятельствъ, побудившихъ ее всту-

пишь на стезю порока. Когда разсказъ ея дошелъ до описанія нужды, ею претерпѣнной, жестокой нужды, столь опасной для чести красавицъ, голосъ Г-жи Бетманъ началъ измѣняться, слезы показались на ея глазахъ. Лицо ея выражало и смиряющуюся гордость, и негодованіе къ строгимъ судьямъ женскихъ слабостей, и горестное воспоминаніе о своихъ проступкахъ.... Задыхающимся голосомъ произнесла она заключеніе длиннаго разсказа: Теперь осуждайте меня, если можете! и мгновенно отерла платкомъ текущія слезы. Фердинандъ Вальтеръ пришелъ къ ней, съ твердымъ намѣреніемъ влюбленнаго, объявить, что никогда не согласится онъ осрамить себя союзомъ съ презрѣнною имъ женщиною. Но послѣ признанія Леди Мильфортъ, такъ искусно выраженнаго несравненною актрисою, не мудрено, что твердость его поколебалась, и ловкій Фердинандъ началъ извиняться весьма неловко. Душа фаворитки, облегченная тягостнымъ признаніемъ, могла въ эту минуту предаться изліяніямъ любви, руководствовавшей ею. Умилительнымъ голосомъ, въ нѣжнѣйшихъ выраженіяхъ просила она плѣнительнаго мужчину исторгнуть ее изъ бездны порока, обѣщая ему пламенную любовь. Но какъ различенъ былъ этотъ голосъ съ очаровательнымъ голосомъ Луизы! Всѣ сіи изысканныя выраженія, всѣ эти уловки утонченнаго кокетства, могли ли сравняться съ однимъ взоромъ обожаемой дочери Миллера? Нѣтъ! спокойный, простодушный разговоръ милой Луизы завлекательнѣе ухищреннаго витійства умной кокетки, подобно тому, какъ адажіо, играемое Дицомъ или

Віотти, болѣе дѣйствуетъ на душу, нежели громъ оркестра въ увертюрѣ Россини..... Декорація перемѣняется, и зритель, изъ пышныхъ чертоговъ Леди Мильфортъ опять перенесенъ въ мирное жилище прелестной Луизы; но интрига возымѣла уже свое дѣйствіе, и доселѣ блаженная Луиза, какъ голубка преслѣдуемая ястребомъ, ищетъ обороны въ объятіяхъ возлюбленнаго. Не возможно описать, какъ была разыграна эта разительная сцена!..... Въ третьемъ дѣйствіи, я опять увидѣлъ Луизу: но это уже не тотъ счастливый, милый ангелъ, который своею улыбкою какъ будто разливалъ блаженство на всѣхъ окружающихъ. Это плѣнительное существо ознакомилось съ бѣдствіями! Исторгнутое изъ сферы благополучія, оно должно вкусить чашу горечи. Въ неизвѣстности объ участи отца и матери, послѣ оскорбленій нанесенныхъ доброму имени Луизы, бѣдная дѣвица показалась на сцену съ тѣмъ же спокойнымъ видомъ, который проявлялъ ея блаженство. Но взоры блуждаютъ и по видимому вопрошаютъ безмолвныя стѣны: куда дѣвались свидѣтели ея счастія? Нѣтъ ни отца, ни матери, ни возлюбленнаго Фердинанда! Кто-то приходитъ. Это сатана Вурмъ, главнѣйшая пружина всѣхъ адскихъ дѣйствій придворной интриги. Съ ужасомъ взираетъ на него Луиза, но вскорѣ опять принимаетъ спокойный видъ. Она уже ознакомилась съ несчастіемъ!... Какъ искусно выражала Гжа Флекъ эту непредвидѣнную покорность злому року, эту рѣшительность души, не ожидающей ничего худшаго, послѣ того что уже было! Ослабѣвшимъ, но

тѣмъ же ровнымъ и протяжнымъ голосомъ, коимъ она говорила съ Фердинандомъ, Луиза распрашивала о бѣдствіяхъ, готовящихся ея семейству. Дьяволъ Вурмъ мучитъ ее крашкими и неудовлетворительными отвѣтами. Устремивъ глаза на злополучную красавицу, сквозь зубы предрекаетъ онъ ей жесточайшія послѣдствія. Съ какимъ чувствомъ выразила актриса слова, переводимыя мною на память: «Если бы за каждую слезу, которую ты заставляешь проливать, мнѣ давали бочки золота — я не пожелала бы быть на твоемъ мѣстѣ! Что еще должно быть?» Тутъ не было ни криковъ, ни всхлипываній, ни размахиваній руками; сіи слова были произнесены спокойно, съ видомъ жесточайшей укоризны унизителю званія человѣка!.... Наконецъ извергъ убѣждаетъ Луизу написать гибельное письмо, долженствующее, по его словамъ, спасти ея родителей. Въ этой адской сценѣ, актриса Флекъ достигала высшей степени совершенства. Вурмъ сѣлъ по правую сторону зрителя; Луиза на другомъ концѣ сцены. Во все время диктованія постыднаго письма, актриса видимо выражала покорность жестокой судьбѣ и самоотверженіе, съ коимъ она приноситъ сію жертву виновникамъ ея бытія. Когда безстыдство злодѣя заставляло ее писать гнуснѣйшія выраженія, то Гжа Флекъ съ горькою улыбкою говорила: Прекрасно! безподобно! Иногда, въ сильномъ внутреннемъ движеніи, она клала перо и вставши со стула, послѣ краткаго размышленія спрашивала: «Къ кому это письмо?» Отвѣтъ былъ тотъ же: Къ губителю вашего отца (an dem Henker ihres Vaters,

эшихъ словъ нельзя перевести), и несчастная Луиза, не перемѣняя своего спокойнаго вида и голоса, опять садилась за письменный столикъ. Видно было, что это убійственное слово рѣшало въ сердцѣ бѣдной дѣвушки борьбу двухъ противоположныхъ склонностей!.. Наконецъ письмо готово; слѣдуетъ только написать адресъ, и непзвѣстное имя Гофмаршала фонъ-Кальба диктуется хладнокровнымъ злодѣемъ. Тутъ, вѣроятно, актриса, поднявши руки къ верху, закричала самымъ *патетическимъ* голосомъ? Нѣтъ! Гжа Флекъ, держа перо въ правой рукѣ, устремила глаза къ небу и кивая головою, какъ будто въ упрекъ жестокой судьбѣ, произнесла: Творецъ Всемогущій! Имя, столько же чуждое моему слуху, сколь чужды моему сердцу сіи постыдныя строки!... Потомъ запечатала письмо, встала со стула, подошла къ суфлеру, и обратившп глаза на зрителей, протянула лѣвую руку къ Вурму, говоря ему тѣмъ же ровнымъ и протяжнымъ голосомъ: Возмите, сударь, возмите: это мое доброе имя, это все мое счастіе, это мой Фердинандъ!.... Слезы катились изъ глазъ ея; ангельская физіономія, казалось, взывала къ Судіи Всевышнему, и требовала небеснаго мщенія рушителямъ ея блаженства. Никакія изступленныя выходки, никакія декламаціонныя выкрикиванія не могли бы лучше выразить сего состоянія непорочной дѣвицы, исторгнутой изъ сферы блаженства и погруженной въ бездну горестей!.... Дѣйствіе кончилось, но истязаніямъ еще нѣтъ конца, и несчастная Луиза должна вытерпѣть новую пытку. Страстная Леди Мильфортъ,

привыкшая всѣмъ повелѣвать, видѣть безпрерывное исполненіе малѣйшихъ ея желаній, въ первый еще разъ узнала, что судьба поставляетъ препоны въ достиженіи къ вожделѣнной цѣли пламенной души. Она узнала, что другая обладаетъ тѣмъ сердцемъ, въ которомъ гордая фаворитка искала высочайшаго блага жизни. Она хочетъ увидѣть ту, которая умѣла безъ всякаго искуства плѣнить Фердинанда; отъ нея желаетъ она научиться чародѣйству, какъ должно прельщать чувствительнаго мужчину. Для успѣшнѣйшаго достиженія сей цѣли, Леди Мильфортъ окружаетъ себя всѣмъ блескомъ своего величія. Она хочетъ ослѣпить свою соперницу, устрашить ее своимъ богатствомъ и могуществомъ... Гжа. Бетманъ явилась на сцену въ голубомъ бархатномъ платьѣ, богато вышитомъ серебромъ. Строусовы перья величественно развѣвались на ея головѣ. Богатѣйшіе алмазы покрывали ея грудь и руки. Гордая осанка являла въ ней повелительницу государства. Одно смятеніе и боязнь встрѣтиться съ опасною соперницею, показывали въ ней влюбленную женщину. Но вотъ приходитъ ожидаемая Луиза, съ видомъ невинности и простосердечія, украшенная всѣми прелестями цвѣтущаго возраста и ангельскимъ выраженіемъ души, непричастной порока, не ознакомившейся съ пылкими порывами страстей. Луиза одѣта въ опрятное бѣлое платьице, подпоясанное голубою лентою; таковая же украшаетъ ея голову, просто убранную. Эта смѣсь цвѣтовъ бѣлаго и голубаго, символовъ ея невинности и душевнаго спокойствія, является въ одеждѣ обѣихъ актрисъ, но съ

какою разницею! Въ пышномъ нарядѣ фаворитки, эти символы какъ будто поруганы; въ костюмѣ Луизы они совершенно изображаютъ ту, которая ихъ носитъ!..... Знаменитое объясненіе между двумя соперницами было разыграно съ неподражаемымъ искуствомъ. Леди Мильфортъ употребляла всѣ утонченія придворнаго, всѣ обольщенія ласковаго высокомѣрія, потомъ угрозы, наконецъ просьбы. Луиза отвѣчала ей спокойнымъ, твердымъ, рѣшительнымъ голосомъ, учтиво, безъ униженія, убѣдительно, безъ самонадѣянности, и наконецъ видя, что могущество и власть гордой соперницы непреодолимы, съ отважностію подарила ей своего возлюбленнаго, рѣшившись въ душѣ принести себя въ жертву сей потерѣ! Отсутствующій Фердинандъ уничтожилъ разстояніе между бѣдною дочерью музыканта и любовницею Государя! Одна возвысилась духомъ, другая унизилась!... Отчаянная Луиза ушла, а Леди Мильфортъ, изумленная, пораженная, какъ будто исторгнутая изъ оцѣпенѣнія всѣхъ душевныхъ способностей, пробужденная отъ сна ангеломъ, указавшимъ ей пропасть, на краю коей она доселѣ находилась — Леди Мильфортъ, со всѣми знаками удивленія, безмолвно озиралась на всѣ стороны и прерывистымъ голосомъ вопрошала сама себя о томъ, что съ нею произошло. Рушились всѣ чары заблужденія, спала завѣса съ ея очей, и порокъ, столь долгое время державшій ее въ сладостной дремотѣ, наконецъ явился предъ нею въ своемъ настоящемъ, гнусномъ видѣ. Тутъ уже безсильны парадоксы, немощны всѣ ухищренія ума. Бесѣда съ непорочнымъ ангеломъ озарила новымъ

свѣтомъ несчастную, заблудшую женщину. Ея томительная, безнадежная страсть еще болѣе показываетъ все ея униженіе!.. Что осталось отъ всѣхъ ослѣпленій величія и счастія? Одно презрѣніе къ тому, кѣмъ она обладала, кто окружалъ ее всевозможными наслажденіями, осыпалъ ее дарами фортуны, словомъ, къ тому, кто весь народъ свой заставлялъ пресмыкаться предъ женщиною, исторгнутою имъ изъ нищеты.... Невозможно описать игры Г-жи Бетманъ въ сей превосходной сценѣ. Безъ напыщенной декламаціи, безъ сильныхъ театральныхъ движеній, съ какимъ искуствомъ выразила она эпохъ переходъ отъ тмы къ свѣту, отъ порока къ добродѣтели, эту страшную минуту раскаянія и жестокой, трудной рѣшительности!... Она сѣла за письменный столикъ, приготовила роковую записку, и приказала допустить къ себѣ низкопоклонника Маршала, который послѣ многократныхъ поклоновъ, съ подобострастіемъ спросилъ свою повелительницу о спектаклѣ. Съ какимъ презрѣніемъ отвѣчала Леди Мильфортъ этой придворной куклѣ! И когда собравшіеся служители услышали изъ прочтенной записки, что госпожа ихъ черезъ четверть часа оставитъ городъ и государство, когда изумленный Маршалъ, не постигая въ чемъ дѣло, отрекся отъ чести быть подателемъ такого опаснаго посланія — съ какимъ благороднымъ и умилительнымъ видомъ обратилась знаменитая несчастливица къ своимъ домашнимъ! Какимъ трогательнымъ тономъ поблагодарила она ихъ за прежнюю службу и объявила о своемъ намѣреніи! Не смѣя прошворѣчить

своей повелительницѣ, всѣ служащіе со слезами лобызали руки, которыя она подавала имъ съ сильнымъ душевнымъ волненіемъ!... Карета подана. Леди Мильфортъ хочетъ ѣхать, и обратившись къ двери видитъ Маршала, который съ глупымъ видомъ недоумѣнія, держа между большимъ и указательнымъ пальцемъ страшную записку, съ трепетомъ вопрошаетъ, дѣйствительно-ли онъ долженъ вручить оную Его Свѣтлости? Презрѣніе опять заступило мѣсто умиленія въ видѣ и голосѣ Леди Мильфортъ. Она отвѣчала Маршалу непонятнымъ для него языкомъ, и сопровождаемая всѣми служителями поспѣшно ушла во внутреннія покои. Изумленный Маршалъ остался одинъ, безмолвенъ, озираясь на всѣ стороны; наконецъ почтительно положилъ записку на столъ, и наклонивши голову, съ распростертыми руками, на цыпочкахъ вышелъ въ среднюю дверь: занавѣсъ опустился!..... Искуство актеровъ не можетъ быть описано; великіе артисты не оставляютъ послѣ себя никакихъ памятниковъ своихъ талантовъ; сохраняется о нихъ одно воспоминаніе видѣвшихъ. Длинное, но слабое мое описаніе не подаетъ почти никакого понятія о восхитительномъ зрѣлищѣ, коимъ я наслаждался. Могу только сказать, что кто видѣлъ въ сей Трагедіи вышеименованныхъ артистовъ, чей слухъ былъ пораженъ звуками ихъ голоса, кто былъ увлеченъ ихъ искусною игрою, тому позволительно быть взыскательнымъ въ отношеніи къ другимъ актерамъ, каковы-бы ни были ихъ таланты.

Представляемую въ Москвѣ Трагедію: Коварство и любовь, не льзя даже назвать тѣнью или призра-

комъ превосходнаго творенія Шиллера. Это изящное произведеніе, игранное на здѣшнемъ театрѣ, можно уподобить великолѣпнымъ чертогамъ, по необходимости превращеннымъ въ лазаретъ. Да не подумаютъ читатели, чтобъ сей приговоръ былъ внушенъ пристрастіемъ и желаніемъ унизить нашу драматическую труппу. Напротивъ: это приступъ къ оправданію и защищенію отечественныхъ артистовъ.— Германскій театръ никогда не былъ подверженъ вліянію иностраннаго. Лессингъ, основатель онаго, проложилъ новую тропу, по коей съ толикою славою проходили его знаменитые преемники: Шиллеръ и Гёте. Сіи великіе писатели знали духъ своего народа, его средства, его понятія, его способы выраженія. Они писали для Нѣмцевъ, и образованные Нѣмцы поняли своихъ безсмертныхъ учителей. Не входя въ дальнѣйшія разсужденія, возмемъ Трагедію, о которой идетъ дѣло. Коварство и любовь, во всѣхъ дѣйствующихъ лицахъ, изображаетъ Нѣмцевъ той эпохи, въ которую писалъ Шиллеръ. Его Луиза, существо совершенно непонятное и даже невѣроятное для Русскихъ, очень посторонимо для Нѣмцевъ, которые на каждомъ шагу встрѣчаютъ сихъ милыхъ мечтательницъ. Актрисѣ Клеронъ гораздо легче было выучиться Анатоміи, для управленія мускулами своего лица, и перечитать всѣ историческія преданія о древнихъ Грекахъ и Римлянахъ, для точнаго изображенія лицъ современныхъ трагедій, нежели Русской актрисѣ узнать, постигнуть чувства и простой бытъ дочери бѣднаго музыканта Нѣмца. Въ добавокъ къ тому, сознаемся, что нашимъ артистамъ, взлелѣяннымъ на рабскихъ по-

дражаніяхъ Французской сценѣ, потерявшимъ лучшія лѣта на выкрикиваніи шестистопныхъ ямбовъ, нынѣ получающихъ чистую отставку — мудрено отвыкнуть отъ протяжной, распѣвной декламаціи и научиться трудному искуству выражать сильнѣйшія душевныя ощущенія разговоромъ простымъ и свободнымъ. Московскій Театръ имѣетъ одного актера, который какъ-то угадалъ это мастерство, или, лучше сказать, который въ душѣ своей нашелъ тайну своего искуства. Это Мочаловъ. Вотъ онъ! Вотъ Шиллеровъ идеальный Фердинандъ! Самъ безсмертный Трагикъ увѣнчалъ-бы его за выполненіе сей трудной роли. Но за то и искуство Г. Мочалова состоитъ въ томъ, что у него нѣтъ никакого искуства (*). Но Мочаловы являются случайно. Ни воспитаніе, ни огромная плата не могутъ доставлять подобныхъ артистовъ. Что-же дѣлать другимъ актерамъ, для со-

---

(*) Нынѣшнимъ лѣтомъ случилось намъ видѣть сего превосходнаго артиста въ извѣстной Драмѣ: *Жизнь игрока*, представленной при маломъ числѣ зрителей. Г-нъ Мочаловъ игралъ такъ же хорошо, какъ и въ лучшее время, когда многіе изъ посѣтителей театра не находили мѣста, по причинѣ тѣсноты. Г-нъ Мочаловъ *не могъ* играть хуже обыкновеннаго! Такъ дѣлаютъ всѣ истинные артисты! Отдавая должную справедливость отечественнымъ талантамъ, вмѣняемъ себѣ въ обязанность упомянуть о прекрасной, естественной и исполненной чувства игрѣ Г-на *Третьякова*, занимающаго роль музыканта Миллера въ Трагедіи: Коварства и любовь.

дѣйствія, для *гармонировки* съ отличнымъ ихъ товарищемъ? Изучать, изучать и изучать свои роли — вотъ одно средство, которое совсѣмъ не такъ легко, какъ мы думаемъ. Если-бы всѣ наши драмы и трагедіи были написаны въ Русскомъ духѣ, дѣло другое! Тогда актеры имѣли-бы всѣ средства заняться своимъ искуствомъ. Но при нынѣшнемъ состояніи нашей сцены и взыскивать грѣшно! Прибавимъ къ тому, что вышеупомянутая Трагедія переведена самымъ варварскимъ слогомъ, и въ представленіяхъ не только сокращается, но даже безжалостно обрѣзывается, такъ что смыслъ и ходъ пьесы совершенно пропадаютъ. По какимъ причинамъ это дѣлается? Потому, что театръ для нашей публики не есть благородное умственное заняіие, а *сидячее гулянье*, какъ сказалъ одинъ изъ нашихъ писателей. Кого-же винить въ томъ, что мы изъ безсмертнаго творенія Шиллера видимъ на сценѣ только искаженныя выдержки? Нечего таить: скорѣе публику, нежели актеровъ. Suum cuique!

По нашему мнѣнію, Трагедія: Коварство и любовь, могла-бы быть разыграна какъ слѣдуетъ, здѣшними артистами. Для роли Луизы, труднѣйшей изъ цѣлой пьесы, есть уже юная актриса, одаренная прекрасною наружностью, плѣнительнымъ органомъ и большимъ чувствомъ. Это Г-жа *Потанчикова*. Если-бы сія молодая артистка отказалась отъ тщетной славы занимать большой репертуаръ, и посвятила-бы себя на изученіе не многихъ ролей, которыя по ея природны къ способностямъ были-бы ею превосходно выполнены, то она заслужила-бы прочную славу и удовлетво-

рила-бы желаніямъ истинныхъ любителей театра. Прочія роли Трагедіи могли-бы быть переданы другимъ артистамъ, болѣе способнымъ нежели играющіе нынѣ. Представленія сей пьесы на глухомъ Большомъ театрѣ можно отмѣнить. Старинные и безобразные костюмы легко замѣнить другими, приличнѣйшими. Пьесу можно перевести вторично, лучшимъ слогомъ, и играть оную безъ сокращеній. Словомъ, на все есть средства: но для кого дѣлать сіи перемѣны? Гдѣ публика?... Не лучше-ли Трагедію Коварство и любовь исключить изъ репертуара, до новаго поколѣнія?

Данный въ заключеніе спектакля балетъ: *Зефиръ, или вѣтренникъ, сдѣлавшійся постояннымъ*, также не худо было-бы отложить въ архивъ обветшалостей, тѣмъ болѣе, что на нашей сценѣ представляется не старѣющій балетъ: *Зефиръ и Флора*, одинакаго содержанія съ вышеупомянутымъ.

В. У.

ПОПРАВКА.

Въ № 13 Телеграфа, на стр. 113-й, было сказано, что М. Н. Загоскинъ сочиняетъ Историческій романъ, и что изъ сего романа *помѣщенъ былъ отрывокъ въ Русскомъ Зрителѣ*. Г-нъ Загоскинъ сообщилъ намъ, что извѣстіе это невѣрно, ибо, хотя онъ и дѣйствительно намѣренъ издать Историческій романъ, имъ сочиненный, но отрывковъ изъ онаго ни-

гдѣ печатано не было, и слѣдственно, отрывокъ въ Русскомъ Зрителѣ не долженъ быть почитаемъ образчикомъ его романа.

Тѣмъ съ бо́льшимъ удовольствіемъ спѣшимъ поправить литтературное извѣстіе наше, что отрывокъ въ Русскомъ Зрителѣ казался намъ недостойнымъ такого Литтератора, каковъ Г-нъ Загоскинъ. Искреннимъ желаніемъ полнаго успѣха его произведенію мы заключимъ нашу поправку. Желательно, чтобы подобными дружелюбными и достойными просвѣщенныхъ литтераторовъ взаимными объясненіями прекращались всѣ литтературныя недоумѣнія.

НОВЫЙ ЖИВОПИСЕЦЪ
ОБЩЕСТВА И ЛИТТЕРАТУРЫ.

Письмо къ Живописцу.

П... 18... г.... дня.

Давно не писалъ я къ вамъ, почтеннѣйшій Живописецъ, и надѣюсь, что за сіе гнѣваться на меня вы не соизволите, когда узнаете причину. Мы, люди дѣловые, приказные, признательно сказать, держимся регламентовъ, по которымъ сперва велѣно знать дѣло, а потомъ дружбу. Такъ мнѣ случилось недавно видѣть, что одинъ почтенный судья обвинилъ своего стараго (*бѣднаго*, прибавимъ въ скобкахъ) друга, и оправдалъ незнакомаго, одинъ только разъ бывшаго у него человѣка (*богатаго*, но это будь сказано мимоходомъ). Онъ оправдывался потомъ, что *дружба дружбою, а дѣло дѣломъ.* Такъ и я: истинно, въ хлопотахъ свѣта бѣлаго не вижу. Вы слышали, уповаю, что у насъ новый на-

чальникъ, и скажу вамъ — молодецъ собою. Давно есшь присловье: *новая метла чисто мететъ*, но наша метла, думаю, будетъ всегда мести чисто. И на первый разъ была у насъ такая сумятица, что Боже упаси: всѣ мы забѣгались чуть не до смерши. Благоразуміе, проницательность, важность, строгосшь нашей новой метлы казались намъ страшнѣе розогъ, кошорыми, помните, стращали насъ нѣкогда въ уѣздномъ училищѣ. Чтобы не говорить многаго, скажу только то, что при первомъ появленіи въ присутствіе, новый начальникъ нашъ не оставилъ ничего на мѣстѣ. Три часа онъ пересматривалъ шкафы, столы, скамейки, стулья, запечки, сѣни, даже подъ столами, подъ шкафами, и вездѣ нашелъ нечистоту, соръ, не такъ, и не ладно. Первое, что онъ велѣлъ: призвалъ столяра и заказалъ новые шкафы и столы съ зеленымъ сафьяномъ; второе, выгналъ экспедитора, за то, что тотъ былъ во фракѣ, и осмѣлился отозваться, что имѣя многочисленное семейство, не имѣетъ средствъ сшить вицъ-мундиръ. Экспедиторъ этотъ малой былъ дѣловой; но какъ-же въ самомъ дѣлѣ при начальствѣ быть во фракѣ? За то другой экспедиторъ получилъ начальническое благоволеніе, за то, что хотъ и большой онъ пьянюга, но выпросилъ у кого-то новый вицъ-мундиръ и явился въ вышяжкѣ. Вицъ-мундиръ ему былъ тѣсенъ, и начальникъ это замѣтилъ. «Что это?» вскричалъ онъ, нахмуря брови. —Не осмѣливаясь оскорбить Ваше Превосходительство старымъ вицъ-мундиромъ, я вымѣнялъ его на новый. — « Напрасно: желаю лучше, чтобы чиновники были въ свободномъ платьѣ. » — Почтеніе къ

особѣ вашей всегда свяжетъ меня; но теперь тѣснó только рукамъ моимъ, и присутствіе ваше кого не заставитъ это чувствовать, даже и такого, кто давалъ прежде рукамъ свободу?—Улыбка и—милость! — Чернилицы велѣно у насъ купить новыя, и экзекутору подать планъ о разстановкѣ столовъ въ симметрическомъ порядкѣ.

Послѣ сего, начальникъ нашъ осмотрѣлъ весь домъ, всѣ помѣщенія чиновниковъ, и прошелъ подъ самую крышу. Какова неутомимость! Я самъ служу здѣсь десять лѣтъ, а подъ кровлею нашего приказа еще не бывалъ ни однажды. Тамъ найденъ страшный безпорядокъ. Вообразите, что тамъ настроены даже были загородки, которыя употреблялись живущими чиновниками вмѣсто чулановъ, гдѣ стояли кадочки, горшки, висѣли и сушились рубашки! «Какъ?» воскликнулъ начальникъ нашъ. «Рубашки, горшки, кадки, здѣсь... такая опасность отъ огня, и никакихъ предосторожностей!» Ужь былъ нагоняй за это экзекутору; пошелъ онъ лучше бутылки, принесенной изъ холода въ тепло. Немедленно велѣно было все выломать, вычистить, вымести, и на представленіе, что нѣтъ чулановъ, сказано, что чиновники могутъ ставить горшки свои, гдѣ имъ угодно. На другой день была у насъ вездѣ такая пыль отъ метенья, что присутствіе отложено, пока пыль усядется. Кромѣ того приказано, безъ промѣшки, подъ крышкою дома устроить чаны, огромные, и налить ихъ водою. Чаны стали 300 рублей, и одинъ подъемъ ихъ 50 рублей. Послѣ того цѣлую недѣлю сторожа таскали туда ведрами воду и чаны наполнили. Оказалось одна-

кожь неожиданное дѣло: отъ лѣтняго жара вода подъ желѣзною крышею протухла, и по всему дому распространилась страшная вонь. Самъ начальникъ нашъ изволилъ опять всходить, нюхать своимъ собственнымъ носомъ, и — вы думаете потерялся, не зналъ что дѣлать? Не правда! Объявлено: *воду вылить, а чаны оставить пустые до холоднаго времени и тогда налить ихъ*; но чтобы избавить сторожей отъ шасканья, призванъ Англичанинъ, механикъ, и велѣно сдѣлать водоподъемную машину, а чтобы отъ морозовъ вода не замерзла, устроена печь, гдѣ будутъ калить желѣзныя ядра и ими разогрѣвать воду.

Я не кончилъ-бы, если-бъ сталъ вамъ описывать всѣ перемѣны. Вы спросите о дѣлахъ бумажныхъ? Они покамѣстъ все по прежнему; но, вѣроятно, и до нихъ дойдетъ скоро очередь. Намъ уже велѣно купить новые ножички, а регистратурѣ придумать новый манеръ графить входящую и исходящую книги, ибо прежняя форма, какъ сбивчивая, *не давала точной идеи о дѣлахъ*. Такъ выразился самъ нашъ новый начальникъ. Прощайте, и пр.

Литтературная задача.

Въ № 17, 18, 19, 20-мъ *Русскаго Зрителя* помѣщены стихотворенія, подъ названіемъ: *Гимны Орфея* (стр. 143 — 164) и *Золотые стихи Пивагора* (стр. 165 — 169). Четко означено на обверткѣ Журнала имя переводчика: *Н. И. Надеждинъ*. Кажется, и говорить-бы нечего. Но вчера былъ я свидѣтелемъ

литературнаго спора. Одинъ литераторъ утверждалъ, что имя: *Н. И. Надеждинъ*, должно быть *псевдонимическое*, и стихи, вѣроятно, заимствованы изъ ненапечатанныхъ донынѣ бумагъ покойнаго Профессора Элоквенціи В. К. Тредьяковскаго, а не сочинены въ наше время. «Кто когда либо, кромѣ Тредьяковскаго, писалъ такіе стихи; кто, особенно въ наше время, станетъ писать такими виршами?» говорилъ спорившій. Слушайте:

ВОСКУРЕНІЕ ПРОТОГОНУ.

О Протогонъ! двоесущный, великій, вевиробѣжный,
Яицеродный, крилами златыми носимый! тебя, призываю!
Вологласный, и смертныхъ и безсмертныхъ начало,
Свѣтъ препрославленный, всепоклоняемый Ирикапсонъ,
Неизрѣченный, таинственный, звукородитель, цвѣтъ яркій,
Мрачную мглу разгоняющій присно-златыми очами,
Всюду парящій на быстрыхъ крилахъ по обителямъ міра,
Дѣвственный свѣтъ лія! И по сему я тебя величаю Фанисомъ,
Круглоокимъ Антавгисомъ, царедержавнымъ Пріяпомъ!
Сниди-жь днесь, мудрый, благій, животворный, къ намъ радостотворно
На совершеніе таинствъ всепразднественныхъ, дивныхъ, священныхъ!

Прочтите послѣ сего, первые, какіе попадутся, стихи Тредьяковскаго, на примѣръ:

Тилемахида, ч. II. стр. 122.

Вскорѣ по немъ Трипптолемъ въ Елладѣ славенъ явился,
Кой наученъ отъ Димитры землю воздѣлывать раломъ,
И покрывать златою жатвою ту ежегодно.
Впрочемъ было уже человѣкамъ вѣдомо жито,
Знали они и способъ то размножать чрезъ посѣвы;
Но совершенства въ орайствѣ всемъ не вѣдали токмо:
А Трiптолемъ, который присланъ былъ отъ Димитры,
Прибылъ съ плугомъ, поднесъ и даръ богининъ тѣмъ людямъ,
Кои всѣ восхотѣли-бъ отвергнуть природную лѣность,
И попуститься въ трудъ прилежный и неусыпный.
Вскорѣ сей Трiптолемъ научилъ въ Елладѣ живущихъ,
Землю орать, и тѣмъ ея плодоносную дѣлать.
Вскорѣ и жатели, въ тщательномъ и трудолюбномъ проворствѣ,
Начали тамъ подкошать серпами созрѣлыи класы,
Кои пріятно толь на поляхъ волновались обильныхъ.
Сами народы, бывши въ себѣ свирѣпы и дики,
И разбѣгавшись туда и сюда особно и порознь,
Какъ по лѣсамъ, по горамъ, такъ Ипирскимъ и Этолійскимъ;
Чтобъ напитаться рожцами, нравы свои умягчили,
И подверглись охотно законамъ, когда научились
Всѣ возращать сторичные жатвы, имѣть-же хлѣбъ въ пищу.

Есть-ли разница между тѣмъ и другимъ примѣромъ? Никакой, и стихи Тилемахиды кажутся еще гладки и чисты послѣ стиховъ Г-на Надеждина. Если въ самомъ дѣлѣ этотъ Г-нъ Надеждинъ существуетъ, то какъ-же не остановилъ его Пиѳагоровъ, переведенный имъ стихъ:

Прежде начатія дѣла размысли: не глупо-ли дѣло;

какъ не вспомнилъ онъ другаго стиха Пиѳагорова, имъ-же Г-мъ Надеждинымъ переведеннаго:

Что неизвѣстно, за то не берися, но выучись прежде
Нужнымъ вещамъ!

Все это чрезвычайно убѣдительно; но я, нижеподписавшійся, еще не согласенъ, и покорно прошу знатоковъ сообщить въ какомъ нибудь журналѣ: точно-ли существуетъ Г-нъ Надеждинъ? Точно-ли онъ писалъ упомянутыя, совершенно Тредьяковскаго стихамъ подобныя, вирши? Если-же кто достовѣрно знаетъ, что оныя вирши похищены у Тредьяковскаго, то таковой благоволилъ-бы представить тому вѣрныя доказательства.

Трофимъ Трандафель.

ПРИКАЗНЫЕ АНЕКДОТЫ.

1.

Въ одномъ изъ городовъ святой Руси жилъ, былъ, а можетъ быть и теперь еще живетъ (но мы будемъ говорить въ *прошедшемъ* времени), дѣловой человѣкъ.

Онъ вертѣлъ дѣлами, какъ мячиками; игралъ товарищами, какъ бирюльками; передъ начальниками крѣпкими сгибался, говоря: *плеть обуха не перестегаетъ*, а мягкихъ самъ сгибалъ, какъ восковую свѣчку. Такъ жилъ онъ, жилъ и нажилъ домикъ и деревеньку. Онъ дѣлъ онъ никогда не отнѣкивался, а приказныя дѣла, извѣстно изъ Хемницеровой Басни, точные комки масла: кто покатаетъ такой комокъ, у того на пальцахъ остается немного маслица. Вотъ, бывало, однимъ пальцомъ дѣлецъ нашъ помажетъ шѣлегу, чтобы она не скрипѣла, а другими—почему и себѣ головы не помазать?

Но злые люди не оставили его въ покоѣ, стали говорить, будто онъ такой и сякой, и когда пріѣхалъ новый Губернаторъ, то еще на дорогѣ этому Губернатору надули въ уши, что такой-то Совѣтникъ плутъ, ябедникъ, взяточникъ, обирала, и проч. и проч.—Умный нашъ Совѣтникъ—назовемъ его хоть: *Фалелѣевъ*, тотчасъ по пріѣздѣ Губернатора увидѣлъ откуда и куда вѣтеръ дуетъ, сжался, замолчалъ, и помнилъ, что *капля по каплѣ пробиваетъ камень*.

Прошло недѣли двѣ; Губернаторъ глядитъ на него сердито. Вдругъ однажды по утру является къ Фалелѣеву подрядчикъ Низкопоклонинъ и проситъ заступиться за его дѣло. «Не льзя, не могу: дѣло ваше неправое; Губернаторъ меня не послушаетъ!» — Батюшка, отвѣчаетъ Низкопоклонинъ, вотъ 5000 доказательствъ, что я правъ — и пучекъ новенькихъ, съ молоточка бумажекъ скатился въ руки Фалелѣева. Какъ быть? Фалелѣевъ до новенькихъ бумажекъ былъ смертельный охотникъ; началъ онъ

ходитъ по комнатѣ, думаетъ, и — придумалъ такъ, что Низкопоклонинъ чуть не воскликнулъ:

Ну! экъ онъ вывернулъ! Бѣсовскій сынъ прямой!

Роли розданы. Низкопоклонинъ является на другой день къ Губернатору, кланяется, хнычетъ, плачетъ. «Что̀ вы?» гордо спрашиваетъ его Губернаторъ, поправляя свой шитый мундиръ и новую шпагу. Низкопоклонинъ объявляетъ, что у него есть дѣло, правое, но враги идутъ противъ него; что Совѣтникъ Фалелѣевъ проситъ съ него 5000 рублей, а въ противномъ случаѣ обѣщается уронить его дѣло, и проч. и проч. «Хорошо!» былъ отвѣтъ Губернатора. Загремѣла карета; Губернаторъ сѣлъ въ нее, и поѣхалъ въ присутствіе.

Вотъ онъ за краснымъ сукномъ. «*Дѣло Низкопоклонина,*» говоритъ докладчикъ. — «Кстати: читайте!« И проницательный взоръ Губернатора устремился на Фалелѣева, безмолвнаго, тихаго; Губернаторъ видитъ гримасы негодованія на лицѣ Совѣтника, его нетерпѣніе, скрываемую досаду, и—чтеніе летитъ мимо ушей Губернаторскихъ; дѣло представляется ему на выворотъ; онъ увѣренъ въ зломъ умыслѣ Фалелѣева, и рѣшился ниспровергнуть хитрость взяточника. Надобно судить. Боже правосудный! Какъ краснорѣчивъ сдѣлался Фалелѣевъ! Онъ ясно, громко, сильно утверждаетъ, что *Низкопоклонинъ не правъ*, что дѣло его плутовское, что его надобно обвинить. Губернаторъ горячится, краснѣетъ, противорѣчитъ, острится на счетъ Фалелѣева, намекаетъ на 5000 доказательствъ, и съ торжествомъ видитъ, что Фалелѣевъ поблѣд-

нѣлъ, заикнулся. «Знайте, М. Г!» продолжаетъ Губернаторъ, «мнѣ извѣстно, можетъ быть, многое,» и проч. и проч., что обыкновенно говорятъ начальники, если они думаютъ, что знаютъ что нибудь, когда въ самомъ дѣлѣ ничего не знаютъ.

Тяжба Низкопоклонина рѣшена въ его пользу; Фалелѣевъ съ 5000-ми; Губернаторъ въ восторгѣ отъ своей проницательности, а Повытчикъ и Секретарь тихонько посмѣялись и—велѣли отнесть дѣло въ архивъ.

(*Будетъ продолженіе*).

ПАРИЖСКІЯ МОДЫ (*).

Les capotes de tout genre sont fort à la mode; celles qu'on regarde comme les plus élégantes, ont la passe en paille de riz, et la calote en gros de Naples bleu, rose ou jaune-vapeur.

Les femmes les plus élégantes se passent la fantaisie d'une capote *en cornet*, ou *à la glaneuse*. Quelquefois cette capote, au lieu d'être de paille, n'est que de carton gauffré. Rien de plus simple que la pose du ruban; il fait le tour de la forme, et ses deux bouts après s'être croisés en X sur le devant, viennent se nouer sous le menton. Doublure, bavolet et ruban sont, pour l'ordinaire, couleur cerise.

(*) До 20 Іюля (н. с.) 1829 г.

Beaucoup de chapeaux de paille d'Italie sont ornés de la fleur et du feuillage de la plante aquatique nommée *sagittaria sagitti-folia*, sagittaire à feuille-en-flèche : ce nom vient de ce que les feuilles ont l'air d'être lancées de droite et de gauche, comme des flèches le seraient par un *sagittaire* ou archer. Les botanistes appellent *sagitté* ce qui est configuré en fer de flèche.

Sur d'autres chapeaux de paille d'Italie, c'est une longue branche de mûres sauvages.

Quelques chapeaux habillés se font en crêpe rose, lisse, et en blonde : quatre bandes, deux de crêpe et deux de blonde, en forment la passe; le haut de la forme ou calote, et le bas, sont en crêpe bouillonné ; le milieu en blonde. On pose dessus une fleur en grappe blanche, ou bien trois plumes, deux blanches et une rose : un demi-voile de blonde en borde la passe.

Quelques modistes font, en gros de Naples et en moire, des chapeaux qu'elles appellent *Marseillais* : la forme en est basse et plate ; les bords, plats aussi et égaux tout autour ont au moins six pouces de large ; ils sont, ainsi que le haut de la forme, bordés de blonde.

Lorsqu'un collier *mi-parti* (ayant une moitié d'une couleur, l'autre moitié d'une couleur différente) est brodé aux deux bouts, la broderie d'un des côtés est de la couleur du fond du côté opposé.

Les jupes de jaconnat rose ou d'étoffe de soie d'un beau vert, portées avec un canezou blanc, sont très-nombreuses.

Une élégante qui part le matin pour la pêche, a une redingote de jaconat à pélerine, un chapeau de paille *à la Pamela*, orné d'un ruban vert, qui fait le tour de la forme; un pantalon de perkale à deux ourlets dans le bas, des souliers de peau et des guêtres grises.

La mode des brodequins d'étoffe à bout de peau, lacés de côté en dedans, est presque générale.

Beaucoup de dames ont des poches; ces poches diffèrent des anciennes, d'abord par leur petitesse, ensuite parce qu'elles sont de la même étoffe que la robe.

Quelques merveilleux portent des pantalons si larges et si longs, que les pieds en sont couverts. On appelle ces pantalons-là, pantalons *à jambes d'éléphant*.

Les gilets sont si ouverts, que la poitrine est presque toute à découvert.

La canne d'un merveilleux est de bois d'ébène et de la grosseur du doigt; elle a une pomme d'or bordée d'une guirlande de fleurs et de fruits en or estampé. A six pouces de distance de la pomme se trouve un cercle d'or, qui représente également des fleurs et des fruits en relief.

Головные уборы. Шляпки-капоты, всѣхъ родовъ, въ большой модѣ; но самыми щегольскими почитаются тѣ, у которыхъ поля бѣлыя соломенныя, а

самая тулья изъ гроденапля, цвѣта голубаго, розоваго или желтаго, называемаго jaune-vapeur. — Самыя блестящія щеголихи носятъ теперь по произволу капоны-шляпки двухъ манеровъ: en cornet и à la glaneuse, ибо тѣ и другія шляпки считаются равно модными. Иногда сіи шляпки бываютъ не соломенныя, но картонныя, тисненыя. Лента, украшающая шляпку, располагается весьма просто: она окружаетъ тулью, и оба конца, будучи положены одинъ на другой въ видѣ буквы X, напереди шляпки, завязываются подъ подбородкомъ. Подбой, баволе, или покрывало, и ленты бываютъ обыкновенно вишневаго цвѣта.

— Много соломенныхъ желтыхъ шляпокъ убираютъ цвѣтами и листьями растенія, называемаго: sagittaria sagitti-folia (*стрѣлолистникъ*. Ботаники Французскіе называютъ sagitté растенія, у которыхъ листочки походятъ фигурою на копейцо стрѣлы). Листы сего растенія прикрѣплены къ стеблю съ двухъ сторонъ, точно какъ будто стрѣлы, которыя стрѣлокъ накладываетъ на лукъ свой. — Убираютъ также соломенныя желтыя шляпки длинными вѣшками дикой шелковицы.

— Иногда нарядныя шляпки дѣлаютъ изъ розоваго гладкаго крепа и изъ блондъ. Поля такой шляпки изъ блондъ и крепа; верхъ и низъ тульи изъ крепа; средина изъ блондъ. Уборку составляетъ пукъ бѣлыхъ цвѣтовъ, или три пера: два бѣлыя, одно розовое; блондовый олувуаль покружаетъ поля шляпки.

— Нѣкоторыя модистки дѣлаютъ шляпки изъ гроденапля и изъ морелевыхъ матерій, и называютъ ихъ *Марсельскими*. Тулья у нихъ низкая и пло-

ская; поля плоскія и равно широкія кругомъ всей тульи, не менѣе шести вершковъ въ ширину. Какъ поля, такъ и верхъ тульи обложены блондами.

Разныя моды. Когда воротничекъ, или галстучекъ, бываетъ двухъ разныхъ цвѣтовъ (mi-parti), то шитье на одной половинѣ его должно быть такого цвѣта, какого другая сторона, и обратно.

— Съ бѣлыми каньзу носятъ весьма многія щеголихи жаконнатовыя розовыя, или зеленой шелковой машеріи, платья.

— Щеголиха въ деревнѣ, отправляясь по утру удить рыбу, должна быть одѣта слѣдующимъ образомъ: соломенная шляпка à la Pamela, съ зеленою лентою, которая окружаетъ тулью; перкалевые панталоны; башмаки коженые, съ сѣрыми штиблетами; жаконнатовый реденготъ, съ пеллеринкою.

— Мода на полусапожки изъ шелковой машеріи, съ коженными носками, застегнутые съ боку и снутри, сдѣлалась почти всеобщею.

— Многія дамы носятъ карманы; но карманы нынѣшніе отличаются отъ прежнихъ тѣмъ, что они весьма малы, и изъ такой же машеріи дѣлаются, изъ какой платье.

Мужскія моды. Иные изъ щеголей носятъ брюки столь длинные и широкіе, что ступня ногъ совсѣмъ закрыта ими. Такіе брюки называются брюками *слоновыхъ ногъ*.

— Жилеты дѣлаютъ столь отверстыми спереди, что почти вся грудь раскрыта.

— Щегольская палка дѣлается изъ гебеноваго дерева, толщиною въ палецъ, съ золотою макушкою, которую окружаетъ гирлянда цвѣтовъ и плодовъ,

вырѣзанныхъ по золоту. На шесть дюймовъ ниже макушки бываетъ золотое кольцо, съ цвѣтами и фруктами en relief.

На приложенныхъ картинкахъ:

1. *Дама.* Креповая шляпка. Платье изъ кашемира, вышитое шерстью. Канзу органдиновое, убранное бантами и лацканами, которые обшиты кружевами.

2. *Мужчина.* Сюртучекъ изъ *зефирнаго* сукна (drap-zéphir); жилетъ изъ шелковой, вышитой матеріи; панталоны изъ пике; галстухъ атласный. — Другой мужчина: фракъ казимировый, жилетъ пике, панталоны нанковые.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЕНО,

съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлены были въ Цензурный Комитетъ *три* экземпляра. Москва, Іюля 29 дня 1829 года.

Цензоръ Сергѣй Глинка.

ВЪ ТИПОГРАФІИ АВГУСТА СЕМЕНА.

ПРИБАВЛЕНІЕ

КЪ

МОСКОВСКОМУ ТЕЛЕГРАФУ.

№ 14. *Іюль* 1829.

О ВЗАИМНОМЪ ДѢЙСТВІИ

МЕТАЛЛИЧЕСКИХЪ ОКИСЛЕЙ (*).

Всѣ металлическія окисли тверды, и потому безъ посредства воды онѣ могутъ дѣйствовать однѣ на другихъ только помощію огня; дѣйствіе ихъ весьма разнообразно.

Иногда одна окисль похищаетъ у другой окисли весь кислородъ, и слѣдовательно ее возстановляетъ; иногда окисль похищаетъ у другой окисли только часть кислорода, и отсюда происходятъ двѣ новыя окисли, которыя почти всегда соединяются. Иногда окисль разлагаетъ другую окисль, освобождаетъ изъ нея кислородный газъ и приво-

(*) Изъ Химіи знаменитаго Тенара. Здѣсь читатели найдутъ теорію важной части заводской промышленности: стеклянныхъ заводовъ. *Изд. Тел.*

дитъ ее въ состояніе окисли, менѣе окисленной, съ которою тогда соединяется постоянно. Иногда наконецъ, одна окисль соединяется съ одною или многими окислями такъ, что ни одна изъ нихъ не разлагаетъ другой, то есть, ни одна не похищаетъ у другой кислорода.

Изъ сего слѣдуетъ, что взаимное дѣйствіе окислей зависитъ въ особенности отъ ихъ сродства съ кислородомъ, и отъ ихъ наклонности соединяться между собою въ нѣкоторыхъ степеняхъ окисленія. Разсмотримъ послѣдовательно сіи разные случаи.

Первый случай. Большая часть окислей первыхъ четырехъ отдѣленій, которыя не находятся въ высшей степени окисленія, могутъ разлагать окиси ртути, осмія и окиси шестаго отдѣленія: это становится понятнымъ, когда припомнимъ, что сіи послѣднія разлагаются при температурѣ низшей краснокалильнаго жара, равно какъ и окиси осмія и ртути, между тѣмъ какъ большая часть окислей, относящихся къ первымъ четыремъ отдѣленіямъ, разлагаются только при высшей степени жара и многія не разлагаются даже при температурѣ весьма возвышенной. Закисль марганца и желѣза вѣроятно разложила-бы нѣкоторыя окиси, принадлежащія четвертому отдѣленію, особенно окиси свинца и никкеля. Какъ-бы то ни было, въ иныхъ случаяхъ разложеніе можетъ и не удаться отъ взаимнаго сход-

ства двухъ окислей: подобный примѣръ представляютъ намъ закисль свинца и закисль потассія, хотя сія послѣдняя окисль имѣетъ болѣе сродства съ кислородомъ, нежели свинецъ: она, не смотря на то, не разлагаетъ свинцовой закисли, съ нею соединяется и образуетъ составъ весьма тѣсный.

Второй случай. Извѣстно, что большая часть перекислей довольно легко переходитъ въ сосіояніе окисли, менѣе окисленной, и что приведенныя въ такое сосіояніе, онѣ тѣснѣе соединяются съ кислородомъ. Изъ вышесказаннаго видно, что если ихъ подвергнутъ вліянію другихъ окислей, коихъ сродство съ кислородомъ довольно велико, то онѣ отчасти разокислятся, и тогда могутъ соединиться со вновь образованной окислью. Закисли металловъ третьяго отдѣленія вѣроятно также дѣйствуютъ на перекисли втораго, третьяго и четвертаго отдѣленій. Такимъ-же точно способомъ дѣйствуютъ многія перекисли втораго и четвертаго отдѣленій съ нѣкоторыми изъ сихъ закислей. Наконецъ, закисль металла будетъ также дѣйствовать вообще на третью степень окисленія сего металла, такъ, что отсюда произойдетъ недокисль.

Третій случай. Положимъ, что окислю дѣйствуютъ на перекисль, что первая имѣетъ большое сродство съ металломъ послѣдней, приведеннымъ къ меньшей степени окисленія, ясно,

что произойдетъ разложеніе перекиси; что изъ нея освободится кислородный газъ, и что разокисленная, она соединится съ другой окисью; понятно даже, какимъ образомъ перекись, не разлагаемая одною теплотою, т. е. не отдѣляющая отъ себя кислорода, могла-бы разложиться симъ средствомъ. Подобные примѣры рѣдки. Недокись потассія находится въ такомъ отношеніи къ окиси силиція и проч.

Четвертый случай. Кажется, что всякій разъ, какъ двѣ окисли не заключаются въ трехъ предыдущихъ случаяхъ, и, кромѣ того, не могутъ легко ни разложиться, ни улетучиться посредствомъ жара, онѣ соединяются одна съ другою, когда подвергаютъ ихъ извѣстному вліянію огня; сверхъ всего, есть такія окисли, которыя, хотя и свободно разлагаются, могутъ однакожъ соединяться весьма тѣсно съ другими неразлагаемыми.

Для подтвержденія сихъ выводовъ кладутъ окись въ реторту; эту реторту ставятъ въ печь; къ ея шейкѣ придѣлываютъ трубу съ шарикомъ, которая подходитъ подъ стклянку, наполненную водою, и разогрѣваютъ смѣсь; или кладутъ окисли въ плавильникъ, совершенно закрытый, и ставятъ его, какъ и самую реторту, на огонь. Когда окисли способны воздѣйствовать на кремнеземъ, тогда надобно предпочитать сосуды изъ платины, или, по крайней мѣрѣ, до

шѣхъ только поръ можно употреблять горшки изъ глины, смѣшанной съ углемъ, пока окисли останутся на угольяхъ безъ дѣйствія.

Не только можно получать соединенія окислей посредствомъ *сухаго пути*, какъ мы показали выше, но, какъ увидимъ въ послѣдствіи, есть возможность составлять такія соединенія и посредствомъ *сыраго пути*. Во всѣхъ случаяхъ одна изъ окислей играетъ роль кислоты, а другая соленаго основанія, такъ, что составы до извѣстной степени могутъ почитаться солями: таковы въ особенности составы, образующіеся посредствомъ чистой или мутной воды изъ кислоты или щелочи, и коихъ начала, сперва растворенныя, соединяясь, низвергаются. Ничто не измѣняетъ новаго состава; пропорціи его постоянны, между тѣмъ, какъ составъ, происходящій изъ окислей, слишкомъ вмѣстѣ, можетъ содержать, и дѣйствительно часто содержитъ, излишекъ одной изъ нихъ. Только въ немногихъ случаяхъ бываетъ противное, особенно, когда одна часть произведенія можетъ кристалловаться: нагаръ высокихъ печей представляетъ намъ опредѣленныя соединенія: въ нихъ находимъ, напримѣръ, кремнистое желѣзо, известь, квасцы и двойное соединеніе кремнистой земли съ известью и желѣзомъ.

Свойства составныхъ металлическихъ окислей. Составныя металлическія окисли

всѣ тверды, ломки, тяжеле воды, безъ запаха; всѣ безвкусны, исключая шѣхъ, которыя содержатъ въ себѣ въ большомъ количествѣ, или даже въ излишкѣ, окисли втораго отдѣленія; всѣ также безцвѣтны, когда происходятъ отъ безцвѣтныхъ окислей, и напротивъ того, разнымъ образомъ расцвѣчены, когда происходятъ отъ окислей цвѣтныхъ.

Довольно значительное число сплавныхъ металлическихъ окислей плавятся обыкновеннымъ образомъ; ихъ плавкость вообще значительнѣе, нежели средняя плавкость окислей, ихъ составляющихъ, такъ, что нѣкоторыя окисли, не плавящіяся отдѣльно, сплавляются весьма плавкими, будучи въ различномъ содержаніи соединены вмѣстѣ. Многія даже способны стекловаться; но должно замѣтить, что всѣ шаковыя окисли всегда содержатъ въ себѣ кремнистую землю: вотъ почему, безъ сомнѣнія, называли прежде кремнистую землю *землею стекловатою*. Въ слѣдующей таблицѣ можно видѣть примѣры составовъ, одаренныхъ сими разными качествами (*).

(*) Желающіе узнать подробнѣе обо всемъ, что касается до плавкости такого рода составовъ, естественныхъ или искусственныхъ, могутъ прочесть: 1. *Литогеогнозію или изслѣдованіе камней и земель вообще*, Потта; 2. *Записки о дѣйствіи огня ровнаго и сильнаго*, Арцета; 3. Сочиненіе Ашара *Объ изслѣдованіи нѣкоторыхъ драгоцѣнныхъ камней*, переведенное съ Нѣмецкаго П. В. Дюбуа; 4 е.

Кремнистая земля 1 часть, соединенная съ нижеслѣдующимъ	Плавимость.	Стеклованіе.
Квасцовъ 1 часть.	Размягчается. . .	
Магнезіи 0,5. .	Неплавимо.	
Извести 1 часть.	Плавится весьма трудно . . .	Нагаръ прозрачный.
Барита 3 части.	Плавимо. .	
Стронціана 3 части	Тожъ. . .	
Поташу 3 части.	Весьма плавимо. . .	Стекло ; расплывается.
Поташу 0,33. .	Плавимо. .	Обыкновенное стекло.
Соды 3 части. .	Весьма плавимо. . .	Стекловато; расплываешся.
Соды 0, 33. . .	Плавимо. .	Обыкновенное стекло.
Желѣзной окиси отъ 2 до 4 частей.	Плавимо и кристаллуется.	
Окиси висмута 4 части.	Весьма плавимо. . .	
Окиси свинцу 3 части. . . .	Тожъ . .	Стекловато.
Тожъ 0,8 и поташія 0,3. .	Плавимо. .	Хрустальное стекло.

Опытъ плавильнаго искусства, Эрмана, переводъ съ Нѣмецкаго Фонталлара ; 5 е. *Записки* Лавуазье, помѣщенныя въ Запискахъ Королевской Академіи Наукъ, за 1782 и 1783 гг. 6 е. Сочиненіе Лоизеля О *стеклодѣліи* ; 7 е. *Разысканія* Гюитона (Annales de Chimie), Разысканія Соссюра (Journal de Physique, и въ особенности Разысканія Лампадіуса (Journal des Mines, Т. XVIII, стран. 171).

Окисли свинцу 0,8 и соды 0,3. . .	Весьма плавимо.	Хрустальное стекло.
Извести 2, 25. .	Плавится трудно. .	Стекловатая прозрачная масса.
Магнезіи 0, 33. .		
Извести 2,25; магнезіи 0, 66. . .	Тожъ. . .	Масса стекловатая, менѣе прозрачная, нежели предыдущая.
Извести 0, 56; магнезіи 0, 66. . .	Тожъ. . .	Масса непрозрачная.
Извести 2, 25; квасцовъ, 0, 33. . .	Неплавимо.	Масса рыхлая.
Извести 1 ч.; квасцовъ 1 час. (a). .	Плавимо. .	Бѣлое стекло.
Извести и квасцовъ, тожъ; магнезіи 0, 33. . .	Плавимо съ шрудомъ.	Масса непрозрачная.
Извести 2,25; магнезіи 0, 33 и окисли марганца 0, 33.	Плавимо. .	Прозрачное стекло.
Извести 0, 6; квасцовъ 0, 3; немного желѣзной окиси и марганцу (b).	Тожъ. . .	Стекло непрозрачное, составляющее шлаки или выгарки высокихъ печей.

(*a*) Плавкостью состава желѣзной окисли и кремнистой земли, и состава кремнистой земли, квасцовъ, извести и желѣзной окисли, пользуются при разработкѣ мѣдной и желѣзной руды, именно: въ разработкѣ мѣдной руды, для отдѣленія желѣзной окисли, шамъ образующейся, а въ разработкѣ желѣзной руды, для плавки земляныхъ частицъ, которыя могутъ въ ней находиться, и для того, чтобы воспрепятствовать соприкосновенію воздуха съ расплавленнымъ металломъ.

(*b*) Послѣдніе восемь результатовъ сообщены Г-мъ Декостилемъ.

Кажется, до сихъ поръ не могли сплавить на кузнечномъ огнѣ никакого смѣшенія кварцовъ и извести; кварцовъ и магнезіи; кварцовъ, извести и магнезіи; впрочемъ, нѣкоторыя изъ сихъ соединеній размягчались.

Глиняные плавильники содержатъ въ себѣ много кремнистой земли, и изъ предыдущаго ясно, что многія окисли могутъ на нихъ дѣйствовать. Въ самомъ дѣлѣ, при возвышенной температурѣ, они повреждаются баритомъ, стронціаномъ, желѣзной окисью, и проч. При раскаленіи, они, или вовсе растапливаются, или на нихъ дѣлаются дыры отъ дѣйствія поташу, соды и свинцовой окиси, употребленныхъ въ достаточномъ количествѣ.

До нѣкоторой степени можно судить о дѣйствіи сосплавныхъ металлическихъ окислей на воздухъ, кислородъ, вещества горючія, воду и проч., по дѣйствіямъ, какія оказываютъ окисли, ихъ составляющія, на сіи тѣла. Впрочемъ, должно припомнить, что въ этомъ состояніи соединенія, каждая окисль гораздо постояннѣе, нежели по одиначкѣ, и потому гораздо труднѣе разложить свинцовую окисль, когда она соединена съ содою и съ кремнистою землею, нежели, когда она находится сама по себѣ. Мы станемъ говорить въ особенности только о дѣйствіи производимомъ водою на сіи

составы, ибо одна вода служитъ условіемъ для явленій, которыя намъ нужно знать.

Когда составныя окисли происходятъ отъ соединенія окислей нерастворимыхъ, тогда сами онѣ бываютъ нерастворимы. Когда, напротивъ, онѣ происходятъ отъ окислей растворимыхъ, онѣ всегда почти растворяются. Но когда онѣ состоятъ изъ окисли растворимой и окисли нерастворимой, въ такомъ случаѣ вода дѣйствуетъ на нихъ тремя различными способами. Часто она разлагаетъ ихъ, покоряетъ себѣ окисль растворимую, а окисль нерастворимую освобождаетъ: это случается тогда, когда обѣ окисли не имѣютъ между собою большаго сродства. Иногда вода не производитъ разложенія, а просто растворяетъ окисли, если окисль растворимая беретъ предъ другими преимущество, и не растворяетъ, если нерастворимая окисль значительно перевѣшиваетъ другія. (1-й *примѣръ*: *составъ изъ* 1 *части кремнистой земли и* 3 *частей поташа или соды*; 2-й *примѣръ*: *составъ изъ* 3-хъ *частей кремнистой земли и* 1 *части поташа или соды.*) Иногда, наконецъ, она производитъ частное разложеніе и образуетъ два состава: одинъ, изъ бо́льшаго количества окисли растворимой и малаго количества окисли нерастворимой, которая растворяется, и дру-

гой, состоящій изъ малаго количества окисли, растворимой и бо́льшаго количества окиси нерастворимой, которая не растворяется, или растворяется весьма трудно. *(Примѣръ: составъ изъ равныхъ частей окисли сурьмы и поташа)* (а). Поелику есть только восемь окислей, растворимыхъ въ водѣ, именно: закислъ потассія, содія, барія, стронція, калція, окислъ лишія, осмія и недокись мышьяка, то изъ сего слѣдуетъ, что тѣ лишь составы, въ которыхъ онѣ находятся, могутъ имѣть способность распускаться въ водѣ, и, такъ какъ съ другой стороны, въ числѣ сихъ восьми окислей окисль осмія, недокись мышьяка, окисль халція и даже окисль стронція мало растворимы, то изъ сего слѣдуетъ, что онѣ часто дѣйствуютъ на окисли нерастворимыя, какъ будто онѣ сами были нерастворимы, или, по крайней мѣрѣ, надобно имъ дать большое преимущество, чтобы ихъ растворяющее дѣйствіе было значительно.

Многія составныя металлическія окисли, происходящія изъ соединенія окисли разводимой и оки-

---

(а) Когда въ раскаленный плавильникъ положимъ смѣсь изъ 2 частей селитры, и 1 части сурьмы, то получимъ составъ сего рода. Онъ извѣстенъ въ Фармаціи подъ названіемъ *діафоретической немытой сурьмы.*

сли неразводимой въ водѣ, могутъ растворяться въ сей жидкости, и поелику послѣдняя растворяется очевидно только посредствомъ первой, то изъ сего должно заключить, что приводя обѣ окисли въ соприкосновеніе, одну въ состояніи студня, другую разведенную въ водѣ, опять произведемъ разложеніе окисли нерастворимой, особенно съ помощію теплоты. Это слѣдствіе дѣйствительно подтверждается опытомъ. Слѣдующія двѣ таблицы содержатъ въ себѣ тѣ окисли, кои поташъ и сода дѣлаютъ замѣчательнымъ образомъ способными къ растворенію и тѣ, кои они дѣлаютъ способными къ растворенію въ весьма незначительной степени.

Окисли, кои поташъ и сода растворяютъ въ водѣ весьма замѣтнымъ образомъ:

кремнистая земля;
квасцы;
глюцинія;
окисль цинка;
окисль марганца, въ высочайшей степени окисленія (а);

(а) Раствореніе окисли марганца въ поташѣ и содѣ бываетъ по мѣрѣ того, какъ заблаговременно соединяютъ ее съ сими щелочами сухимъ путемъ, и потомъ наливаютъ воды на этотъ составъ, цвѣтомъ

окиси олова, особенно недокисль;
бѣлая окисль мышьяка;
недокисль и перекисль сурьмы;
окисль теллурія;
закисль свинцу.

Окисли, кои поташъ и сода мало растворяютъ въ водѣ:

закисль хромія (b);
закисль сурьмы;
недокисль ртути;
закисль никкеля оводотворенная;
закисль и недокисль желѣза оводотворенныя;
окисль родія, вѣроятно въ соспояніи перекиси;
недокисль золота,
и вѣроятно нѣкоторыя другія.

Известь, и въ особенности баритъ и стронціанъ, растворяютъ также нѣкоторыя окисли; но они всегда растворяютъ ихъ только въ маломъ количествѣ; тѣ изъ окислей, на коихъ они, кажется, всего болѣе дѣйствуютъ, суть: окисль цинка и свинцовая окисль; по словамъ Г. Вокеле-

---

зеленый, извѣстный подъ названіемъ *минеральнаго хамелеона*, отъ разныхъ цвѣтовъ, сообщаемыхъ имъ водѣ.

(b) Растворяется въ поташѣ и низвергается отъ кипѣнія (Берцеллій, Ann. de Chim. et de Phys. T. XX. стр. 140).

на, квасцы легко растворяются въ баритѣ и стронціанѣ.

Дѣйствіе, производимое однѣми окислями на другихъ, даетъ имъ иногда способность низвергаться отъ ихъ растворенія въ водѣ, въ щелочи и даже въ кислоты (Записки Г. Гюитона-де-Морво, и Даррака, Ann. de Chimie, T. XXXI и XL).

1. Когда вольютъ баритовой, стронціанной или известковой воды въ растворъ поташа, соединеннаго съ кремнистою землею, тогда произойдетъ низвергъ, составленный изъ кремнистой земли и одного изъ вышеупомянутыхъ основаній.

2. Если смѣшаемъ вмѣстѣ концентрированный растворъ поташа, соединеннаго съ кремнистою землею, и поташа соединеннаго съ квасцами, тогда вдругъ образуется отсѣдъ темный и студенистый, состоящій изъ кремнистой земли и квасцовъ, тѣсно соединенныхъ.

3. Если взболтать квасцы въ студенистомъ состояніи съ известковою водою, и по прошествіи нѣкотораго времени процѣдить эту жидкость, тогда она потеряетъ всякій вкусъ и будетъ просто чистая вода: слѣдовательно здѣсь известь соединяется съ квасцами и образуетъ вмѣстѣ съ ними нерастворимый составъ. (Шеель, T. I).

По словамъ Шеневикса, кажется, что квасцы способствуютъ растворенію извести въ поташѣ и содѣ. (Phil. Trans. 1802).

4. Когда вливаютъ аммоніакъ въ кислый растворъ сѣрнокислой магнезіи, тогда образуется сѣрнокислая аммоніакальная магнезія, растворимая и неудоборазлагаемая аммоніакомъ; но если сперва подбавятъ кислаго раствора сѣрнокислыхъ квасцовъ къ кислому раствору сѣрнокислой магнезіи, квасцы, лишь-бы они были въ довольно большомъ количествѣ, низвергаясь, увлекаютъ всю магнезію магнезіальной соли, такъ, что въ процѣженной жидкости остается только сѣрно-кислый аммоніакъ. Подобныя явленія замѣчаются съ среднею щелочною солью поташа: вливая растворъ сей соли въ растворъ сѣрнокислой магнезіи, нельзя низвергнуть сего основанія; оно низвергается напротивъ того вдругъ, когда сѣрнокислая магнезія содержитъ довольно большое количество кислой сѣрнокислой соли квасцовъ. Въ этомъ случаѣ квасцы опять производятъ низверженіе магнезіи; изъ чего можно заключить, что сіи два рода земли должны имѣть тѣсное взаимное сродство: и дѣйствительно, хотя квасцы легко растворяются въ ѣдкомъ поташѣ, они перестаютъ въ немъ растворяться, какъ скоро соединены съ достаточнымъ количествомъ магнезіи.

5. Вода разлагаетъ гидро-хлоратъ сурьмы; она овладѣваетъ его гидро-хлорическою кислотою и низвергаетъ его окисль. Впрочемъ, не только не производитъ она сего дѣйствія на гидро-хлоратъ о..ова, напротивъ того легко его растворяетъ.

Какъ-бы то ни было, если смѣшаемъ растворъ 1-й части гидро-хлората сурьмы съ растворомъ 2-й части гидро-хлората олова, и покроемъ соединенные растворы большимъ количествомъ воды, въ ту-же минуту окись сурьмы низвергнется и увлечетъ съ собою окисль олова.

Естественное состояніе окислей. — Въ природѣ встрѣчается большое количество составовъ окисли; замѣтно много кремнистой земли, служащей основою большей части драгоцѣнныхъ камней и множество другихъ веществъ, изъ коихъ минералоги составили столько различныхъ классовъ, что число ихъ теперь возросло болѣе нежели до пятидесяти, и они различаются одни отъ другихъ свойствомъ основаній, или пропорціею. *Квасцовики* не такъ многочисленны, но и для нихъ есть примѣры положительные: таковъ *лалль*, или *шпинель*, который ничто иное, какъ магнезіонный квасцовикъ; *ганитъ*, т. е. цинковый *квасцовикъ*, въ равныхъ атомистическихъ пропорціяхъ съ лалломъ.

(До слѣдующаго N°)

Къ сему N° Прибавленія приложены *изображенія табурета и конторскаго стула* послѣдней моды.
